

ПОЛ АНДЕРСОН

БЫЧ ВЛАСТИВЕЦИЙ

Альберт Финистки

- [Пол Андерсон](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Пол Андерсон

Секира света

Глава первая

Видение

Гнетущая тьма лежала над Стигией. Даже оттуда, где Стикс могучим потоком вился в Западный Океан, не доносилось ни малейшего дуновения ветерка. Лишь звезды слабо мерцали сквозь пелену тумана над городом Кеми, и глядя на них, можно было вообразить, что это искры от невыносимого жара, до сих пор источаемого каменной кладкой домов, хотя суетливый день уже давно минул. Городские стены поднимались к небу так высоко, что не только скрывали от внешнего мира все, подлежащее хранению втайне, но и не пропускали ни малейшей прохлады с океана. На фоне заката вырисовывались воздвигнутые на утесах возле тяжелых железных ворот сторожевые башни, и зубцы на них, подобно жадным, пастьям неведомых чудовищ, казалось, норовили укусить звезды. Спрятавшиеся за стенами улицы выглядели черными провалами, тихими и пустынными, за исключением тех, где слышалось сухое шуршание чешуй ползущего по плитам питона, почитаемого в здешних местах священным, или же шипение некоей другой рептилии, выползшей за добычей и повернувшейся на неожиданный звук шагов.

В помещении, где почивал волшебник Тот-Апис, воздух был прохладен и чист. В одном из многочисленных криптов, глубоко в скальной породе, под городом, рабы надрывались у огромной машины, чтобы поддерживать в движении маховые колеса с широкими крылатками. Приятная прохлада, смешиваясь с запахом благовоний, веяла из шахты в опочивальню господина. Скрип колес терялся в приятной убаюкивающей музыке колокольчиков, которыми была оснащена та же машина.

Матрас у чародея был довольно жестким, как это полагалось аскету, однако полностью набит волосами принесенных в жертву девственниц. Ночное одеяние и постельное белье волшебника сотканы из тончайшего черного шелка, словно это была работа паука...

Тот-Апис спал в ту ночь плохо. Он беспокойно ворочался, метался, пока вдруг не проснулся и со стоном не сел. Четыре черных свечи, каждая в человеческий рост, в подсвечниках из бедренной кости бегемота, коптили по углам кровати и вдруг... погасли.

За десятилетия долгой жизни колдуна еще ни разу не случалось подобного знамения, однако он очень хорошо знал, что оно означало. Тот-Апис откинул верхнее шелковое покрывало, с которым так тщетно боролся во сне, и бросился на пол. Извиваясь, как змея, он коснулся губами ковра.

— Яо, Сетех! — вскричал он. — Анет нефер а, неб кеку фентут амон!

Только теперь, он осмелился поднять голову. В сгустившейся темноте вспыхнуло слабое желтое сияние; легкое шипение, исходившее явно не из человеческих уст, нарушило тишину. Сияние становилось все ярче и приняло форму чудовищной золотой змеи, которая, даже свернувшись кольцами, возвышалась почти до самого потолка. Тихое шипение превратилось в рев, подобный тому, что издает Стикс на порогах и водопадах далеко на юго-востоке. И снова Тот-Апис бросился на пол и облобызal ковер.

Громовые раскаты перелились в голос:

— Говори, человек! Говори, кто я!

— Ты Сэт! — с трудом выговорил чародей. — Повелитель Вселенной, которого стигийцы почитают выше всех других богов!

— Говори, как ты служишь мне!

— Я служу тебе, как смеет служить человек тому, кто был до него и пребудет, когда он уже

исчезнет. Я жрец в твоем храме, о великий Сэт. И тому есть причина: больше пользы я принесу, оставаясь верховным чародеем Черного Круга. Мои чары сотрут в прах любого, кто осмелится не почитать тебя. Мой совет укрепляет руку и дух короля в расправе с неверными. Скоро, о скоро, великий Сэт, все они узнают благодаря нам силу твоего гнева. Мои заслуги перед глазами твоими, о Повелитель, — это, конечно, лишь ничтожные крохи благодарности. Ты дал мне много дней и ночей в этом мире. Ты подарил мне власть над людьми и демонами; и, более того, ты позволил мне прикоснуться к источнику мудрости, ты разрешил мне бросить взгляд на таинство твоего бытия. А ныне ночью ты явился перед лицом своего ничтожного раба. Могу ли я желать большего? Что, о великий Сэт, ты дозволишь мне сделать ради тебя в знак благодарности за все эти милости?

— Поднимись, человек! Смотри на меня! Внимай!

Тот-Апис поднялся и остался стоять, опустив руки плетьями вдоль тела. Гигантская голова рептилии придвигнулась, раздвоенный язык высунулся меж клыков, но глаза, лишенные век, остались неподвижны.

— Слушай внимательно, что я скажу тебе, — услыхал волшебник. — Ты именуешь меня владыкой Вселенной, однако тебе известно, сколь многочисленны и разнообразны божества земли, моря, неба и недр земных. Лишь немногие из них признают во мне своего Повелителя, и как много их почитателей считают меня не более чем дьяволом. Митра, Солнечный Бог, самый могущественный мой соперник. И если бы он только смог, то с радостью растоптал бы меня.

— Будь проклят Митра и хайборийцы, что поклоняются ему, — пробормотал Тот-Апис.

— Да будет он проклят, — эхом отозвался золотой монстр. — Из древних манускриптов и благодаря тайному знанию тебе известно, как Митра еще в старые времена утвердил свою власть. Я посылаю тебе это видение, дабы предостеречь от новой опасности. Она угрожает тебе, твоему королю, всему народу — и даже вашему богу. Сегодня соединились мужчина и женщина. Дитя от их союза никогда не вырастет, однако уже сейчас они, не подозревая о том, ткнут нити судьбы. Младенец, еще не покинув чрево матери, грозит вырасти в существо чудовищной силы. И будет вздыматься боевой топор, сокрушающий многое и многих, и наконец он обрушит колонны моего прибежища...

Тот-Апис, спокойствие которого не мог поколебать и отблеск адского пламени, содрогнулся. Если у Сэта недостает власти раздавить двоих смертных и ему приходится призывать на помощь человека, это может означать лишь одно: в мире столкнулись силы, которых Тот-Апис не мог себе представить.

— Не страшись, волшебник, — продолжал рокочущий голос змеи. — То, что должно случиться, произойдет лишь на земле. Если в это дело вмешаются великие боги, разразится последняя битва. Но я, Отец Ночи, позволю тебе на миг заглянуть в будущее, ибо ты нуждаешься в этом. Уверяю тебя, в твоем распоряжении будут все чародейские силы, а также все чудовища и демоны. Они помогут тебе сразить врага, который сам даже не успеет понять, какую опасность он представлял для нас. Это всего лишь человек из плоти и крови, какой бы крепкой ни была эта плоть и какой бы горячей не оказалась кровь. Не будь этой случайной встречи с женщиной, он прожил бы и умер обыкновенным, никому не известным варваром — и так будет, если он умрет сейчас от твоей руки. Смотри же — и хорошо смотри!

В кольце змеиного тела чудесным образом ожила картина. Тот-Апису казалось, что он взмыл сквозь купол своего дома вверх на добрую милю и город теперь лежит внизу, под ногами. Река, бухта, океан мерцали в ночи. Вокруг Кеми по обработанным полям тянулись серебряные нити каналов, и маленькие деревушки темнели крохотными точками, пока колдун поднимался все выше. Наконец Стигия простерлась целиком, до самой реки, образующей ее северную границу. И еще дальше мог видеть Тот-Апис, через поля и луга Шема, за пустыню, за джунгли и

степи Куша. На такой высоте уже стирались все следы рук человеческих.

А затем с головокружительной быстротой перед взором волшебника предстал берег Куша. Влажные леса вздымались на скалах, а волны океана разбивались у их подножия; звезды отражались в реках, болотах и озерах. Тот-Апис спустился немного ниже и увидел костры и просеки там, где чернокожие дикари расчищали лес под пашню. И вот уже его взор, как сокол, несется над водой, к западу.

Тот-Апис увидел корабль, явно не предназначенный для мирной торговли, — стройную черную галеру с приподнятой палубой. Под ней находилась гребная палуба. На носу красовалась вырезанная из дерева и позолоченная голова тигра с оскаленными зубами. На низком релинге висели вдоль борта щиты. Сорок весел втянуты внутрь, поскольку ветер наполнял четырехугольный парус и нес галеру вперед по пенящейся воде. Большая часть экипажа отдыхала. Спальные мешки разложены на палубах и банках. Когда судно, будто нарисованная картинка, оказалось совсем близко, Тот-Апис увидел, что команда состоит из чернокожих молодых парней, одетых весьма скучно или вовсе обнаженных. Многочисленные шрамы на их крепких телах свидетельствовали о жестоких битвах, сквозь которые эти парни прошли. Оружие лежало рядом наготове даже сейчас, в минуты отдыха.

Тот-Апис обратил взгляд на корму. Маленький ахтердек был, вероятно, крышей капитанской каюты, на нем стояли белый мужчина и женщина. Правой рукой мужчина держал рулевое весло, левая же обнимала за талию женщину. Женщина, в свою очередь, тоже прильнула к своему спутнику. Обоих было хорошо видно. На небе — ни облачка, звезды Млечного Пути, сверкая, отражались в воде.

Тот-Апис жил в безбрачии, дабы не растратывать сил на земные утеша, но при виде этой женщины невольно присвистнул сквозь зубы от удивления. Юная, одетая только в прозрачную тонкую ткань, подобную паутине, несмотря на то что морской ветер наверняка холодный.

С узкого пояса свисал кинжал, а серебряный обруч охватывал черные, как вороново крыло, волосы, ниспадавшие волнами почти до пояса. Освещенное звездами видение позволяло различать и краски. Тот-Апис разглядел сверкающие карие глаза под изогнутыми бровями, полные красные губы. Кожа цвета слоновой кости, высокие скулы, разрез ноздрей — все это выдавало в ней уроженку Шема. Однако она выше большинства, — и Тот-Апис никогда еще не видел такой фигуры: упругая грудь подчеркивала невероятно узкую талию, руки и ноги — длинные, прекрасной формы, сильные мышцы и в то же время нежные очертания. Она двигалась с грацией пантеры.

— Это Бэлит, — пояснил голос Сэта. — Хоть она и женщина, ей удалось сделать из черных дикарей опаснейших пиратов, промышляющих вдоль Черного Побережья. Сейчас они идут на север, в Стигию. Сегодня она захватила корабль, на котором плыл Конан из Киммерии. Только ценой больших потерь ей удалось взять его. Варвар-северянин дрался как демон. Сверкающие клинки высекли искры любви, и эти двое заключили союз, чтобы отныне вместе поднимать окровавленные мечи... Да оторвись же от нее наконец, идиот! Смотри на Конана!

Тот-Апис поспешил повиноваться. Кормчий тоже был молод, хотя на первый взгляд казался старше своих лет. Лишь немногие могли бы сравниться с ним ростом и шириной плеч. Мускулы, легко справлявшиеся со строптивым тяжелым веслом, выдавали недюжинную силу. Несмотря на это, он был не менее ловок и гибок, чем его спутница. Грифа черных прямых волос падала на плечи. Точеные черты лица красивы на свой грубоватый лад. Их суровость смягчала улыбка, а голубые глаза, сверкающие во время битвы, как горные льды, сияли сейчас тепло и пламенно. Куртка, которую киммериец натянул на себя, когда они с Бэлит решили отправиться на палубу,казалось, вот-вот лопнет под напором мускулов, обнажится кожа, до сих пор скрытая одеждой, и станет видно, какой белой она была от природы до того, как солнце сожгло ее и сделало

бронзовой. Тот-Апис безошибочно угадал, что человек этот пришел с далекого севера, что он... варвар.

Голос змеи умолк, вместо него волшебник услыхал плеск воды, скрип дерева. Он мог поклясться, что ощущил, как качается под ногами палуба, ему почудилось, будто соленый запах морской воды ударили в ноздри.

Сильный голос Бэлит звучал нежно:

— Звезды радуются вместе с нами, любимый.

Она говорила на жаргоне мореходов. Конан отвечал на том же языке. Его киммерийский акцент звучал так ровно и melodично, что стигиец, очень мало знавший о далеком воинственном народе Киммерии, несказанно удивился.

— Ничего особенного. Они счастливы видеть тебя, — отозвался Конан и еще крепче прижал к себе Бэлит. — Но они бы еще больше обрадовались, разглядев всю твою красоту. Если б они могли заглянуть в нашу каюту!

— Скоро идем? — предложила она мягко, как кошка.

— Да. Я только еще немного глотну воздуха. Да поближе познакомлюсь с этим веслом. Придется сперва немного попотеть, прежде чем из меня выйдет корсар. Давай позовем Н'Яно и Мукату, хватит им уже изнывать от зависти.

— Здесь ты можешь не опасаться ни зависти, ни предательства, — заверила его Бэлит. — Это мои преданные воины из Суба, они связаны клятвой на крови. Никогда ни один из них даже не пытался приблизиться ко мне незваным, и уж тем более оскорбить словом или поступком.

— Плохо им придется, попытайся они это сделать теперь, — проговорил Конан, явно не шутя. — Думаю, скоро мы с тобой дадим им повод действительно взбеситься.

— В этом у них еще никогда не было недостатка, — улыбаясь, заметила Бэлит. — Всегда есть шанс развлечься, когда мы заходим в надежную гавань. И у нас достаточно добычи, чтобы заплатить за любые удовольствия. Но сейчас куда важнее добраться до Стигии.

Конан поднял брови:

— Это после такой кровопролитной битвы?

— Не надо страшиться, что остальные возненавидят тебя за это. Нет, они радуются, что ты — мой возлюбленный и вместе со мной командуешь кораблем. А я — более чем счастлива. — Бэлит жарко поцеловала киммерийца. — Субанцы убеждены в том, что человек, павший в бою, будет жить в вечном блаженстве рядом с богами. Твой клинок принес смерть многим из них, но не причинил вреда их женам и детям. Теперь твоя сила и ловкость на нашей стороне, они помогут нашей мести. Ты ведь даже не догадываешься, каким желанным другом стал на борту корабля, Конан.

— Само собой, все твои враги теперь станут и моими, — кивнул киммериец. — Мне только не понятно, о какой мести идет речь. И я что-то плохо представляю, как маленький корабль может выступить против могущественного царства.

Женщина вздрогнула, как от удара.

— Я расскажу тебе все позднее, любимый, — обещала она, и, казалось, слова дались ей с трудом. — Но эта ночь пусть будет отдана только нашему счастью.

Конан крепко обнял ее. Через несколько мгновений она гордо вскинула голову. Серебряный обруч на ее лбу сверкнул.

— Мы отыщем путь, и стигийцы горько пожалеют о содеянном...

Тот-Апис взволнованно подался вперед. Появившись из ниоткуда, волшебную картину со зловещим свистом рассекла призрачная тень боевой секиры. Тьма скрыла видение. Рептилия, вздрагивая, свилась кольцами.

— Митра! — услышал чародей голос, ставший очень тихим. — Ты нашел меня. Но игра еще

не окончена, Митра, о нет, она только началась...

Гнетущая тьма и тишина окутали Тот-Аписа.

Каким-то уголком сознания он удивлялся, почему не рухнул без чувств на пол после всего, что увидел и пережил. Куда после столетий, отданных Черной Магии, проникла часть змеиного духа Сэта — в ночную тишину за стенами или в него самого? В тот миг чародей не мог ничего сказать, и это было не так уж важно, значение имело лишь одно: он может больше не считаться с чудесами своего бога. Повелитель только что сам стоял перед ним. Но прежде чем сверхъестественная сила не позволила дать более подробные указания, ему была открыта по крайней мере небольшая часть пророчества, и теперь остается лишь выполнить свою миссию.

Тот-Апис нащупал дверь. В коридоре коптили лампы. Все еще дрожа, но полный решимости, колдун поспешил в центральные покои крепости. Там имеется все необходимое, чтобы получить ответы на вопросы. Кое-кто сможет поведать, каким образом можно разузнать побольше о Конане и Бэлит. Тот-Апис найдет верную дорожку к их скорейшей гибели.

Глава вторая

Встреча чародеев

Восходящее солнце окрасило воды Стикса пылающей кровью. Из тростниковых зарослей вспархивали куропатки; грифы кружили в небе, крокодилы выползли на отмели и влажные берега, предоставленные в их распоряжение согласно неписанным законам. Корабли с высокой кормой и косыми парусами заскользили по реке. На галерах гонги отбивали для гребцов такт. Простые землепашцы, одетые лишь в набедренные повязки, а то и вовсе голые, покидали свои убогие хижины, чтобы отправиться на поля.

В бухте, там, где Стикс соединяется с Западным Океаном, начинала свой путь на север, к Шему, полоса известняковых глыб. С этого берега Шем разглядеть трудно, поскольку верхний рукав речной дельты образовывал границу. Нарушать ее вряд ли кто-нибудь отважился бы, ведь все ближайшие шемитские города платили Стигии дань. Стигия будто хотела утвердить этот факт на веки вечные, и Великая Пирамида громоздилась южной своей стороной к Кеми, высоко вознеясь над башнями и стенами. Бесчисленные столетия оставили след на пирамиде, так что она давно уже не светилась легким золотом, а лишь темнела пятнами охры. Не считая этого, пирамида сохранилась неплохо и возвышалась незыблемым символом стигийского могущества. Ниже пирамиды и церемониальной дороги, обвивавшей ее, громоздились обломки скал, зияли пасти брошенных шахт и штолен, где заключенные под бичами надзирателей все еще добывали камень.

Солнце вставало все выше, пока не прогнало тьму из последнего уголка улиц Кеми. Там уже теснились тяжело нагруженные верблюды, повозки, запряженные ослами, всадники и пешеходы. Движение и гул толпы не были такими оживленными, как этого можно вполне ожидать от метрополии. Стигийцы терпеть не могли инородцев, кроме тех, без которых нельзя обойтись. Даже в Луксуре, столице и резиденции короля, расположенной много выше по течению реки, можно было найти куда меньше чужеземцев, чем в большинстве торговых городов других стран. Кеми, религиозный центр, считался запретным для всех, кто не мог предъявить пропуск, а получить таковой непросто даже для стигийца. Если же чужестранцу и впрямь удавалось проникнуть в город, то он сразу же убеждался, что никто из горожан не осмеливается заговорить с ним, кроме тех случаев, когда к этому вынуждают дела. А тех, кто решился вести дела с иноземцем, было очень мало, и за ними пристально и неодобрительно наблюдали...

Солнце продолжало свой путь. Полуденная жара разогнала горожан по домам. Некоторые отправились во дворцы с тенистыми садами, где всегда можно отдохнуть и расслабиться в прохладе, среди плеска фонтанов. Но большинству приходилось довольствоваться тесными каморками в высоких домах на западном крыле города. Впрочем, власти всегда следили, чтобы даже у последнего оборванца имелась крыша над головой — тогда за ним проще приглядывать.

Ближе к вечеру, когда жара уже немного спала, люди вновь выбирались из домов и шли по своим делам, пока не сгущались сумерки. По закону все магазины и лавки в эту пору должны закрываться. В бедных кварталах некоторые таверны еще пускали украдкой посетителей, но и они не долго оставались открытыми.

Хотя преступников в Кеми почти не было, после захода солнца на улицах подстерегала опасность другого рода. Повинуясь приказу, гонимые необходимостью или из чистой отваги, по улицам в свете факелов передвигались разные люди: солдаты, посыльные, грузчики, потаскушки, торговцы необычным товаром; то и дело мелькал жрец.

Во дворце Тот-Аписа всегда царила ночь. Белоснежные стены отвесно поднимались над улицей Осин, лишь немногие двери и отдушины прорезали стену. Вокруг купола на крыше был расположен висячий сад, там росли черные и пурпурные лотосы и множество других экзотических растений. Дворец, больше похожий на крепость, освещался внутри лампами и свечами. В центральный покой никогда не проникало из внешнего мира ни звука, только прохладный воздух.

Целый день слуги волшебника трудились не покладая рук. Когда солнце, окрасившись алым, склонилось к закату, явились двое. Рабы, всегда молчащие оттого, что у них вырезан язык, проводили пришельцев в центральный покой. Вскоре после этого появился третий, точнее, его притащили в цепях. Он и его стражи остались ждать в другом помещении.

Тот-Апис встретил своих посетителей вежливо, не забывая, однако, сохранять дистанцию. Пусть они видят только рослого худого человека в простом черном одеянии, с бритой головой, как и положено жрецу Сэта. Сразу бросались в глаза типичные — острые, словно бы точеные — черты стигийского аристократа. Кожа, испещренная морщинами, точно руническими знаками, — цвета темной слоновой кости. Глубоко посаженные глаза, казалось, сделаны из полированного обсидиана. На левой руке сверкал рубин в форме шара в пасти золотой змеи. Но еще более примечательной была чрезвычайно искусно выделанная голова змеи, свисавшая на цепочке с шеи волшебника.

— Садитесь, — приказал Тот-Апис вызванным людям и опустился в кресло со спинкой в виде раскрывшей капюшон кобры. Поднятая голова змеи образовывала нечто вроде балдахина. В темноте, царящей в помещении, было трудно разглядеть что-либо из предметов обстановки. Только девятивечный канделябр на алтаре отбрасывал слабый свет. Высеченные в камне и истертые от древности барельефы явно происходили из Ахерона, государства, погибшего уже три тысячи лет назад.

— Я велел позвать вас ради одного серьезного и неотложного дела, — проговорил Тот-Апис. — Сэт собственной персоной, — он сделал рукой священный знак, — послал мне знамение, прерванное самым плачевным образом. Я думаю, то было явление Митры, поскольку призрачная тень приняла форму секиры...

— Секира Варуны! — вырвалось у Рамваса, прежде чем он опомнился и сообразил, кто перед ним сидит. — Покорнейше прошу прощения, господин мой, — поспешил извиниться он. — Ваши слова так потрясли меня...

Пронзительный взгляд Тот-Аписа обратился к нему.

— Что вам известно о Секире Варуны? — осведомился он.

Рамвас — человек средних лет, приземистый, крепкого телосложения, с угловатым лицом, очень большим носом, бронзовой кожей, безбородый. Прямо подстриженные седеющие волосы чуть прикрывали шею. Он снял плащ и остался в простой белой тунике и кожаных сандалиях. Вместе с плащом он оставил в передней короткий меч, полагающийся ему по офицерскому званию. Он был, кроме того, незнатным дворянином и владельцем большого поместья.

— Не многим больше того, о чем открыто говорят в Тайе, господин мой, — ответил он смущенно. — Несколько лет назад меня откомандировали туда. Местные жители считают Секиру наследием Митры. Она покоится где-то, спрятанная до времени, пока не придет однажды вождь, не возьмет ее в руки и не освободит Тайю. — Он пожал плечами. — Обычное суеверие.

— Только Тайя опять бунтует, — бросила Рахиба. — И наш Повелитель Ночи, кажется, знает, что на этот раз речь идет уже не об обыкновенном мятеже, который легко могут подавить несколько воинов и один палач.

— Может быть, — нехотя согласился с ней Тот-Апис. — Тот-Кто-Сущий не упоминал,

однако, Тайю. Возможно, он сделал бы это. Волшебство касалось в основном одной женщины-корсара, по имени Бэлит...

Рамвас вздрогнул.

— ...И ее теперешнего спутника, варвара из Северной страны, — продолжал Тот-Апис. — О нем я не сумел практически ничего узнать, хотя видение предостерегало меня скорее от него, чем от женщины. Она же, напротив, уже бывала в наших краях. Как всегда, вспомнили духи и вспомнили камни. Я услыхал также и ваше имя, Рамвас. Мои агенты из числа смертных узнали о вас немало, и между прочим — что вы сейчас находитесь в своих владениях недалеко от Кеми. Они же донесли мне, что вы способный и абсолютно надежный человек.

Рамвас склонил голову.

— Повелитель, — сказала Рахиба, — может быть, вы могли бы начать с описания видения?

Тот-Апис посмотрел на нее еще более пристально, чем только что на офицера. Верховная жрица Дэркето стояла ниже служителей Сэта, хотя богиня девственной любви, одновременно считавшаяся богиней мертвых (верили, будто она уносит души умерших по воздуху вместе с полуночным ветром), отнюдь не являлась второстепенным божеством. Ее почитали далеко за пределами Стигии. В самой Стигии ее чтили простолюдины, призывая чаще, чем далекого и ужасного Сэта. Распорядительница мистерий, верховная жрица Дэркето в Кеми всегда являлась могущественной волшебницей. К тому же — единственной женщиной на совете жрецов.

— Не смейте, Рахиба, — ровным голосом проговорил Тот-Апис. — Мы с вами не первый раз обсуждаем дела, и вы думаете, будто вам дозволено распускать язык, но это заблуждение.

— Я прошу прощения, Повелитель. — По ее тону, однако, нельзя было понять, серьезно ли она говорит. — Я только подумала, что нам не стоит терять времени, раз речь идет о Деле Змеи.

Взгляд Тот-Аписа, как и Рамваса, был прикован к жрице. Рахиба достигла своего высокого положения совсем молодой, когда во время тайной борьбы за власть в Кеми связала себя с победившим кланом. Поговаривали, будто она весьма ловка в обращении с ядами.

Жрица сохранила всю красоту, присущую молодости. Стройная, как большинство стигийских аристократок, высокая, наделенная необыкновенной чувственностью. Ее лицо — изящно очерченный овал, с узким прямым носом, сводящим с ума ртом и большими, сверкающими бронзовыми глазами под изогнутыми бровями. Безукоризненная кожа заставляла вспомнить о янтаре. Шнуры, унизанные фаянсовыми бусами, обвивали пышные угольно-черные волосы, ниспадавшие на грудь. Она носила корону верховной жрицы в форме раскрытого лотоса и прозрачное одеяние. Рахиба тоже оставила в прихожей тяжелый плащ. На пальцах сверкали кольца, изящный воротник прикрывал груди. На шее она носила амулет — маленькое зеркальце на серебряной цепочке.

— Ну хорошо, — опустил глаза Тот-Апис. — Я расскажу, какую милость оказал мне Повелитель Ночи.

Его рассказ был прямым, без прикрас; он только скрыл, что испугался.

— С ветром ничего нельзя поделать, — заключил он, — пока корабль не подойдет поближе. Судя по теперешнему расположению галеры, им понадобится недели две, пока они заберутся так далеко на север. Поскольку течения встречные, им придется отклониться от курса, чтобы идти быстрее, так что у нас достаточно времени для подготовки.

— Что может задержать здесь пиратский корабль? — задумчиво спросил Рамвас. — Стигийская морская торговля не имеет большого значения для благополучия страны. Кроме того, можно предположить, что наши военные корабли справятся с корсаром.

Тот-Апис уставился куда-то в темноту.

— Тот, кто плывет на корабле, станет факелом и запалит пожар судьбы.

Офицер содрогнулся и сделал знак Сэта.

— Если это так, — заговорила Рахиба, и ее слова заставили мужчин задуматься, — то не станет ли и наше вмешательство той самой роковой искрой?

Тот-Апис кивнул:

— Возможно. Но если мы ничего не предпримем, вне всякого сомнения, что-нибудь другое все равно послужит запалом. Мы не сможем тогда потушить это пламя даже в водах Стикса. Тот-Кто-Сущий не стал бы являться мне, не имея на то причин.

Он повернулся к Рамвасу:

— Послушайте, почему я велел позвать вас. Магия открыла ваше имя и поведала еще нечто, что позволило моим слугам узнать о вас больше. Ведь вы однажды уже имели дело с Бэлит и владеете кое-чем, что способно заманить ее. Ради Бэлит Конан сделает все. — Он презрительно скривил губы. — Я видел, что он уже сейчас полностью в ее власти. Двухнедельное плавание еще туже затянет на нем петлю ее чар.

Рахиба опустила длинные ресницы:

— Мне кажется, он решительный мужчина. Вы не могли бы описать его подробнее, мой господин?

— И Бэлит тоже, если я могу попросить вас об этом, — добавил Рамвас.

Тот-Апис выполнил оба пожелания. Когда он закончил, дворянин поскреб подбородок и задумчиво произнес:

— Никакого сомнения — она ничуть не изменилась. Она была одной из моих невольниц. Мы взяли ее около трех лет назад во время охоты за рабами, вместе с ее братом. Я продал негров и оставил обоих белых, о чем до сих пор не перестаю сожалеть. Она настоящая чертовка, ей быстро удалось удрать, причем этот побег стоил мне двух отличных слуг. И братец ее не лучше.

— Волшебство поведало мне кое-что и о нем. Поэтому я и попросил вас доставить его сюда, — заметил Тот-Апис. — Но рассказывайте мне, рассказывайте еще...

Рамвас пожал плечами:

— Это шемит по имени, гм, Джихан — сильный, умный, скрытный, упрямый — опасно упрямый. Он тоже все время пытается бежать, но мы следим за тем, чтобы счастье не успело ему улыбнуться. Однако регулярно повторяющиеся свидания с кнутом исправили его не больше, чем заключение в каземате. Когда он в один прекрасный день голыми руками убил надзирателя, мне стало ясно, что из него уже никогда не получится работника и на полях проку от него мало. Тогда я велел избить его палками на глазах у его товарищей-рабов и поручил это дело одному умельцу. Тот знал, как причинить человеку незабываемые страдания. Затем я передал строптивца надзирателям в каменоломни под Пирамидой, где умеют обращаться с неисправимыми подонками.

Рахиба провела по щеке кончиками пальцев:

— Его можно извлечь оттуда и допросить?

— Не имеет смысла, милостивая госпожа, — заверил ее Рамвас. — Даже постоянная боль не сделала его более кротким. Он работает целыми днями, однако лишь потому, что в каменоломнях с рабов никогда не снимают цепи и поэтому ему не остается ничего иного. Я полагаю, ему только доставит удовольствие продемонстрировать нам свою строптивость, даже если потом его будут за это пытать.

— Пытки — глупость в любом случае! — нетерпеливо бросила жрица. — Я хочу познакомиться с ним!

— Для этого я и посыпал за вами, — заверил ее Тот-Апис. Он повернулся к Рамвасу: — У нее имеются свои средства, ни один мужчина не в состоянии их применить. Но, несмотря ни на что, вовсе не обязательно приводить в мои священные апартаменты вонючего раба с каменоломен. Я покажу его вам там, где он находится, Рахиба.

Он нарисовал в воздухе знак и пробормотал несколько слов. В темном углу словно бы открылась невидимая дверь, и все трое заглянули в образовавшийся проем. Это была караулка. Повсюду сидели вооруженные люди, они разговаривали или играли в кости. Однако назвать их вид и поведение абсолютно беззаботными было нельзя; двое стражников стояли выпрямившись, положив правую руку на древки копий, а левую — на рукоятки коротких мечей.

Тот, кого они охраняли, сидел на скамье возле причудливо украшенной стены. В свете ламп было видно, что он еще молод, среднего роста, с широкими плечами, мускулистым телом. Жилы, как корабельные канаты, вздувались на руках. Одет лишь в грязную набедренную повязку; все тело покрывал слой засохшего пота и грязи. Свалявшиеся жирные волосы и борода темно-каштановые, но от грязи они казались темнее, чем на самом деле. Не раз разбитый, сломанный плоский нос не способствовал украшению лица, когда-то привлекательного, а теперь покрытого шрамами и кровоподтеками. Передние зубы почти все выбиты. Шрамы виднелись по всему телу. Левая лодыжка сломана и неправильно срослась. И все же в золотых, как у орла, глазах светилась прежняя несгибаемая гордость.

Наблюдавшим стали также слышны голоса и стук игральных костей. Один из солдат ворчал:

— Долго нам еще тут торчать? Мне утром заступать на вахту.

— Молчок! — предостерег его другой. — Сегодня ночью мы служим высокому господину.

— Это все из-за него, — буркнул первый упрямо и ткнул большим пальцем в сторону раба. — Эй, ты, и чего ты до сих пор не издох? Почти никто столько не продержался.

Он плонул на босые ноги заключенного.

Джихан вскочил. Цепи, сковывающие его ноги, зазвенели. Он взмахнул руками, словно хотел с силой опустить оковы на череп обидчика. И в тот же миг наконечники копий коснулись его горла. Он, рыча, вынужден был подчиниться.

— Месть держит мою жизнь в теле! И месть свершится! Когда придет мой час! — с трудом глотая воздух, проговорил он на языке стигийцев с жестким акцентом. — Но ты не стоишь большего, чем ответный плевок.

Он отвернулся. Фреска за его спиной изображала Сэта, принимающего почести и жертвы. Узник плонул на бога.

Стражники и Рамвас вскрикнули от ужаса.

— Они убьют его, если вы их не остановите! — крикнула Рахиба.

— Это осквернение божества! — сказал чародей дрожащим голосом.

— Есть наказание куда хуже смерти, — напомнила ему верховная жрица. — И он нам еще пригодится для Повелителя Подземного мира.

Тот-Апис резко кивнул и нарисовал в воздухе еще один знак, прежде чем произнести суровый приказ.

— Оставьте его в покое! Его жребий уже определила сама Судьба!

Стражники прислушались. Исполненные благоговейного ужаса, они отшатнулись от Джихана. Тот вызывающе ухмылялся им. Чародей жестом стер видение.

— Что нам делать с ним? — спросил он после короткого молчания.

Этот вопрос вырвал Рахибу из задумчивости. Она лениво улыбнулась:

— Я сделаю из него все, что потребуется, Повелитель.

— Как?

— Ну уж не кнутом и не заключением в клетку. Нет, доставьте его в замок Мантикора, умойте, подлечите, оденьте, накормите вкусно и сытно, не забывая о вине. Постелите ему мягкую постель в роскошной комнате со свежим, ароматным воздухом. Когда он как следует отдохнет, я навещу его, и вскоре после этого мы узнаем очень много.

Тот-Апис чуть улыбнулся уголками губ:

— Я уже просчитал эту возможность, Рахиба. Пусть будет так.

И вновь обратился к Рамвасу.

— Вы достойны доверия, — сказал он и добавил почти угрожающе: — по меньшей мере, я надеюсь на это.

Офицер немного отодвинулся, испуганный.

— В любом случае, я буду стараться, мой господин, — ответил он не вполне твердым голосом.

Тот-Апис кивнул:

— Хорошо. И если наказание за ошибку не знает границ, награда в случае успеха стоит любого риска. Наш разговор должен оставаться в тайне, по крайней мере, пока мы точно не узнаем все окончательно. Иначе легко может статься, что какой-нибудь не в меру усердный болван из королевской прислуги встанет поперек дороги. А то и все королевские холуи, которые опутывают государство, как лианы — ствол. Это делает обстоятельства намного опаснее. Поэтому, Рамвас, вы должны стать моим слугой. — Колдун поднял руку, когда его собеседник испуганно открыл рот. — Вам нечего страшиться. Не придется иметь дел с колдовством — или почти не придется. Вы должны понять, что в критическое время мне нужны люди, способные в случае необходимости справиться с любыми неожиданностями. В Луксуре никого нет, кому я мог бы довериться. Но очень легко может статься, что мне понадобится там такой человек — и особенно, если восстание в Тайе (что весьма вероятно) связано с Конаном. Вы уже часто бывали там, вы знаете город и людей, вас там уважают. Одно мое слово — и главнокомандующий отправит вас в Луксур с «особой миссией». Там вы организуете подразделение, личный состав которого получит задание тайно наблюдать за каждым подозрительным местом.

— Нн-но... Но, господин мой, — забормотал Рамвас. — Луксур находится за сотни миль отсюда вверх по реке. Даже если я понесусь, загоняя лошадей, все равно не смогу добраться до города, прежде чем пиратский корабль достигнет наших берегов. И самый быстрый почтовый голубь тут был бы бессилен...

Тот-Апис прервал его:

— Замолчите и слушайте. Вы полетите на борту священной Крылатой Ладьи. Вы, вероятно, еще не слышали о ней. Она доставит вас в Луксур за одну ночь, один день и еще одну ночь. Вас будет сопровождать гомункул, который с быстротой мысли сможет передавать ваши слова мне, а мои — вам.

Рамвас, бесстрашно охотившийся и на львов, и на людей, не сумел подавить охватившую его дрожь.

Тот-Апис заметил это и сказал успокаивающее:

— Если вы поторопитесь, то еще успеете уладить все свои дела здесь, а в Луксуре у вас будет время для приготовлений. Но сначала мы с вами должны поговорить поподробнее. И не забывайте, Рамвас: в минуту опасности отважный имеет случай отличиться, приходит к власти и имя его становится легендой. Не замечали, а, Рамвас?

Рахиба потянулась в кресле, как кошка, и еле заметно улыбнулась.

Глава третья

Слово мести

— Счастье умерло для меня, когда на горизонте показался черный парус, проговорила Бэлит.

Она стояла рядом с Конаном на верхней палубе. Золотая голова оскалившегося льва сверкала под безоблачным небом. Солнечные лучи играли в голубых и зеленых пенистых волнах. Ровный свежий бриз наполнял парус и гнал «Тигрицу» вперед, так что вода вскипала в кильватере. Как грациозный хищник неслась галера, оставив позади себя землю, но чайки все еще сопровождали судно. Смеясь и перешучиваясь на своем родном языке, матросы принимались за привычную работу.

Но душа Бэлит пребывала сейчас далеко, в страшном для нее времени. Она не обращала внимания, что ветер растрепал ей волосы. Она будто бы взглядалась в прошлое. Когда Конан тронул Бэлит за плечо, она не прижалась к киммерийцу, как обычно.

Она монотонно продолжала рассказ:

— Мне лучше начать с самого начала, какую бы боль ни причинили мне воспоминания. Мой отец — Хоаким из Дан-Марки на Северном побережье Шема, недалеко от границ Аргоса. Дан-Марка — небольшой город, свободный и никому не выплатил дани. Наши леса поставляли древесину для множества кораблей из далеких стран. Чужестранцы приносили в таверны и лавки золото и свежие новости. В храмах царили благочестие и строгость.

Хоаким сочетался браком с Шаафи и увез ее на юг. Незадолго до того был заключен договор с Субой на Черном Побережье, чтобы наладить там торговлю. Такую возможность, молодой человек не мог упустить. Субанцы — рыбаки, земледельцы и охотники. Они торговали с племенами, обитавшими в глубине страны. Товары их весьма разнообразны: меха, драгоценные камни, золотой песок, железное дерево, редкие птицы и диковинные звери. За это они хотели получать оружие, ткани, пряности, лекарства и тому подобное. Мой отец стал торговцем.

В Субе он пользовался большим почетом, поскольку был не только силен, не только превосходно стрелял, но также отличался трезвым умом и честностью в делах. Местные жители приходили к нему со своими заботами и почти на все случаи жизни получали совет. Случалось ему и улаживать конфликты. В плохие времена — когда бушевали ураганы и наводнения, свирепствовал голод, гремели войны — он принимал командование, пусть даже неофициально. Местный вождь никогда не завидовал моему отцу, потому что был, как и все остальные, убежден, что Банглу наделен свыше великой магией. Банглу, Высочайшим, называли они моего отца. Туземные врачи ничего не имели против моей матери Шаафи, когда она выступала в роли повитухи, целительницы, утешительницы — да просто в роли ангела-спасителя, потому что все видели, какая польза от ее помощи. Она учila женщин и детей: обучала их возделывать сады, готовить овощи и фрукты, знакомила с музыкой, ткачеством, со всем, что облегчает жизнь.

Там родился Джихан, а двумя годами позднее — я. Там мы росли, водили дружбу с субанцами, бегали по лесам, плескались в реках и у морского берега, учились всему, что знали и умели аборигены. Но мы не стали дикарями. Наши родители заботились о том, чтобы мы получили хорошее воспитание, какое принято у шемитов. Они обучали нас читать по старым свиткам, а еще больше — своим примером. Немало кораблей находило к нам в гавань, они привозили новые товары и забирали те, что мы выменяли у местных жителей. Приставали к берегу и чужеземные суда, которые желали вести меновую торговлю или просто совершили

путешествия, и тогда всем было весело и интересно. Мы и в самом деле вовсе не были отрезаны от мира, и жизнь казалась нам прекрасной.

Бутон моего счастья расцвел, когда... когда я вышла замуж. Это случилось во время моей последней поездки в Дан-Марку. Джихану не было смысла спешить с выбором жены, потому что местные девушки из кожи вон лезли, чтобы сделать его жизнь раем. Но я — я была еще нетронутой, девственной и не противилась честному союзу. А родителям хотелось внуков и помощников, ведь торговый форпост становился все больше и дела шли все лучше. Таким образом, в городе они дали поручение свахе, и та скоро нашла для меня подходящего молодого человека. Никому из наших родительских пар не пришлось долго уговаривать нас. Алал и я полюбили друг друга с первого взгляда.

Мой нареченный вернулся вместе со мной. Он оказался способным помощником, и все полюбили его. Мое счастье принесло в следующем году богатые плоды — родился сын, наш маленький Кедрон.

А тремя месяцами позже из-за горизонта вынырнул черный парус.

Сначала все обрадовались — здесь всегда гостеприимно встречали чужестранцев. Воины подхватили копья, луки, щиты и булавы и вышли на берег. Несколько раз случалось так, что вид вооруженной толпы заставлял корабли — если это были пираты и охотники за рабами — повернуть обратно...

Бэлит, напевая колыбельную, уложила Кедрона в колыбель и вышла вместе с Алалом. И снова зрешице, открывшееся ее глазам, заставило сердце биться сильнее. Позади нее простирались возделанные поля, густая зелень джунглей поднималась к сияющему голубому небу. Узкая река извиваясь текла среди рисовых полей и побегов ямса, мимо пастбищ, обнесенных забором, к морю. Прямо на берегу находился крааль.^[1]

Травяные крыши, вызолоченные солнцем и ветром, возносились над палисадами, обвитыми жимолостью. Эта зелень с белыми цветами, источающими сладкий аромат, привлекает целые рои пчел. Их хлопотливое жужжение звучало постоянной, приятной слуху нотой. Торговый форпост находился примерно в полутора милях от крааля. Вытянутое строение из высущенной на солнце глины, выкрашенное белым, с соломенной крышей, почти полностью заросшее великолепными цветущими олеандрами. Пляж сверкал ослепительным кварцевым песком. Речушка устремлялась в бухту, где располагалось безопасное прибежище и надежная якорная стоянка для кораблей. На всем остальном побережье кипела яростная схватка между прибоем и отвесными скалами. Свежий западный ветер унес с собой жару. Над садами шумной радугой летала стайка попугаев.

Рослые воины Субы выстроились вдоль берега. Обнаженные, если не считать травяных юбок, головных украшений из перьев, ножных и ручных браслетов и деревянных бус. Черно-коричневая кожа блестела, точно смазанная маслом. Женщины, веселые ребятишки, почтенные старцы и вождь в леопардовой шкуре устремились из крааля. Ветер доносил до Бэлит приветливые голоса и смех. Барабан забил в праздничном ритме.

Хоаким и Шаафи уже стояли перед домом. Пожилой хозяин провел по седеющей бороде рукой и спросил:

— Что ты думаешь об этом корабле, Алал?

Юноша прищурился, глядя на ослепительно сверкающую воду. Корабль подходил все ближе. Его пузатые бока высоко поднимались над водной гладью. Несколько весел предназначались исключительно для маневров. Судно, включая и парус, было совершенно черным, только бившийся на ветру флаг отливал багряно-красным. На носу и корме уже были хорошо различимы палубные надстройки. Солнце играло на металле, когда многочисленные люди двигались по палубе.

— Стигийское, судя по цветам и оснастке, — ответил Алал после недолгого созерцания. — Но бьюсь об заклад, на борту находятся не только стигийцы, сами-то они неважные мореходы. Что им вообще здесь нужно, так далеко от дома?

Страх охватил сердце Бэллит. Слишком много ужасного слыхала она о стигийцах. Алал почувствовал ее тревогу. Он ласково сжал жене руку и успокаивающе улыбнулся. С благодарностью ответила она на пожатие и улыбку.

— Может быть, новых знаний? — предположила Шаафи, мягко, как всегда. — Разве стигийцы — не народ мудрецов?

Хоаким с любовью положил руку ей на плечо, однако не стал высказывать своего мнения о стигийцах.

Когда корабль подошел ближе, Бэллит увидела, что Алал не ошибся в своих предположениях. Хотя основную часть экипажа составляли смуглые стигийцы, девушка различила среди них также шемитов и еще более светлокожих людей, которых сочла аргосцами. Но почему они так тяжело вооружены, зачем на них доспехи? Бэллит видела латы, шлемы, щиты, огромное количество оружия. Ведь всем и каждому уже давно известно, что гости Субы и торгового поста Хоакима всегда пользуются дружеским приемом. Не нужно ждать никакого предательства. Воины, стоявшие на берегу, явно испытывали ту же тревогу, что и Бэллит. Они сомкнули ряды. Остальные субанцы замерли, а потом вернулись за палисады.

Лоцман проревел предупреждение. Якорные цепи с грохотом упали в воду, парус опустился. Корабль бортом пристал к берегу.

Запела труба. Люди поспешили к странным строениям на носу и корме. Теперь можно было разглядеть, что это нечто вроде огромных сосудов из глазурованной глины на ржавых железных подставках. Клювовидные отверстия глиняных сосудов удлинялись за счет прочно прикрепленных кожаных шлангов. Стигийцы внимательно изучили направление ветра, навели шланги на берег и открыли краны.

Из каждого крана вырвалось серое облако. Воины на берегу, задыхаясь, хватались за горло, шатаясь, падали на песок. Оружие выскальзывало из ослабевших рук. Слабый запах ударил в ноздри Бэллит, и ее охватила слабость и головокружение, пока ветер не переменил направление.

— Помоги нам Иштар! — вскричал Хоаким. — Это, должно быть, охотники за рабами! Они посыпают на нас какой-то яд, чтобы мы не могли сражаться. — Он вытащил короткий меч. — Алал, уведи женщин и ребенка в безопасное место. — Он покинул своих домочадцев, крича: — Ко мне, мужчины Субы! Ко мне! В бой!

Когда глиняные сосуды опустели, облака быстро рассеялись. С корабля сбросили веревочную лестницу. Охотники за рабами быстро спустились по ней, высыпали на пляж и построились в боевой порядок. На берегу им никто не оказал сопротивления. Все воины лежали там без сознания, задохнувшись дьявольским дымом. Стигийцы и их подручные набросились на крааль.

Как в кошмарном сне видела Бэллит своего отца — он испускает боевой клич, бежит, собирая людей. Она услышала, как он кричит на самого вождя:

— Унгеду, быстро, спрячь людей за палисадом и забаррикадируй ворота!

Примчался Джихан. Он ловил рыбу вверх по течению реки и пробежал, возвращаясь домой, немалое расстояние.

— Нет! — закричала Бэллит любимому брату. — Уходи!

Но он не слышал, или не хотел слышать, и полетел, желая присоединиться к отцу.

Все субанцы, еще способные двигаться, сделали то же самое.

Бэллит видела, как один аргосский стрелок выступил из рядов налетчиков. Он положил стрелу на тетиву, прицелился и выстрелил. Бэллит вряд ли расслышала свист стрелы, однако очень

хорошо увидела, как падает Хоаким. Он судорожно схватился за древко, торчащее из груди, рухнул и больше не шевелился.

Джихан взвыл от ярости. Пылая гневом, набросился он на стигийцев. Враги немедленно окружили его. Поднялись и со свистом опустились древка копий.

Разбитые, чернокожие бойцы бросились бежать под организованным натиском по-военному обученных охотников за рабами. Пираты добрались до края еще до того, как были заперты ворота. Они оставили несколько человек охранять ворота, и субанцы оказались, таким образом, заперты в ловушке. Враги тем временем пустились в погоню за беглецами — а тех было большинство.

— Отец! — рыдала Бэлит. — Джихан!

Алал встряхнул ее.

— Нам нужно уходить! — проговорил он сквозь стиснутые зубы. — Такова последняя воля твоего отца.

Она смутно припоминала, что им, подданным Шема, можно не страшиться охотников за рабами, поскольку существовали договоры между Стигией и Шемом. Но всякий договор можно нарушить, и кто будет протестовать, когда они уже станут рабами?

— Кедрон! — простонала она.

Шаафи вышла из дома с внуком на руках. Ее слезы капали на дитя, но она произнесла спокойным тоном:

— Нужно спрятаться в джунглях, пока они нас не заметили. Многие последуют за нами. А позднее мы смогли бы вернуться сюда.

Любовь и ненависть кипели в сердце Бэлит, жалость и боль кружили рассудок. Она бросилась к дому, вырвала из стойки на стене копье и вернулась к своим близким. Они двинулись через поле. Услышав рев, Бэлит резко обернулась, и сердце ее упало. Четверо бандитов заметили их и пустились в погоню.

Шаафи остановилась, и Бэлит, точно лишившись сил, последовала ее примеру, в то время как Алал заставлял их бежать дальше. Шаафи подняла седую голову.

— Я уже стара и не могу бежать так быстро, как вы, — прошептала она. — И мне не хотелось бы, чтоб Хоаким один предстал перед Иштар.

Она передала плачущего ребенка в руки растерянной Бэлит.

— Бегите, — велела Шаафи. — Живите счастливо.

И вынула из-за пояса кинжал. Блеснул клинок, брызнула кровь. Шаафи упала на колени между бороздами и затянула предсмертную молитву. Голос ее вскоре угас.

— Я сделаю это для тебя, если понадобится, — обещал Алал своей жене. — Теперь идем.

Они бросились дальше. Молодые, сильные, выносливые люди легко оставили бы позади своих отягощенных вооружением преследователей. Но никто из смертных не бегает быстрее свинцового шара, запущенного из пращи. Внезапно раздался невнятный шум — и Алал опустился на землю. Затылок его был раздроблен. Шумящие колосья поднялись над ним, милосердно скрывая страшную картину от глаз Бэлит.

Она держала Кедрона на левой руке. В правой же держала копье. Так мчалась она дальше.

Непереносимая боль пронзила ее левое бедро. Второй свинцовый шар попал в цель. Бэлит споткнулась, снова выпрямилась и попыталась бежать, но ногу свело судорогой. Бэлит осторожно отложила в сторону оружие, обнажила грудь, тяжелую от молока, и в последний раз дала ее ребенку. А потом нежно уложила его на землю, взяла копье и принялась ждать...

— Одного я убила, двоих ранила, — рассказывала киммерийцу Бэлит. — Это было ошибкой. Мне нужно было последовать примеру моей матери. Они одолели меня.

Конан прижал ее к себе.

— Не стоит утруждать себя, рассказывая о том, что последовало, — проговорила она тихо после небольшой паузы. И не позволяла дать волю слезам. — По пути назад, в Стигию, они, по крайней мере, оставили меня в покое, и, таким образом, зарубцевались хотя бы раны моего тела, хоть раны души неисцелимы. Я была к тому же ценным товаром, так же как Джихан и наши друзья, которых они захватили. Меня они даже отделили от них, и я их не видела. Однако я слышала, что многие из них умерли в вонючем трюме.

Получилось так, что мы столкнулись с неопытными охотниками за рабами. Они решились в короткий набег в надежде получить легкую наживу. Стигийский дворянин по имени Рамвас услышал о Субе и нашем форпосте и понял, что здесь можно найти богатый улов и хорошую добычу. Ему было также ясно, что неплохо иметь особое снаряжение, чтобы обезвредить чернокожих воинов.

Конан нахмурился. Как бы ни было велико его сочувствие к Бэлит, врожденный варварский практицизм возобладал.

— А для чего они используют этот усыпляющий дым, когда не воюют? — спросил он.

— Это средство очень дорого стоит, и его не производят в больших количествах, — ответила Бэлит. — Его готовят из одного ядовитого плода, который растет только в болотах Зембабве. Слуги Рамваса достали его как раз достаточно для нападения и за приемлемую цену. Им пришлось припугнуть вождя того маленького племени, которое умеет изготавливать средство. Они грозились раскрыть племени одну гнусную тайну вождя, если не получат снадобья. И даже тогда им пришлось ждать месяц, пока не было изготовлено нужное количество.

— Откуда ты все это знаешь?

— Рамвас как-то хвастался, когда разок слишком глубоко заглянул в свой кубок. — Бэлит вздохнула. — Он продал субанцев на невольничьем рынке. Меня же и Джихана оставил себе. Джихана отправил работать на плантации, позволив нам лишь короткое прощание. Я... Меня он доставил в свой гарем.

Сначала, не желая никаких сюрпризов, он отвел меня к одной ведьме, чтобы та сделала меня навсегда бесплодной. То, что она сотворила, не оставило никаких видимых следов, но... О Конан, боль того дня не забыть. И никогда мне не забыть о том, что я не смогу подарить тебе сына.

На склонах киммерийца заходили желваки, и желание разнести что-нибудь в щепки вот-вот,казалось, вырвется на волю, но он подавил его и утешающе обнял Бэлит.

Она жестко рассмеялась.

— Не думаю, чтоб он получил большое удовольствие, — продолжала она. — Я чуть не выщипала ему глаза. В ту ночь он оставил меня в покое. С тех пор он меня принуждал. Но поскольку удары плетью оставляют шрамы, а Рамвас желал видеть возле себя лишь красавиц, он вливал мне между губ сок пурпурного лотоса, от которого тело парализует на несколько часов. Но делал он это не часто. Это все равно не давало ему того, к чему он стремился. В любом случае, со временем я стала находить бессмысленным стремление к смерти. Мертвые не умеют мстить. Мне стало ясно, что я должна напрячь всю свою волю и позаботиться о том, чтоб Хоакиму, Шаафи, Алалу и Кедрону служили в ином мире множество рабов.

Резкий порыв ветра качнул корабль, и парус хлопнул, как удар бича.

— У Рамваса были какие-то дела в Кеми, — сказала Бэлит. — Я никогда не скрывала от него своей ненависти и все-таки заставила взять меня с собой. Я многого ожидала от этого — ведь Кеми портовый город...

Полная луна одела свой серебристый венец-ореол. Тишина царила на улицах за стрельчатыми арками окон. В чуть красноватом свете луны и мерцании звезд поблескивали

искусные решетки, украшавшие окна.

В покое, целиком затянутом красным бархатом, Бэллит поднялась с дивана. Она ждала долго и терпеливо. Неподалеку на столике стояла ваза с лилиями. Бэллит вытащила из вазы цветы, равнодушно бросила их на пол и одним ударом разбила вазу. Горловину с острыми краями зажала в руке. И побежала к выходу.

С криком она замолотила в двери.

— Откройте! — стонала Бэллит. — Отворите же! Выпустите меня! Позовите лекаря! Я умираю!

Щеколда со скрежетом отодвинулась. Дверь широко распахнулась. Свет ламп из коридора ярко освещал огромную фигуру евнуха. В руке он держал саблю. Не ожидая подвоха от простой наложницы, он хмуро осведомился:

— Чего ты хочешь, женщина?

Бэллит оскалила зубы.

— Твоей смерти! — прошипела она и с быстротой молнии полоснула евнуха стеклянными осколками по горлу. Он отшатнулся, но закричать не сумел. Только клокотание и хрип сорвались с толстых слюнявых губ. Он опустился на колени и наконец упал на живот.

— Хотела бы я, чтоб вместо тебя оказался Рамвас, — пробормотала Бэллит, когда евнух безжизненной грудой валялся у ее ног. Бэллит подхватила его кривую замбулийскую саблю и на цыпочках двинулась к лестнице. В неверном свете ламп перед ней метались по стенам причудливые тени, заставляя иногда вздрагивать и останавливаться.

В конце лестницы, там, где уже виднелась дверь, ведущая на свободу, стоял стражник, и судя по ширине плеч и суровому взгляду — явно не евнух. На нем были шлем, кираса, поножи. В правой руке воин держал пику, а на боку в ножнах висела сабля.

— Стой! — рявкнул он. Зычный голос громко повторило эхо.

Бэллит спрятала клинок за спину. И одарила стражника чарующей улыбкой — так она улыбалась до сих пор только Алалу.

— Стой? — пробормотала она. — С большим удовольствием я постою возле тебя, солдат, если тебе этого хочется. Веселой девушке так скучно в гареме, знаешь.

Слегка польщенный и сбитый с толку, воин сделал шаг назад. Бэллит тут же взмахнула саблей и бросилась на стражника.

Ей почти удалось достать его. Воин отскочил в сторону, уклонился от разящего клинка и вздернул пику, отражая второй удар. Бэллит описала саблей круг и ударила стражника по ноге.

Он закричал, призывая на помощь. Бэллит без остановки рубила справа и слева. Пика выпала из рук воина. Если бы он сохранил ясную голову, ему, вероятно, удалось бы одолеть Бэллит. Но при виде женщины, атаковавшей отчаянно и смело с дьявольской усмешкой на устах, в нем проснулся непроизвольный страх. Бэллит училась искусству фехтования у своего отца и охотилась в Кусе на буйолов и львов.

— Ведьма! Ведьма! — завизжал стражник, пытаясь извлечь свое оружие из ножен, но тут клинок Бэллит наполовину перерубил ему запястье, а потом острие сабли вонзилось воину в горло.

— Я покинула дом, — рассказывала Бэллит, — совершенно не беспокоясь о тех опасностях, которые могли грозить мне на улице. Ночь укрыла меня. Я искала гавань. Там я прикончила охранника и украла фенулу. Вскоре после этого начался прилив, и меня вынесло в открытое море.

Поверь, особыми надеждами я не тешилась. Меня гнала месть. Я жаждала смерти в бою и сама удивлялась, почему она обошла меня стороной. Теперь я стала арфой, на которой играет

Дэркето, чтобы призывать ко мне мужчин.

Честно признаться, у меня были безумные мечты добраться до Дан-Марки. Но потом боги дали понять, что они не желают этого. Южное течение очень сильное — без попутного ветра идти против него трудно. С другой стороны, на борту было предостаточно провианта и воды — еще одно знамение судьбы.

Я повернула к Черному Побережью, к моим субанцам. После того как невольничий корабль поднял якорь, оставшиеся в живых вернулись в крааль. Жалкая горстка людей могла запросто стать легкой добычей диких соседних племен, вздумайся тем набрать себе новых рабов. Дочь Банггулу помогла им вновь обрести мужество и веру в себя.

Но путь к былому могуществу для субанцев был явно долг. Мне же хотелось одного — свершить правосудие.

Как-то раз в бухте пристал купец из Шема. Ему передали, что у нас намечается большой прибыток товара — слоновой кости, обезьян, павлинов. Я попросила купца построить и оснастить для меня боевой корабль. Долго ждать не пришлось: прекрасная «Тигрица» вскоре появилась в бухте. Субанцам потребовалось всего лишь несколько уроков, чтобы они научились управлять судном. Субанцы — прирожденные моряки и отличные воины. К тому же мечтали расплатиться, как и я. А если рейд к стигийским берегам окажется удачным, золото поможет разоренному роду возродиться вновь.

Я дочь Банггулу. Субанцы идут за мной, куда бы я их ни повела. Теперь они пойдут и за тобой, Конан.

Внешнее спокойствие, которое Бэлит так старательно пыталась сохранить, лопнуло. Бэлит вцепилась в релинг обеими руками и выкрикнула в небо, выплескивая свою боль:

— Стигия! Аргос! Шем! Куш! Что вы сделали со мной! Я проклинаю вас! Я дочь Хоакима и Шаафи, я сестра Джихана, жена Алала и мать Кедрона! Все вы, причинившие мне боль, будьте прокляты во веки веков!

Киммериец прижал к себе могучей рукой бьющуюся женщину.

— Послушай, — проговорил он твердо, — я уже сказал тебе — мой меч будет на твоей стороне. По крайней мере, для того, чтобы отомстить.

Бэлит прижалась щекой к широкой груди варвара и заплакала. После долгой паузы она подняла свои золотисто-карие глаза.

— Конан, — тихо сказала она, — со времени моего побега я не отдавала себя никому, пока не появился ты. В тебе мое счастье и мои надежды.

— Посмотрим, — повел плечами Конан.

Бэлит попыталась взъерошить черную гриву киммерийца:

— Сначала — месть. А потом — жизнь, полная счастья. Если завистливые боги это допустят.

Глава четвертая

Дочь свободы

Там, где Стикс, взяв начало в бесчисленных ключах на севере, делает крутой поворот на своем долгом пути к Западному Океану, простирается северо-восточный предел стигийского царства. Южнее поднимаются к небу лесистые круги, обрываясь у границ Кешана, варварской, но сильной страны. Эти горы и холмы образуют провинцию Тайя.

Шуат-стигиец, командующий солдатами наместника, что действовали против восставших аборигенов, вел отряд вверх по Хему. Бурный приток Стикса катил свои воды по долине на восток и орошал полоску плодородной земли. Здесь в маленьких деревушках жили тайянцы. В других местах они, как правило, кочевали со своими стадами. Совсем недавно тут был излюбленный центр сходок вождей и бойкой торговли. Сейчас за спиной Шуата поднимался к небу дым от пожарищ. Финиковые пальмы и апельсиновые рощи вырублены, стервятники кружили над грудами изрубленных трупов. Длинные ряды пленных тащились в цепях на невольничий рынок в Луксуре. Левый берег оставался до сих пор нетронутым, но скоро пробьет и его роковой час.

Шуат, рослый мужчина с суровым лицом, ехал во главе стигийского воинства. Слева знаменосец, зажав в руке стяг с изображением змеи. Непосредственно за ним, среди его личной охраны, катилась его тележка. За ней в облаке пыли шагал под оглушительный грохот барабана его полк. Дорога по берегу стала уже, горы теснили ее, и долина сузилась, превратившись в ущелье. Его отвесные склоны были из красного камня, вздымающегося к ослепительному небу, залитому солнцем. Здесь река журчала, вспениваясь.

Адъютант рысью подъехал к командующему.

— Сэр, — сказал он, — капитан Менемхет спрашивает указаний, где разбить лагерь сегодня ночью.

— Сейчас, когда солнце еще в зените? — фыркнул Шуат.

Адъютант указал на ущелье:

— Милорд, вам известно, как велико это ущелье. Невозможно пройти его до наступления темноты. Могу ли я почтительно указать вам на то, что для нас было бы крайне неприятно попасть здесь в засаду?

— Этого я и жду. — Заметив удивленное лицо своего адъютанта, Шуат соизволил пояснить: — Вы когда-нибудь размышляли о том, почему мы опустошаем эту долину, вместо того чтобы просто оставить гарнизон, как это было во время прошлых мятежей? Она всегда приносила нам больше неприятностей, чем вся остальная эта нищая область. Для горцев она была даже еще более важна, чем для местных, как из-за продуктов, так и ради ее исторического значения. Если бы мы оставили ее нетронутой, породнившись со здешними кланами восставших снабжались бы всем необходимым, и нам пришлось бы целую вечность выслеживать и выкуривать партизан. После нашего последнего предприятия пусть ярость и отчаяние толкнут их на необдуманные действия. Подразделение врага, которое, на первый взгляд беззащитное, завязло в ущелье, должно подтолкнуть на нападение тех, кто ждет поблизости. Но не тревожьтесь, если это и в самом деле произойдет. Я не такой идиот, чтобы все поставить на одну карту. Мы отразим атаку и начнем отступать в полном порядке. Наши люди хорошо вооружены, опытны в ближнем бою, и поэтому у противника будет гораздо больше потерь, чем у нас. Таковы мои выводы.

— Не надлежит мне подвергать сомнению мудрость моего господина, — сказал адъютант

без особой уверенности.

Шуат кисло улыбнулся:

— И все же вы это делаете. Я признаю, моя тактика может казаться более дорогой, чем наши прежние методы медленного подавления тайянцев. Но у меня приказ. Восстание нужно подавить и к тому же как можно быстрее, невзирая на потери. Согласно этому я разработал свой план, и наместник Венамон одобрил его. Ему, впрочем, ничего другого не оставалось. — Шуат сухо посмотрел на своего адъютанта. — Эти приказы только что пришли из Кеми и были по пути сюда подписаны королем в Луксуре. Их привезла магическая ладья, которая проделала весь путь за три дня. Это я узнал из даты на рукописи, и верховный чародей Хаккет установил это. Сейчас он находится на борту этого корабля и ожидает в Сейане моего отчета об этой карательной экспедиции. — Он сделал знак Сэта. — Я не допытывался, почему это дело так неотложно и важно: никто не спрашивает жрецов Сэта, Великого Повелителя, о причинах — им просто повинуются.

Несмотря на пылающую жару полудня, по спине адъютанта пробежала ледяная дрожь...

Над расселиной тянулись голые волнообразные скалы, поднимаясь к отвесным горам, которые возносили свои вершины к южному горизонту, точно пурпурная стена. Не считая редких тамарисков и акаций, здесь не росли никакие деревья, лишь тощая трава и колючий кустарник. В самых больших скалах, в изобилии разбросанных повсюду, были вырублены Шгантские гробницы, в которых спали вечным сном давно забытые герои. Среди этих погребений паслись антилопы. Они вернулись на пастбища, когда люди увезли отсюда в безопасное место, на более высокие луга, своих коз и коров.

Они пугливо ударились в бегство, когда появился отряд воинов. Это были тайянцы — более рослые, более стройные и более темнокожие, чем стигийцы. Внешность их была привлекательнее, несмотря на широковатые носы и толстые, припухшие губы. Их черные прямые волосы блестели, отливая синевой, бороды были среди них редкостью. Не многие носили больше, чем просто юбку с цветами своего клана^[2] с куском ткани через левое плечо, который ночью служил теплым одеялом, в которое они заворачивались. Оружие их не отличалось особой изысканностью — простые кинжалы, копья, пращи, луки и боевые топоры. Правда, некоторые воины несли короткие стигийские мечи или кривые восточные сабли. Четырехугольные щиты, обтянутые кожей, прикрывали воинов от колен до подбородка. В качестве охранительного знака щиты украшал грубо нарисованный солнечный диск.

Их вождь, Авзар, вел отряд широким уверенным шагом коренного горца. Волосы вождя были седые, лицо избороздили глубокие морщины, но все-таки время пока не сломило могучего воина. Острые черты и светлая кожа чуть выделяли Авзара от остальных горцев. Крепкий торс вождя укрывала львиная шкура, а на головной повязке сверкал золотой символ солнца. Кроме кинжала на поясе, Авзар сжимал в руках огромную боевую секиру — рукоять трех футов длиной и невероятно острое жало.

Добравшись до края ущелья, Авзар сделал знак воинам остановиться, а сам лег на землю и незаметно прокрался вперед разведать путь. До него долетало журчание реки, светлая пена мелькала белыми пятнами среди тенистого ущелья. Проследив взглядом бушующий поток, он уловил посторонний шум и заметил блеск металла. Вождь довольно ухмыльнулся.

Он осторожно вернулся назад. Более ста человек собрались в тесную толпу, и Авзару не пришлось напрягать голос, чтобы расслышали все.

— Разведчики не ошиблись. Стигийцы действительно пошли дальше и разбили лагерь именно там, где я предполагал. Это подходящее место, берег между рекой и скалами шире, чем в других местах. Однако врагам все равно пришлось растянуть свои ряды. Под этими скалами река

глубже и течение быстрей. Если стигиец в полном доспехе шлепнется в воду, ему без посторонней помощи не спастись. — Авзар предостерегающе поднял секиру. — Никаких боевых кличей! Не нужно раньше времени привлекать к себе внимание.

Тайянецы в красноречивом молчании вскинули вверх оружие. На клинках сверкнули последние лучи заходящего солнца.

— Слушайте мой план, — продолжал Авзар. — Они превосходят нас численностью, но мы придавим голову змеи, разлегшейся на берегу, отрежем ее и покончим с этой гадиной. Если будет на то воля Митры, среди них окажется командующий. Я отберу сильных бойцов, чтобы они встали на берегу в заслон и удержали остальных врагов. Времени для болтовни нет. Я отдаю великую честь людям из клана Яро. Как только наступит темнота, мы поднимемся обратно по склону ущелья. Эти плоскостопые жители равнин не осмелятся преследовать нас. А утром поглядим, как нам еще разок вмазать им по соплям. Вперед! Митра и Тайя!

Вождь двинулся вперед вдоль края расселины. За ним, стараясь не отставать, спешила его младшая дочь Дарис. В этих краях незамужние женщины часто охотились вместе с братьями, а в битвах сражались бок о бок с мужчинами. Авзар не особо радовался тому, что Дарис присоединилась к отряду. Но как девчонке запретить, если сестры остались с грудными детьми, а братья отправились в поход.

— Держись подальше от свалки, — ворчал Авзар. — Ты отличный стрелок и сможешь положить немало врагов, в спешке не застегнувших доспехи. Но в рукопашную лезть не смей!

Ладонь девушки легла на рукоять кинжала.

— Я могу сама позаботиться о себе, отец, — гордо заметила она.

Он вздохнул:

— Пусть Митра хранит тебя. Я любил твою покойную мать, а ты так на нее похожа.

Дарис побежала дальше, держась рядом с отцом. И хоть на первый взгляд Дарис выглядела длинноногой худышкой, фигурка ее не была лишена прелестной женственности. Бронзовокожее лицо имело те же правильные черты, что и у отца. Большие темные глаза сияли под головной повязкой, которая тоже была украшена изображением солнечного диска. Волосы, черные, как полночь, спадали на плечи волнами. Она носила доспех из бычьей кожи поверх короткой рубахи и украшенную медными пластинами кожаную юбку. Колчан и лук девушка закинула за спину, там же висел узелок с сушеным мясом, которое тайянецы обычно брали с собой в дорогу.

— Не забывай, — напомнила юная воительница. — Я поклялась именем Дэркето, что убью столько стигийцев, сколько они убили людей из клана Фарази. Если только Черная Богиня окажет мне эту милость.

Губы Авзара сжались, превратившись в узкую полоску. Когда клан Фарази восстал против тяжкой стигийской дани, наместник Венамон пригласил тайянецов на переговоры, чтобы торжественно отпраздновать примирение. Почти половина людей клана приняли приглашение. Коварный Венамон приказал своим воинам взять тайянецов заложниками. Это последнее бесчинство стигийцев привело к тому, что большая часть горцев подняла оружие. Тогда идиот-наместник распорядился казнить пленников. Этим он достиг результата, обратного тому, которого добивался. Горцы не сдались. И мятах разрастался, как пламя лесного пожара...

Вскоре Дарис попридержала язык, поскольку отец повернулся к расселине. Вождь осторожно пробрался к обрыву, заглянул в пропасть и поднял секиру в знак того, что воины начали спуск. Не многие отважились бы карабкаться вниз по отвесной стене расщелины, погруженной в ночную тьму. Но горцы были легконоги, как лани. Стигийцы далеко внизу казались темными букашками, и только доспехи поблескивали в пламени лагерных костров. На огне готовилась пища, и холодный ветер от воды приносил с собой запах дыма и жареного мяса.

Только когда камень вылетел из-под чьей-то неосторожной ноги, часовой-стигиец наконец

заметил тайянцев. Он испустил предупреждающий крик. Запели трубы, заряжали кони, залязгало железо.

— Вперед! — прогремел Авзар и бросился в атаку.

Шлем, кираса, поножи и щит одного из дозорных мерцали перед вождем в темноте. Стигиец обнажил меч и сделал выпад. Авзар отклонился. Блеснула секира. Солдат едва успел отдернуть руку с мечом. Секира со звоном ударила по щиту. Снова и снова рубил тайянец. Вражеский щит легко отлетел в сторону, и вот уже секира впилась в бедро стигийца. Солдат взвыл и зашатался, от боли забыв прикрыть голову. Авзар вогнал жало секиры воину точно в висок, вырвал оружие; перепрыгнул через убитого и ввязался в следующий поединок. Вокруг уже кипел бой.

Дарис вертелась вокруг, выискивая себе мишень. Стигиец в доспехе сражался против тайянца, который занес свою кривую саблю. Без доспехов горец был уязвим. Он уже получил добрую дюжину легких ранений и вынужден был шаг за шагом отступать, прямо к вражеским рядам. Внезапно он увидел шанс на спасение. Издав боевой клич, воин подпрыгнул и со свистом опустил клинок. Но он уже попал в ловушку. Щит отразил удар сабли, а стигиец вонзил меч в живот горца. И тут Дарис схватила врага сзади за шею одной рукой и полоснула кинжалом по горлу. Захлебнувшись, солдат упал и остался недвижим рядом с убитым тайянцем. Дарис уже искала себе нового противника.

Вражеский всадник пробивал себе дорогу средь схватки. С седла он рубил горцев направо и налево, чтобы облегчить тяжесть битвы пехотинцам. Не думая об опасности, Дарис нырнула под конский живот и с размаху резанула по сухожильям. Конь споткнулся, заряв от боли, упал и дико забил копытами. Как кошка, бросилась Дарис на поверженного всадника. Прежде чем враг пришел в себя, кровь его уже хлестала вовсю. Девушка располосовала стигийцу тыльную сторону руки от локтя до ладони.

Дарис перекатилась в сторону и вскочила на ноги. Вдоль берега царил хаос. И юная воительница осознала незавидное положение горцев, заметив ряды вооруженных всадников. Стигийцы полностью готовы к бою, все до последнего человека. Они лишь для видимости позволили тайянцам легко отбросить себя. Смятение охватило теперь людей Авзара, они были вынуждены податься назад. От лагерных костров стигийцы зажгли факелы, чтобы лучше освещать дорогу всадникам. Трубы триумфально взревели, кавалерия плотно сомкнутыми рядами рванулась вперед. За ними тащили катапульту. Колеса ее украшали острые шипы. С востока и запада сближались штандарты Стигии. Клан Яро, которому угрожал численный перевес врага, попал в ловушку.

Сквозь шум битвы Дарис слышала, как ее отец отдает приказы, и следила из прикрытия за головами тесно обступивших его воинов, как вождь отступал. Он с боем прорубал дорогу к осыпи. Но вместо того чтобы взобраться по ней, он вдруг остановился с поднятой секирой. В неверном свете факелов и слабом мерцании звезд, Авзар собирая вокруг себя горцев. Стигийские стрелы черными змеями мелькали в смертельной близости от вождя, но он не замечал их.

— Сюда, люди Тайи! Сюда, ко мне! — кричал он.

По счастью, горцы вклинились в ряды противника не так глубоко, так что у них оставалась возможность отступить. Со свирепым кличем клана бросились они на преградившего путь врага. Один помогал другому, и немногих из них сумела достать стигийская сталь. Они быстро подкатились к осыпи и вскарабкались наверх. Им не нужно было опасаться погони — противник не в состоянии был преследовать горцев.

Все это мельком видела Дарис, продолжая сражаться. Она как раз пыталась выбраться из свалки, когда неразбериха рукопашной столкнула ее с двумя стигийскими пехотинцами. Один

ловко схватил Дарис за руку. Девушка зашипела от ярости. И тут же сделала резкую подсечку тому, кто держал ее. Второму достался удар пяткой в глаз. Все трое повалились на землю. Позмеиному изогнувшись, Дарис что есть силы впилась зубами в шею стигийцу, что оказался прямо под ней. Потом молниеносно перекатилась и ударила другого врага ребром ладони в висок. Удар мог стать смертельным, но воин чуть отклонился, и девушка только сломала ему нос. Тот первый пришел в себя и попытался стукнуть Дарис в подбородок, но промахнулся и попал по скуле. Однако так сильно, что оглушил на миг. Этого как раз хватило для того, чтобы схватить строптивую девчонку за горло. Черная пелена удущья распахнула перед Дарис свои объятия.

Турхан Заоблачный давно уже пребывал в руинах. Во времена завоеваний Тайи стигийцы осадили столицу и разрушили ее, а окрестности разорили и опустошили. Пять сотен лет ветер и дождь довершали злодейство человека. Террасы осыпались, стены рухнули, каналы и пруды превратились в зловонные ямы, плодородные пашни заросли бурьяном. Однажды сюда пришли кочевники-пастухи. Они использовали камни из руин города, чтобы сложить себе хижины, отдаленные друг от друга на многие мили. Но большей частью кочевники жили в палатках из шкур, во время переходов привязывая их к спинам быков. Неуютно здесь было лошадям и верблюдам. Да и на колесах далеко не уедешь. Поневоле пришлось больше работать ногами да продувать легкие холодными ветрами.

Несмотря на все, Турхан Заоблачный оставался для кочевников священным. Город основал Варуна. Он привел сюда людей и посвятил город Митре. Многие поколения правителей покрыли себя немеркнущей славой, и здесь расцвело сильное царство. Старинный храм Солнечного Бога, правда, наполовину рухнул, но в сохранившейся части и теперь обитали несколько жрецов,правлявших священные ритуалы. Они хранили древнюю мудрость и еще не утраченные святыни. В день, когда год поворачивает к лету, старейшины кланов приходят в храм со своими семьями, чтобы принести благодарственные жертвы. Они отправлялись сюда и в тех случаях, когда они искали совета, хотели уладить споры, разрешить другие мирские заботы. Простой народ совершал паломничество в древние места, желая очиститься от грехов, принести нерушимую клятву или найти утешение Митры.

Сюда привел Авзар своих воинов после поражения у Хелу. Это место, казалось, создано самой природой для тех, кто хочет восстановить силы. Вряд ли стигийцы залезут так далеко. А если и залезут, их ждут большие трудности, особенно с подвозом продовольствия. А дорогу к отступлению легко отрезать в этой глухой, полной расселин высокогорной местности. Да, здесь у Авзара есть шансы пополнить отряд.

— И все же шансы мои невелики, — признавался вождь Парасану.

— Ты совершаешь грех, отчаиваясь так рано, сын мой, — корил его верховный жрец в голубой тоге. — Ты проиграл битву, но война еще только началась.

— Я потерял свою любимую дочь, — сокрушался Авзар.

Парасан положил тонкую руку на плечи вождя:

— Она пала за правое дело, отважное сердечко. Митра — воин, он возьмет ее к себе.

— Да, если она действительно убита... О Великий Солнечный Бог, дай мне веру в то, что она мертва, а не в плenу!

Несколько мгновений царило тягостное молчание. Оба сидели в жилом покое храма. Косые лучи солнца, падавшие в окно, освещали скучную обстановку.

Картина, пострадавшая от времени, изображала юношу верхом на быке. Меж рогов животного пылало солнце. Несколько полок с древними рукописными свитками, пожелтевшие книги, приборы и драгоценные статуэтки, спасенные из руин, стояли вокруг. Парасан терпеливо ждал.

Наконец Авзар взял себя в руки и проговорил хрипло:

— Может ли глупость быть справедливой? Конечно, я надеялся, что нам удастся сразу выгнать стигийцев из Тайи. Мне хотелось, чтоб мятеж отпугнул жадных до легкой поживы прислужников Сэта. Повесить парочку наместников — и стигийцы оставят нас в покое. А там можно было бы как-нибудь договориться. Но эти звери выжгли и разорили долины Хелу. Мы превратились в горстку нищих. И теперь я не верю, что враги позволят нам вернуться к родным очагам. Придется драться за каждый клочок земли. Правда, прежде стигийцы зальют кровью всю Тайю. Не отправить ли к ним послов? А в знак признания нашего поражения преподнести мой труп, положенный в соль?

Парасан покачал седовласой головой. Жрец был ниже ростом и темнее кожей, чем многие его соотечественники. Скорее всего, в жилах его текла большая толика негритянской крови. Но к его ласковым мудрым словам все прислушивались, преисполненные уважения.

— Нет, Авзар. Это все равно не поможет. Ты наш вождь, ты глава клана Варуны, происходишь из рода владык и по праву рождения высший среди нас. Всем известна чистота твоих помыслов. Если ты умрешь, народ так и останется под пятой завоевателей. Если только другой не займет твоё место и не продолжит сражаться вместо тебя — за нашего бога и нашу кровь.

Авзар горько рассмеялся:

— Наша кровь? Что это? Наши предки-хайборийцы смешали свою кровь со стигийцами, кушитами и шемитами. Кешан почти полностью черен. Да и мы вряд ли сможем назвать себя белыми, а? Что касается страны, когда-то она была большой и сильной. Но теперь все наше достояние — милостивые подарки стигийских господ. — Он помолчал. — А наши боги? Пусть это не прозвучит кощунством и не оскорбит Митру, но имя Его поблекло, а ритуалы извращены за долгие столетия злобы и насилия.

— Да, — пробормотал Парасан. — Но как ни пытайся потушить Свет, Он никогда не угаснет. — Жрец выпрямился на стуле. — Как твои люди? Их тоже покинуло мужество?

— Нет. Воины-горцы стойко принимают все, что посыпает им судьба. Единственное, что они ценят, — это свою честь. И желают, чтоб имя их вошло в историю клана. Я же — напротив. Помните, как меня еще мальчишкой присыпали сюда изучать тайянские предания. После этого я много лет странствовал по Стигии, Шему. Смотрел, как живут другие племена. Поэтому многие представляются теперь в другом свете. Мне многое открылось.

— Но недостаточно глубоко, сын мой. Идем. — Парасан поднялся и захромал к двери. — То, что я хочу рассказать тебе — не ново. Люди часто слышали об этом. И все же я хочу еще раз возвестить пророчество о Секире.

Авзар повиновался, отчасти против своей воли, отчасти все же с охотой — вдруг жрецу удастся разбудить в нем новые силы? Они выбрались наружу на портик храма. Мрамор давным-давно потемнел и стал глубокого золотистого тона. Фриз почти стерся от древности и был едва различим, как и каннелюры колонн. Только обломки развалин говорили о том, что за этой единственной сохранившейся частью храма находились еще один или даже два флигеля. Запах высушенной солнцем травы висел над печальными руинами.

Воины — мужчины и несколько незамужних девушек — расположились на склоне, между развалинами стены и рухнувшими колоннами. Теплый ветер уносил дым лагерных костров к небу. Высоко в синеве солнечный свет играл на блестящем оперенье соколов, высматривающих добычу. Когда воины увидели вождя, выходящего вместе с жрецом, они быстро поднялись и построились рядами.

Парасан поднял руку. Каким бы слабым ни был его голос, каждый слышал слова ясно и отчетливо:

— Слушайте! Вы, сражающиеся за нашу возлюбленную Тайю! Слушайте историю вашего отечества, если даже она вам хорошо известна.

Могущественны были ваши предки. Они пришли издалека, с ледяного севера, из легендарной Хайбории. Сперва странниками, потом завоевателями и наконец поселенцами. Хайборийцы явились ордой варваров, но велико было их предназначение, ибо они почитали Митру. Солнечный Бог благословил кланы и велел принести в нашу страну его чистую, незапятнанную веру — сюда, где молились зверобогам, приносили человеческие жертвы, где преклонялись перед Черной Магией и творили мерзости, не сознавая их.

Некоторые из ваших предков пересекли высокогорье и осели в Кешане. Там они возвели цветущие города, но со временем жаркий климат подорвал их силы, они потеряли веру в себя. Джунгли наступали на города и большинство поглотили. Ничего не осталось от былого величия, кроме примитивных черных королевств. Они до сих пор остаются бастионом от жестоких захватчиков.

Лучше шли дела у хайборийцев в холодных сумрачных горах. Варуна привел людей к победе и выступил против колдовства — страшного наследия древней, нечеловеческой расы. Это удалось ему, потому что в бой он бросался, сжимая Секиру, полученную им от самого Митры. Пока обладатель Секиры достоин ее, оружие делает его непобедимым.

Секира стала величайшим сокровищем и символом рода повелителей, первым из которых стал Варуна. Долго расцветало королевство Тайя, обретая богатство и силу, во благо Митры. Но свет Солнечного Бога был непереносим для темной Стигии. Раз за разом, столетиями пытались поклонники Сэта уничтожить Тайю, но их набеги всегда отбивали.

Но вот однажды на тайянский трон сел мерзкий изменник. Он соблазнился стигийской магией и пал в бою. Он погиб бездетным. Ваш вождь, Авзар, стоящий рядом со мной, потомок стойкого брата недостойного властителя. Стигийцы нагрянули в Тайю. Уже столетия страну терзает их владычество.

Секира Варуны лежит не на поле битвы, где пал последний вождь. Ни одна человеческая душа не видела ее с тех пор. Но один святой человек своим пророчеством дал новую надежду стране. Он возвестил, что Секира находится в надежном укрытии и будет найдена одним изгнаником, который окажется достоин носить ее. В изгнаннике будет течь древняя кровь Севера. Стигийцы схватили пророка и распяли его. Но пророчество умертвить не удалось. И в наши дни оно всем известно.

Часто молились жрецы Митре в этом священном месте и просили его дать им знак. Бог посыпал им сны и видения, говорившие о том, что мы никогда не должны терять надежды. О приходе изгнаника откровений не было. Но никто и не опроверг ту строку предсказания, где указано, что он отдален от нас на длину руки столетий.

Рука столетий — пять пальцев, пятьсот лет? Я не знаю. Но столько лет страдает под гнетом рабства Тайя. И, может быть, ваше поколение обретет свободу.

Воины вскинули вверх оружие, и воздух огласился боевым кличем.

Стигийцы связали несколько захваченных пленников, но особого вреда им не причиняли. На рассвете, когда холодный туман поднялся над рекой, явился Шуат. Он коротко оглядел тайянцев, в то время как они испытующе уставились на него. Были слышны шум реки и гул собирающегося войска.

— И это все? — спросил мрачно командующий. — Их потери не многим больше, чем наши. — Адъютанту он бросил: — Я не стану придерживаться плана, обреченного на провал. Мы немедленно возвращаемся. — Его взгляд снова скользнул по пленным и задержался на Дарис: — Кто эта женщина?

— Я помогал схватить ее, Повелитель, — вышел вперед один солдат. — Чертова кошка! — Он бросил на нее похотливый взгляд. — Но мы сможем быстро укротить ее, ради этого даже завтрак пропустить не жаль.

Дарис яростно зашипела, вспыхнув одновременно от стыда.

— Нет, идиот! — фыркнул командующий. — Разве ты не видишь золотой диск у нее на лбу? Только высокородные семьи этих дикарей имеют право носить диск. Я не собираюсь терять хороший товар, — она заложница, и я могу ее обменять. — Он повернулся к девушке: — Кто ты?

Стигийский был для Дарис чужим языком, но, как и большинство тайянцев, она его изучала и владела им вполне. Она гордо выпрямилась, твердо взглянула в глаза врагу и назвала свое имя.

— Я дочь Авзара, — добавила она, — исконного владыки этой страны.

— А-а! — ухмыльнулся Шуат. — Очень хорошо. Все даже лучше, чем я думал.

Сердце Дарис упало: она поняла, что сыграла на руку недругу.

По приказу Шуата ее отделили от соплеменников. Тайянцы скорбно простились с дочерью вождя. Их ожидало рабство. Судьба Дарис могла быть еще хуже.

С девушкой неплохо обращались, по крайней мере пока. Стражники разрешили ей умыться — отпустив на длину веревки, что болталась теперь у юной воительницы на шее. Она дрожала от ярости, слушая похабные реплики, пока она раздевалась. Но смыть кровь и грязь — это так прекрасно. Она выстирала рубаху и юбку, одежда быстро высохла. Доспех и оружие у Дарис, конечно, отобрали. Потом стражники поделились с ней чечевичной похлебкой. Во время дневного перехода девушке пришлось шагать между ними. Несколько раз солдаты пытались заговорить с ней, но Дарис отвечала лишь презрительным взглядом. Стражники выплеснули потоки браны, расписывая, что может случиться с девицей, окажись она в их власти.

Дарис не обращала внимания на ругань солдатни. Отчаяние охватило ее душу. Она двигалась вперед как в страшном сне.

Шуат позволял своему войску лишь краткий отдых, поэтому они добрались до Сейяна всего за три дня. Маленький город с белыми глинобитными домами, стоящий в том месте, где Хелу впадает в Стикс. Теперь это самое крупное поселение в Тайе. Здесь находилась резиденция наместника. Его роскошный дворец стоял на краю города, посреди великолепного парка, недалеко от казарм. Туда привели Дарис и заперли в камеру, а Шуат отправился с докладом.

Вскоре после этого за девушкой явились двое солдат.

— Когда тебя подведут к наместнику, — предупредил один, — ты должна пасть перед ним лицом.

— Что-о? — зашипела Дарис. — Наместник решил поиграть в короля?

— Нет, но с ним чародей и жрец Сэта. — Голос солдата чуть понизился от скрытого испуга.

Напряженно шагая рядом со стражами, Дарис взяла себя в руки и приняла решение. Умереть из пустой гордости бессмысленно. Это не поможет ни отцу, ни роду. Нет, она сделает все, чтобы выжить. Вдруг появится возможность бежать или по крайней мере прихватить с собой в небытие несколько стигийцев. Поэтому она подавила гордость, когда ее ввели в большое помещение, и распростерлась на тростниковой циновке, как было ведено.

— Встань! — прозвучал глухой голос с другого конца комнаты. — Подойди ближе.

Дарис повиновалась. В глаза бросились фрески с изображениями звероголовых существ с телами людей. Шуат и толстобрюхий Венамон расположились на скамейках у возвышения, где стоял трон наместника. В данный момент на троне восседал человек в черном одеянии и с гладко выбритой головой. Его пламенные глаза остановились на девушке.

— Стой! — велел он.

Дарис остановилась. Воцарилось мрачное молчание. У тайянки возникло странное чувство, будто взгляд бритоголового проникает ей прямо в душу.

— Да, — проговорил наконец сидящий на троне, — есть что-то зловещее в нитях судьбы этой дикой кошки. Но что конкретно, я не могу узнать. Мне нужно доставить ее в Кеми, чтоб мой Повелитель занялся ею.

— Когда нам ожидать расставания с вами, святейший Хаккет? — осведомился Венамон масляным голосом.

— Немедленно. — Чародей поднялся. — Стража, взять девчонку и за мной. Остальным позаботиться о том, чтоб мои слуги поспешили к Ладье.

Венамон и Шуат низко склонились, когда колдун прошел мимо.

Сердце Дарис отчаянно застучало. Холодный пот выступил на лбу. В Черный Кеми... для встречи с каким-то Повелителем?..

Она собрала все свое мужество. Запретный город находился отсюда в добрых двух тысячах милях по реке. Наверняка за время недельного плавания она найдет возможность умереть с честью.

Дорога от дворца вела не к торговой, а к строго охраняемой военной гавани. В настоящий момент корабли отсутствовали. Стояло только одно странное судно, каких Дарис никогда не видела и о каких не слыхала. Белый металлический корпус почти пятьдесят футов длиной. На высоком носу украшение — голова рептилии с клювом, кожаные крылья гадины тянутся вдоль бортов. Кроме небольшой надстройки, палуба открыта. Мачты и весел не видно и следа. На железном треножнике на корме покоился огромный хрустальный шар, в котором мерцал красноголубой огонь. Послушник — один из нескольких, что беспрекословно служили Хаккету, — причалил Ладью к набережной. По лестнице, встроенной в корпус, отряд поднялся на борт. Со всех сторон на них глазели с благоговейным ужасом солдаты. По приказу колдуна слуга защелкнул на щиколотке Дарис железный обруч. Обруч соединялся цепью, прикрепленной к доскам палубы. Цепь длинная, ее вполне хватало, чтоб свободно двигаться, но девушка с ужасом поняла, что прыгнуть за борт не удастся.

Хаккет сделал знак. Солдаты повернулись и зашагали в город. Течением судно вынесло в реку. Хаккет повернулся к послушнику:

— Заступи на первую вахту.

— Повинуюсь, господин.

Он встал перед хрустальным шаром и поднял руки.

— ЗААН! — нараспив произнес он. Язык показался Дарис странным и чуждым. Огонь в шаре вспыхнул сильнее. Крылья, простертые вдоль бортов, вдруг расправились и широко раскинулись. Пока сгибец стоял, молитвенно воздев руки, корабль бесшумно набирал скорость.

Возможно, желая увидеть реакцию девушки на чудо, Хаккет проговорил:

— Знай, ты находишься на священной Крылатой Ладье Сэта. Магическая формула ее изготовления утеряна три тысячи лет назад, когда погиб Ахерон.

Все быстрее летела Ладья. Свистел ветер, рассекаемый клювом чудовища на носу.

Кивком головы Хаккет указал на палубную надстройку:

— Эта камера предназначена для тебя. С тебя снимут цепи, если ты захочешь уйти туда. Ты получишь еду и питье, и никто тебя не обидит. Но если посмеешь выкинуть какой-нибудь фокус, я велю тебя снова заковать.

За кормой корабля вскипала вода. Крылья поймали ветер, и Ладья теперь лишь слегка задевала темную поверхность реки. Послушник у хрустального шара опустил руки и сделал знак, желая изменить направление. Когда он замечал какое-нибудь препятствие, грозившее столкновением, то уменьшал скорость, снова подняв руки, распевая: «ААЛЕФ!» Затем он выводил: «МЕМН!» — и желаемая скорость сохранялась, пока послушник вновь не желал ее изменить.

— В три дня и три ночи мы достигнем Кеми, — заметил Хаккет и отвернулся от Дарис.

Девушка сдерживала готовые вот-вот брызнуть слезы. Невидящим взором смотрела она на запад, где солнце заходило за горы, — туда, где оставалась ее родина.

Глава пятая

Дело рук ведьмы

Крепость Мантикоры расположилась недалеко от ворот Крокодила. Мощное, почти кубической формы строение из темного камня, окружающее узкий внутренний двор. Свое имя крепость получила от сказочного существа,^[3] его каменное изваяние высечено над главными воротами. Нижние этажи видели много страданий за минувшие столетия. Здесь находились подвалы и камеры пыток, много леденящих кровь злодейств тут свершилось. Жители Кеми избегали даже близко приближаться к крепости, полагая, что оттуда исходит злое колдовство. Они не знали, что на двух верхних этажах имеются роскошные покой, отлично оборудованная кухня и потайной ход для осведомителей; шпионов туда приводят с завязанными глазами и хорошо оплачивают их сообщения. Иногда жрецы находили более целесообразным развязать язык заключенному в комфортабельной обстановке, по этой причине верхние покой строго охранялись.

Закутанный в шелка, Джихан, брат Бэлит, лежал на мягком диване. Рядом — открытая дверь на балкон, обвитый цветущими ветвями. Кроме прохладной тени зелень несла чудесный аромат. Покой огромный, обставлен роскошной мебелью, украшен золотыми арабесками. Еще одна дверь вела в ванную, отделанную не хуже покоя: в бассейне можно было плавать, — и к маленькой, но очаровательной спальне.

За несколько дней, проведенных здесь, у Джихана немного нарасло мяса на костях, к нему вернулись силы, а огонь безумия исчез из глаз. Его лицо по-прежнему рассекали глубокие шрамы. Но оно хоть умыто, подбородок и щеки гладко выбриты. Джихан смог даже улыбаться. Наверное, его лицо многие женщины нашли бы весьма привлекательным.

Сейчас перед ним сидела Рахиба. Прозрачное, как дуновение ветерка, одеяние и дорогие украшения подчеркивали ее цветущую женственность. Она улыбнулась и нежно погладила Джихана по щеке.

— А что случилось потом, любимый? — промурлыкала она.

— Почему... — Джихан растерянно посмотрел на нее. — Почему тебя это интересует? Всего лишь незначительное происшествие из моего детства. Я остановился, когда мне стало ясно, что не стоит так подробно вспоминать о нем.

— О, мне интересно все, что имеет отношение к тебе, — заверила жрица.

Радость залила краской лицо Джихана. Он положил руку на теплое бедро женщины и заговорил:

— Ну, как я только что рассказал, мы с Бэлит возвратились из нашего приключения в джунглях невредимыми, правда грязными и усталыми. Наш отец был разгневан за то, что мы отправились туда, и хотел было выпороть нас. Но мать сказала — что же она тогда говорила? — она сказала, что отец не должен убивать в нас страсть к опасным приключениям. В будущем она нам может оказаться весьма полезной. Лучше пусть он возьмет с нас честное слово, что впредь мы будем осторожнее. Отец послушался ее совета. Бэлит и я были рады, что избежали взбучки, — поначалу. Но спустя какое-то время мы поняли: лучше б он нас выдрал. Ведь мы никогда не смогли бы нарушить данное ему обещание, как бы тяжело нам ни приходилось.

— Вы, наверное, были счастливой семьей, — заметила Рахиба.

— Да, дорогая Этер. Должно быть, каждое слово было наполнено счастьем, когда я рассказывал тебе о моей жизни. — Джихан выпрямился, положил обе ладони на ее узкую талию

и заглянул в глаза. — Я до сих пор не могу осознать своего счастья. Я был рабом и терпел такую боль, что мог заснуть только от полного изнеможения. А теперь вот стал возлюбленным прекраснейшей женщины, когда-либо появлявшейся на земле. Почему?

— Я же говорила. Я увидела тебя и восхитилась стойкостью и отвагой, какие сейчас редко встретишь. Я не могла выкупить тебя, потому что здешние законы не разрешают отпускать на свободу чужестранцев. Сумела лишь перетащить тебя сюда. Может, позднее я что-нибудь придумаю.

— Да, да, мое сердце, конечно. Ты так загадочна... Но хватит слов.

Джихан привлек колдуна к себе и принял целовать. Внезапно он вздрогнул, разжал объятия, опустил глаза и пробормотал:

— Боюсь, мне нужно еще немного того напитка, что освобождает от боли. Иначе... иначе я не смогу быть мужчиной.

Рахиба поднялась:

— Я принесла его с собой, милый. — Грациозно, как кошка, жрица пересекла комнату и взяла узорно расшитый мешочек. Джихан смотрел, как она вынимает золотой флакончик.

— Я принесу вина, смешаю с ним снадобье и выпью за мою любовь к тебе, Этер, — проговорил он.

Ее улыбка стала жестокой.

— Не трудись. Больше он тебе не понадобится. — Она вынула пробку и вылила содержимое флакончика на пол. — Ты меня уже не интересуешь.

Джихан взвыл, словно волк, угодивший в ловушку.

— Оставайся здесь еще ненадолго, — насмешливо заявила колдуны. — Может быть, ты будешь еще нам полезен, а то и позабавишь нас.

— Не демон ли ты? — вскричал Джихан. Он шагнул к ней, растопырив пальцы, как когти. Душевная мука ничуть не ослабила силу его мускулов.

Рахиба дотронулась до зеркальца, висевшего на шее. Луч — но не света, а тьмы — вырвался оттуда. Он ударил Джихана и швырнулся на пол. Оглушенный, полный неописуемого ужаса, смотрел юноша на ведьму.

Она открыла квадратное, в фут, окошечко массивной входной двери и тихо позвала кого-то снаружи. Шаги приблизились, и часовой распахнул дверь.

— Будь здоров, бывший возлюбленный, — простились она с Джиханом и покинула покой.

Со временем оцепенение прошло, Джихан подполз к порогу и попытался высосать из ковра пролитый болеутоляющий напиток.

Рахиба спустилась по потайной лестнице и прошла по подземному коридору. Она бежала так быстро, что ее прозрачное одеяние развевалось в темноте, освещенной только масляными лампами. Тот-Апис ожидал ее, а она уже немного опоздала.

Окольными дорогами добралась жрица до обители мага. Немые рабы доставили Рахибу в главный покой. Тот-Апис был занят и поначалу вообще не обратил внимания на верховную жрицу. Он продолжал беседу с человеком, почтительно стоявшим перед ним.

Рахиба повнимательнее рассмотрела этого человека. Она много раз слышала об Амнуне, но еще никогда его не встречала. Он был строен, как свеча, и решительно хорош собой, хотя и на чужеземный лад. Внешностью он напоминал свою мать, тайянку, которую пригнали и продали в Луксуре. Но душа и убеждения у него от отца — стигийца. Уже давно Амнун принадлежал к числу близких слуг чародея.

— Пиратская галера держит курс к нашему берегу, — вещал Тот-Апис. В эти мгновения лицо его стало хищным, как у стервятника. Тени легли на его морщины, тени стояли в глубоко посаженных глазах. И будто продолжением колдуна тени скользили среди многочисленных

чародейских предметов в покое. — Ты удивляешься, почему я не вызову шторм, чтобы потопить корабль. Я скажу тебе почему, но, если ты это кому-нибудь выдашь, ты очень скоро узнаешь, что такое муки ада.

— Я верный слуга моего господина, — смело сказал Амнун.

Тот-Апис кивнул бритой головой:

— Таким ты был всегда. Ну что ж, наш святой долг — поколение за поколением крепить власть Сэта. — Он нарисовал знак своего бога, и Амнун преклонил колени, а Рахиба на миг закрыла лицо руками, как это требовалось от женщины. — Кроме Сэта, есть еще другие боги, — продолжал Тот-Апис. — У них свои владения. Море не принадлежит Сэту — пока что нет. Поэтому я, его жрец, могу там применять только незначительные чары. Наше главное оружие в этом случае — человеческий разум.

— Слушай. Завтра утром с ранним отливом уходит корабль «Менити». Капитан и команда думают, что им нужно доставить груз в Умр, на юг. При таком курсе «Тигрица» Бэлит их вскоре встретит и несомненно попытается захватить. Пусть мои силы на море невелики. Пусть. Я позабочусь о том, чтобы ветер нам благоприятствовал. Дело настолько важное, что такой маленькой жертве почти не стоит говорить. Еще сегодня вечером ты должен быть на борту. — Он указал на свитки, лежащие на столе. — Вот необходимые документы. Все понятно?

— Нет, господин, — признался Амнун. — Я должен изобразить давнее знакомство с человеком, которого никогда раньше не видел. Как?

Тот-Апис сделал знак Рахибе. Она подошла ближе. Амнун рассматривал жрицу со смешанным чувством удивления, похоти и страха, что ее, как и все остальное, втайне забавляло.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она.

Амнун снова преклонил колени:

— Вы госпожа Рахиба, верховная жрица Дэркето, и я ваш покорнейший слуга.

— Я выяснила все, что необходимо для твоего поручения, и сейчас передам тебе нужные сведения. Смотри на меня.

Он поднял глаза. Рахиба повернула магическое зеркальце. Вырвался луч света. Амнун вздрогнул и замер. Лицо его, казалось, окаменело. Колдунья направила луч точно в зрачок юноши, делая знаки левой рукой и шепча заклинания.

Спустя некоторое время она опустила свой талисман.

— Амнун, проснись! — приказала колдунья.

Он снова вздрогнул, моргнул и пришел в себя.

— Теперь ты знаешь все, что я узнала от Джихана, — сказала Рахиба, — используй знания с толком, и награда твоя будет велика.

Удивленный, Амнун покачнулся.

— Я... я знаю все! — вскричал он. — Как будто слышал это собственными ушами!

— Возьми себя в руки! — пророкотал Тот-Апис из-под резного капюшона кобры. — У тебя будет еще вечер, завтрашний день и ночь. Подумай обо всем, что передала тебе наша госпожа Дэркето. Приведи все сведения в порядок. Потом — какое-то время — ты, Амнун, станешь олицетворением Судьбы. Сэт пусть пребудет с тобой, как ты вручаешь себя ему.

Было произнесено еще несколько слов, прежде чем слуга низко поклонился и рабы проводили его к выходу. Рахиба беспокойно переминалась с ноги на ногу. Наконец проговорила:

— Дозволено ли мне уйти, мой господин?

Только теперь Тот-Апис обратил на нее внимание.

— Куда вы желаете уйти? — спросил он. — Час, когда нам надлежит встретить Конана, близится. Мы не должны проводить это время в бесполезной суете.

— Я и не собиралась бездельничать, — фыркнула жрица. — Я намеревалась тут же

вернуться в крепость — к Фалко.

Тот-Апис нахмурился:

— К офирскому шпиону? Что же вам еще нужно от этого глупого мальчишки?

— Я привяжу его к себе еще теснее. Не забывайте, мой господин, что и он, как мы выяснили, непостижимым образом связан с судьбой Конана. Я сочла полезным превратить его в наше надежное оружие.

— Разве вы его еще не окрутили, как Джихана?

Черные, словно полночь, волосы рассыпались по ее груди, когда Рахиба потрясла головой.

— Не совсем. Он любит меня, да, но его чувство чести ставит долг превыше личных желаний. Разрешите мне попытаться изменить его убеждение. Для этого я должна действовать медленно и деликатно. — Бесстыдная улыбка скользнула по губам ведьмы. — Но это мне не в тягость. Несмотря на свою молодость, он замечательный любовник.

— Нет, заставьте его ждать! — приказал Тот-Апис ледяным тоном. — Вы слишком много сил растратываете в плотских наслаждениях.

— Я служу Дэркето, — вызывающе ответила Рахиба.

— Но прежде всего вы служите Сэту — прежде всего прочего в этой Вселенной! Или вы посмели забыть это?

Колдунья испуганно молчала.

Чародей продолжал:

— Мне очень нужна ваша помощь. Только сегодня я получил сообщение через гомункула. Оно от Хаккета. Он прибывает сюда с пленницей, захваченной в бою, дочерью предводителя тайянских бунтовщиков. Он ощутил в ней нечто, несущее нам опасность. Большего он открыть не мог, поэтому хочет, чтобы я лично глянул на нее. Несомненно, ее судьба каким-то образом переплетена с судьбой Конана. Мне чужды дух и натура женщины. Поэтому вы должны помочь мне. Сделайте девчонку орудием борьбы против Митры, во имя победы Сэта.

Глава шестая

Пират, спаситель, варвар...

— Впереди парус!

Крик с «вороньего гнезда» восторженным эхом отозвался на палубе «Тигрицы». Словно черные пантеры, воины заскользили по кораблю, доставая оружие, готовясь к бою и занимая положенные места. Бэлит, смеясь, указала на штирборт. Но никакого приказа больше отдавать не требовалось. Оба рулевых, сверкая белозубыми улыбками, уже меняли курс. Конан на мгновение прижал к себе подругу, крепко поцеловал и прыгнул вниз, на гребную палубу.

Сильный ветер наполнял паруса и гнал галеру по пенистым волнам. Такелаж скрипел, будто вторя боевой песне пиратов. С востока на горизонте виднелась суша, а в миle за кормой прибой штурмовал крутой берег маленького острова. Скалы выбеленные солнцем и ветром, вздымались в голубое небо.

Конан вернулся к Бэлит. Могучий варвар облачился в блестящую кольчугу и рогатый шлем. Широкий меч в потрепанных ножнах висел на боку, а в левой руке Конан держал субанский щит. Бэлит не носила доспехов, только тунику и головную повязку. Она заплела волосы и подняла их к затылку, чтобы в бою не лезли в глаза. Из оружия она выбрала два тонких клинка.

Конан, прищурясь, разглядывал цель. Они приближались к своей жертве, толстобрюхому стигийскому паруснику. Киммериец видел, как команда пытается выжать из своей посудины все, что можно; как люди стали готовиться к бою, когда поняли наконец неизбежность столкновения.

— Я снова смогу мстить! — радостно воскликнула Бэлит.

— Там может оказаться богатый груз, — заметил Конан. — И если честно, я стосковался по хорошей драке. — Варвар скосил глаза на подругу: — Одела бы ты кольчугу, а?

— Я уже говорила тебе однажды, что женщины не так выносливы, как мужчины, — отмахнулась Бэлит. — Кольчуга будет только мешать, а острую стрелу она задержит так же плохо, как и сильный удар по шее. Без нее в рукопашной я дерусь куда как ловчее.

Конан в ответ только пожал плечами. Бог киммерийцев Кром дает человеку только жизнь и волю. И ничего больше. Дальше ступай своей дорогой по миру и сражайся! Не протянулась ли суровая длань Крома над Черным Побережьем, не коснулась ли она Бэлит еще в материнском чреве? Что ж, вполне может быть...

На минуту варвар вспомнил свою дикую родину. Действительно, далеко же он забрел и страшными были его приключения. Наконец-то он нашел себе подругу. Но слепой случай, что подарил Бэлит, может в любой момент и отнять ее. Конан расправил широченные плечи. Человеку — мужчине или женщине — надо бесстрашно встречать любой удар судьбы.

«Кроме того, — подумал он с мимолетной ухмылкой, — драка обещает быть веселой». Судя по манипуляциям парусника, вряд ли его команда обучена военному искусству. Правда, стигийцы намного превышали пиратов численностью, а всякий матрос быстро учится, как постоять за себя.

С парусника полетели первые стрелы. Субанские стрелки ответили залпом, а их товарищи, рыча, посыпали врагу ядреные матюги. Солнце сверкнуло на взлетевших копьях. Одно попало в носовую фигуру, всего в дюйме от Бэлит. Конан заворчал, Бэлит рассмеялась.

Внизу на палубе одно копье угодило в бедро субанцу. Он вырвал жало, остановил кровь и вновь занял свое место у релинга.

На паруснике покачнулся матрос, раненный в горло, и, скорчившись, перевалился за борт. Едва над ним с плеском сомкнулась вода, на поверхности появился треугольный плавник акулы.

Бэлит отдала приказ. «Тигрица» под косым углом накрывала жертву. Огромный чернокожий воин на средней палубе раскрутил над головой абордажный крюк на тросе и бросил. Крюк впился во вражеский борт, трос в руке великана натянулся. Он тут же швырнул второй, пока его товарищи с громким воплем тянули первый. Мускулы блестящих от пота рук играли, делая привычную работу. Пираты тут же схватили и второй трос, когда крюк попал в цель.

Стигийцы пытались обрубить тросы. Залп стрел уложил нескольких, а остальные попрятались. Корабли сошлись, «Тигрица» сильно вздрогнула и встала борт о борт с парусником.

— На абордаж! И глядите, чтобы они не кинули факелы! — взревел Конан. Он знал, что такое огонь на корабле. Вытащив меч, он ринулся вперед.

Пираты перебросили уже абордажный мостик, острые крючья впились в высокий борт парусника. Конан устремился по мостику, за ним шаг в шаг следовали черные воины в кольчугах. Большинство субанцев носили только юбки или туники, украшения из перьев и оружие своей родины. Но в этом варварском обличии они казались еще более страшными. По мостику неслись готовые к резне дикари. Их боевой клич перекрыл рев матросов с парусника.

Тroe стигийцев в доспехах ожидали атаки плечом к плечу на другом конце абордажного моста. Клинок Конана взлетел и с шипением упал вниз. Будто молот по наковальне, ударил о щит клинок. Стигиец пошатнулся, но тем не менее нанес ответный удар своим коротким мечом. «Первая» атака Конана была лишь уловкой. Широкий клинок стремительно метнулся в сторону и перерубил запястье противника. Солдат тупо уставился на обрубок руки. Он качнулся назад и остаются сидеть на палубе, бессильно истекая кровью.

Конан между тем пустил в ход щит, чтобы отшвырнуть в сторону второго противника и тут же нанести мечом могучий удар. Стигиец повалился на стоящего рядом воина. Тот явно был более опытным. На краткий миг потеряв равновесие, он вскинул щит, прикрываясь, отбил следующий удар и атаковал в ответ. Киммериец отскочил на шаг. Когда мелькнул короткий клинок стигийца, варвар нанес мощный удар сверху. Резкий рывок выбил меч из рук противника. Стигийцу пришлось спасаться бегством.

Конан прыгнул на палубу. Ему потребовалось всего лишь несколько мгновений, чтобы расчистить себе дорогу. Стигийцы отчаянно сопротивлялись, пытаясь прикрыть брешь. Но Конана обуял азарт битвы, он восторженно проревел боевой клич киммерийцев. У большинства врагов доспехи отсутствовали. Единственной защитой служили щиты. Полуобнаженные смуглые люди были бессильны против дикости и ярости сверкающей стали. Треск и звон смешались с воплями тех, кого зарубил киммериец. Воины Бэлит заполнили всю палубу.

Стигийский капитан заорал со своего возвышения на корме. Матросы повиновались. Это была хорошо вымуштрованная команда. Оставшиеся в живых сомкнули ряды и отступили к корме, всем видом показывая, что пираты рано приняли их за трусов. Субанцы занялись теми, кто не успел вовремя отступить. Решающая схватка была еще впереди. И все же добрым двум десяткам матросов удалось добраться до верхней палубы.

Бэлит помчалась к Конану по залитым кровью доскам, мимо корчащихся от боли раненых и безмолвно лежащих трупов. Стрелы свистели ей вслед. Киммериец принял ее под прикрытие своего щита.

— На корме они смогут долго обороняться от нас, — задыхаясь, проговорила она. — В этих водах часто встречаются корабли, а пираты — враги любого моряка. Они надеются, что мимо пройдет другой корабль и поможет им. Тогда, боюсь, нам придется удирать.

— Возьмем по крайней мере добычу... Нет, — вслух размышлял Конан.

Невозможно перенести груз под обстрелом на галеру. Уже сейчас корсары прячутся под защитой палубных надстроек и мачты. Стрела вонзилась в щит киммерийца. Конан поискав взглядом подходящее укрытие.

— В конце концов, мы можем поджечь корабль! — сердито воскликнула Бэлит.

Это бессмысленное разрушение противоречило натуре киммерийца.

— Погоди, — сказал он. — У меня идея. Они могут обороняться — но только до тех пор, пока никто не свалится им на спину. Помоги мне, — Конан отбросил щит.

— Что... — начала было Бэлит, но варвар в двух словах объяснил, что задумал. Одно мгновение она испуганно глядела на киммерийца, потом рассмеялась, хищно, как волчица:

— Ты свихнулся, Конан, но ты гений! Да, иди!

Она поцеловала его крепко, чуть не укусив, потом встала на колени расшнуровать сапоги варвара.

Конан снял кольчугу, чтобы не стесняла движений, и привязал меч за спину. Босой, только в плотных штанах и шлеме, он побежал. У мачты Конан быстро оглядел такелаж, выбрал фал и перерезал его кинжалом. Затем шмыгнул к релингу и вантам. Цепляясь пальцами рук и ног, он ловко, как белка, взобрался наверх.

Стигийцы, казалось, его не заметили. Бэлит позаботилась о том, чтобы ее лучники постарались их отвлечь. Они скрывались за кормовыми постройками, изредка отвечая на выстрелы.

Присев на рее за хлопающим парусом, Конан протянул обрезанный фал. Хотя фордуны^[4] могли помочь ему спуститься вниз, но сделать это было непросто. Он еще раз обрезал фал и побежал по рее. Рулевой у штурвала отсутствовал, корабль метался по волнам, и мачта выписывала в воздухе дикие петли. Конану некогда было думать об опасности, балансируя на краю реи. Там он обрезал часть паруса, чтобы тот ему не мешал. Определив, какой длины нужен фал, Конан закрепил его. Затем взял в руки свободный конец и прыгнул.

Трос натянулся и резко дернулся — Конан полетел над палубой, воинами, «Тигрицей» и вечно алчущим новых жертв морем. Варвару хотелось сейчас завопить от восторга, как тогда, мальчишкой, в Киммерии. Он пронесся над ахтерштевнем. Низко пролетая над палубой, Конан выпустил фал.

Удар о палубу был так силен, что Конану показалось, будто все его кости разлетелись в пыль. Несмотря на это, он тут же прыгнул на ахтердек. Меч со свистом вылетел из ножен. Поскольку у Конана не было щита, левой рукой он выхватил кинжал. Стигийский моряк, не веря своим глазам, уставился на варвара. Конан занес меч, и по доскам покатилась голова.

— Хой-хо! — заревел киммериец, рубя налево и направо. Кто-то ткнул в него копье. Он отразил удар мечом и ринулся вперед. Кинжал вонзился в горло копьеносца. Умирающего Конан швырнулся в следующего врага и почти одновременно с этим сделал выпад, отражая секиру. Было невозможно поверить, чтобы один-единственный человек без доспехов мог устоять против множества воинов. Но Конан сражался в плотной толпе стигийцев, мешающих друг другу, и пожинал свою кровавую жатву.

Вот короткий клинок задел варвара. Он ударил врага рукоятью в лоб. Послышался треск костей. Широкое лезвие полоснуло по шее стигийца и, не успел он упасть, разрубило живот другого. Гарда кинжала блокировала удар еще одного меча и задержала оружие, пока Конан не повернулся и не сумел высвободить руку.

Возвышаясь над этой мешаниной тел и стали, он видел, как черные воины Бэлит бегут к лестнице, которую некому было защищать, и одновременно слышал дикий, торжествующий крик.

Бэлит спрыгнула на ахтердек таким же способом, как и киммериец. Конан удивленно

поднял бровь. Такое в его планы не входило. Со сверкающей сталью в руках, Бэлит присоединилась к варвару. Он взревел, как лев, и еще яростнее стал пробиваться вперед. Он перебьет стигийцев всех до единого, но не допустит, чтобы его подруге причинили вред.

Но теперь не придется драться в одиночку. Субанцы забрались на ахтердек и быстро положили конец битве.

С опущенными парусами оба сцепленных меж собой корабля качались на волнах. Бэлит и Конан, остыв после боя, оценивали состояние дел. Убиты трое, еще пятеро так тяжело ранены, что надолго вышли из строя, если вообще выживут. От них, кстати, может вспыхнуть какая-нибудь зараза. Из стигийцев, кажется, не уцелел никто. Корсары побросали их за борт, живых и раненых, поскольку не занимались работорговлей. Конан опасался, что Бэлит, как она это уже делала, вернется к берегам Субы, чтобы взять на борт новых воинов. В них не будет недостатка, как она уверяла.

Трюмовые люки были открыты. В брюхе корабля копошились пираты, выясняя, какую добычу они захватили. Доносились приглушенные, но радостные голоса. Конан заключил, что добыча не только дорогая, но и легко перевозимая — вероятно, пряности. Они с Бэлит направились к корме, скинув забрызганную кровью одежду. Прекрасное тело Бэлит блестело, еще влажное от морской воды, которой она окатила себя из ведра. Мечи они, правда, держали наготове, ведь неосторожные хищники не доживают до старости.

Внезапно дверь каюты распахнулась. Человек, ступивший на палубу, носил железный ошейник раба, но туника его была белой и чистой, а движения казались отточенными и изящными. Черты лица его — тоныше, а кожа — темнее, чем у стигийских матросов. Незнакомец произвел на Конана и Бэлит странное впечатление.

— Приветствую вас, — спокойно проговорил он и низко склонил голову над сложенными ладонями. Киммериец понимал стигийский так хорошо, как носорог — соловьевиное пение.

Бэлит отвечала, используя свой ограниченный словарный запас. Незнакомец улыбнулся и перешел на шемитский, который Конан понимал сносно.

— Поздравляю с победой, господин и госпожа. Как Отанис из Тайи может быть вам полезен?

— Хм! — буркнул Конан. — Не много тебе потребовалось времени, чтобы переменить господ.

Отанис пожал плечами:

— Разве я виноват? Они сделали меня своей собственностью. Какая уж тут верность! — он тоскливо посмотрел вдаль и сказал тихим, почти молящим голосом: — Может быть, вы в своей бесконечной милости сделаете меня вновь свободным. Так вы получите настоящую верность, ее нарушит только смерть.

Бэлит объяснила Конану:

— Это тайянец. Его соплеменники — не стигийцы, хотя их страна уже долгие годы является провинцией змеепоклонников. Часто тайянцы бунтуют против своих господ, но их мятежи всегда подавляют. Я считаю их мужество достойным восхищения. — Она снова повернулась к рабу: — Как ты попал в плен?

Отанис мрачно нахмурился:

— Тайянцы вновь взялись за оружие, чтобы отвоевать былую свободу. Меня захватили во время стычки и погнали на рынок.

Конан, внимательно рассматривавший его, сухо заметил:

— Кажется, тебе не так уж сильно досталось...

— Нет. Мне повезло. Если можно назвать счастьем клетку, — ответил Отанис. — Стигиец, купивший меня на рынке, — купец из Кеми по имени Бахотеп — был по крайней мере

достаточно умен, чтобы понимать: от животного больше пользы, если с ним хорошо обращаться. Я умею читать и писать — редкое умение у тайянцев в эти тяжелые времена. Это, несомненно, известно моей госпоже. Поэтому Бахотеп отправил меня работать в контору. Недавно он сделал меня смотрителем этого ценного груза. Со временем он начал доверять мне, понимаете? Но, несмотря на это, он приказал капитану держать меня под стражей, пока мы стояли в гавани. — Отанис вновь пожал плечами. — Если положить на одну чашу весов его сносное обращение со мной, а на другую — то, что я был рабом, то я нахожу, что ничего не должен хозяину. Поэтому, господин мой и госпожа моя, я в вашем распоряжении. — Он снова склонился в поклоне. — Дозволено ли мне спросить, с кем я имею честь говорить?

— Я — Бэлит с корсара «Тигрица», — ответила женщина гордо, — а это мой товарищ — Конан... — Она осеклась, потому что Отанис, широко раскрыв глаза, уставился на нее. — Что с тобой?

— Вы... Вы Бэлит... Из Шема, с Черного Побережья? — еле выговорил он.

Свет играл на угольно-черных косах Бэлит.

— Да, — заявила она. — Я Бэлит и тоже имею свой счет к стигийцам.

— Я... я знаю вашего брата, — заикаясь, сказал Отанис.

Бэлит замерла.

— Что?.. — прошептала она и задрожала, затаила дыхание.

— Да. Джихан. Ведь он ваш брат? Как часто он с любовью рассказывал о вас.

Клинок Бэлит со звоном упал на доски. Она схватила Отаниса за руку и впилась в нее ногтями. Не издав ни звука, тайянец стиснул зубы. Это понравилось Конану. Он положил могучую руку на плечо подруги и почувствовал, как женщина дрожит.

— Говори! — приказала Бэлит. — Рассказывай мне все!

— Но... Так сразу не вспомнить, — растерянно произнес Отанис. — Мы стали добрыми друзьями, он и я.

— Он все еще в лапах этой твари, Рамваса? — крикнула она.

Отанис покачал головой:

— Нет, теперь нет. — Он поиском слов, прежде чем продолжить: — Он рассказывал мне, как вы оба попали в руки Рамваса и что вы, очевидно, сумели от него ускользнуть. Но он мог лишь надеяться, что вы по крайней мере встретили достойную смерть. Как счастлив был бы он, видя вас здесь, королева битвы. Ну во всяком случае Джихан доставил Рамвасу столько неприятностей, что тот решил избавиться от него и продал. Мой хозяин Бахотеп приобрел также и его. Как я сказал, Бахотеп достаточно сообразителен, чтобы найти ключик к хорошему рабу. Джихан платил за хорошее обращение прилежной работой. — Отанис криво усмехнулся в сторону Конана. — Если мы примерно себя вели, то могли даже раз в неделю посещать женщин. — Он снова стал серьезным, когда заметил слезы в глазах Бэлит, и продолжал рассказ: — Да, Джихан и я работали вместе счетоводами. Так было, пока меня не отправили в это плавание. Разумеется, его сердце все еще тоскует по свободе, но он слишком умен, чтобы рисковать жизнью, если шансы вырваться на волю малы. Пока боги не предоставят ему более подходящей возможности для бегства.

— Джихан — в Кеми? Джихан! — простонала Бэлит.

Она бросилась Конану на грудь и зарыдала. Он неловко прижал ее к себе, провел ладонью по волосам и проворчал нечто, что должно было служить утешительными словами. Пираты, стоявшие поблизости, глазели на них удивленно, но подходить не решались.

— Где он, Отанис? — Бэлит высвободилась из рук киммерийца и резко повернулась к тайянцу. — Мы устроим налет. Веди нас к нему, и все золото Стигии будет твоим!

Где-то в глубине души Конан понимал ее чувства. Но будучи по натуре не большим

любителем чужих разборок, сохранил полное спокойствие. Только сжал покрытые шрамами кулаки. Бэлит надо бы помочь. Но прежде хладнокровно пораскинуть мозгами, с какой стороны к этому подступиться.

Он рывком повернул подругу к себе, глаза варвара полыхнули ледяным огнем.

— Послушай, — проговорил он, — спустайся с небес на землю. Что сделает один корабль против целого вражеского флота? Это будет не налет, а самоубийство. Неплохо бы поработать башкой так же, как и клинком. Тогда Джихан точно будет стоять на палубе «Тигрицы».

Бэлит с усилием заставила себя успокоиться.

— Ты, конечно, прав, — наконец с мукой прошептала она. — Нам нужен план. Но мы будем жить ради этого, ради Джихана, пока не вернем ему свободу.

Пронзительный взгляд Конана устремился на Отаниса:

— Нам понадобится твоя помощь. Без сомнения, заварушка предстоит серьезная. Ты дрался за свою землю. Теперь будь верен нам, и тогда ты не только обретешь волю, но и станешь обладателем сокровищ, что в этом трюме. На них ты сможешь нанять много солдат. — Конан немного поразмыслил, слушая свист морского ветра. — Но если ты все-таки лжец, — завершил варвар сурово, — ты умрешь!

Отанис улыбнулся.

— Может быть, совсем не так уж трудно будет помочь вам, — сказал он. — Поговорим подробнее?

Бэлит поручила перегрузку товара своему помощнику и направилась вместе с обоими мужчинами в каюту стигийского капитана. Она и Конан уселись за стол. Отанис принес вина и тоже сел. Солнечный луч проникал сквозь застекленное окно и, казалось, раскачивался вместе с кораблем. Голоса людей, болтавших и смеявшихся за работой, доносились приглушенно, равно как пронзительный крик чаек, плеск бьющихся о борта волн. Свежий воздух сочился сквозь полуоткрытую дверь в маленькую, скудно обставленную каюту и наполнял ее соленым дыханием надежды.

Отанис сделал глоток из кубка, отодвинул его и сложил руки кончиками пальцев.

— Вилла Бахотепа и его загородный дом охраняются не так уж строго. Его рабам известно, что их господин лучший хозяин Кеми, и внимательно следят за тем, чтобы не попасть к нему в немилость. И Джихан тоже, по меньшей мере, пока наконец не представится настоящий случай вновь вернуть себе свободу. Госпожа Бэлит, вам, должно быть, подвернулось невероятное счастье, когда вы бежали. Я бы с удовольствием послушал, как вам это удалось.

— Я украла лодку, — кратко сказала она.

— И вас не схватили по дороге в порт? И священный питон? — Отанис прищелкнул языком. — В любом случае, если на следующее утро докладывают о пропавшем рабе и об исчезнувшей лодке, без сомнения, никак не меньше трех или четырех кораблей отправляются на поиски. Стигийцы любят показывать свою власть строптивым невольникам, а корабль быстрее лодки. Это чистое счастье, что ни один из них не искал вас и никто не счел достаточно важным этот случай, чтобы поручить волшебнику определить ваше точное местоположение — по крайней мере, пока еще существовали надежды на успех. Джихан не может рассчитывать на такое счастье и целиком полагаться на удачу. А вам уже известно, что наказание беглому рабу — смерть, но после многодневных ужасных пыток.

Он остановился. Конан сделал большой глоток терпкого стигийского вина, не отрывая мрачного взгляда от Отаниса. Тот продолжал:

— Как я уже сказал, для Джихана не составит большого труда выйти из дома Бахотепа. Как и мне, ему сплошь и рядом дают поручения. Он может запросто сочинить правдоподобный предлог, чтобы отлучиться на два или три дня, — предлог, убедительный для охраны: например,

что ему необходимо передать указания надсмотрщикам на плантациях Бахотепа. Весьма маловероятно, чтобы стражник стал тревожить своего господина по такому ничтожному поводу. Я могу передать ему записку с необходимыми указаниями — отправить ее с нашим общим, однако не слишком искушенным в грамоте другом в доме Бахотепа для передачи, а я уж сумею незаметно сунуть ее ему. Джихан и я сможем потом вернуться назад к лодке, которая доставит меня на борт, и, таким образом, у нас будет большое преимущество перед преследователями, моя госпожа.

Вино плеснуло через край кубка, который держала Бэлит.

— На словах ты скор, Отанис, — проворчал Конан. — Откуда мы знаем, что ты выполнишь обещание, когда сядешь в лодку?

— Хороший вопрос, мой господин, — невозмутимо ответил темнокожий. — Мой ответ на это будет таким: во-первых, вы обещали мне вознаграждение, не для меня лично, но ради поддержки моего несчастного угнетенного отечества. Во-вторых, Джихан и я действительно настоящие друзья. Если вы сомневаетесь в этом, тогда, позвольте, я поведаю вам, что он мне рассказывал — хотя это и займет несколько часов — о себе самом, о вас, госпожа, о вашем детстве. Вы знаете брата, он никому не станет говорить сокровенное. В-третьих, я тайянец и вырос в горах, я не умею обращаться с лодками. Так что мне нужен кто-нибудь, кто доставит меня на сушу, лучше всего тот, кто хорошо владеет оружием, на тот случай, если что-нибудь стряслася.

Конан хватил кулаком по столу.

— Я пойду! — объявил он.

— Нет, не ты! — запротестовала Бэлит. — Я буду сопровождать его.

Киммериец тряхнул гривой волос:

— Куда тебе! Ты не сможешь выдать себя ни за знатную даму, ни за потаскушку — это единственный род женщин, которым разрешено показываться на улицах Кеми, если то, что я слышал, правда. Кроме того, хоть ты и превосходно сражаешься, у меня все же больше шансов, если дело дойдет до потасовки, где все решает грубая физическая сила, — я бы даже сказал, больше, чем у любого из команды, прежде всего потому, что никто из них не бывал в городах. Они запросто могут начать неправильно вести себя и тем самым привлекут к себе внимание. И уж совсем в-главных, моя любовь, хоть ты и говоришь, что я такой же капитан, как и ты, — в действительности субанцы повинуются только тебе. Я даже не знаю их языка. «Тигрица» должна быть готова и к бою, и к отплытию — ради Джихана.

Она глотнула, потом сказала:

— Ты прав, Конан. Этот корабль я отправлю на дно, а галера встанет возле острова, он называется Акбет. Там я покажу тебе курс на Кеми. Остров необитаемый, это хорошее место встречи.

Варвар поскреб свой крепкий подбородок.

— Тебе, я думаю, ясно, что невозможно предвидеть, сколько времени нам понадобится? Мы с Отанисом не хотим зря спешить. Если не повезет, придется, может быть, какое-то время оставаться с Джиханом на суше, прежде чем мы сумеем пробиться к лодке.

Бэлит кивнула:

— Да, конечно, я понимаю. — Ее голос дрожал. — О Конан, я никогда не брошу тебя в беде, ни в жизни, ни в смерти. Теперь во мне борется моя любовь к тебе и мое чувство к брату — я не хочу, чтобы ты подвергал себя опасности ради него, но ведь он — сын моих родителей. «Тигрица» будет здесь, поблизости от острова Акбет. Если вас долго не будет, может так статься, что мы недолго отлучимся, чтобы где-нибудь запастись провиантом, а может быть, будем вынуждены прятаться от военного корабля, но я всегда, всегда буду возвращаться и ждать. — Она

бросилась в его объятия. — Всегда, Конан!

Вскоре она снова успокоилась до такой степени, что смогла спрашивать Отаница о Джихане и выслушивать его рассказы. Пока она слушала, ее нетерпение что-либо предпринять становилось все сильнее, и Конан вполне разделял ее чувства.

Глава седьмая

Таверна предателей

Уже наступила ночь, когда они добрались до суши на шлюпке, взятой с парусника, но взошедший месяц давал света достаточно для глаз, привыкших к темноте киммерийских лесов. Волны прибоя и косой парус мерцали в серебристом сиянии. Впереди простиралась Стигия — мрачная страна под темным небом. Жара была угнетающей, морской ветер почти не ощущался на суше.

Они причалили не в порту. Во-первых, без специального разрешения это было вообще невозможно, а во-вторых, Конан не собирался непременно ставить свою шлюпку на якорь на глазах у блюстителей порядка. Наконец, в высшей степени вероятно, что им придется спешно отступать и, что тоже не исключено, их отплытие произойдет не без применения оружия. Отанис предложил бухту южнее устья Стикса, и Бэлит согласилась с его выбором. Эта бухта попадалась ей на глаза во время прежних поездок между факторией и домом родителей. Она показала Конану курс по звездам, и он быстро понял ее, потому что частенько находил таким же образом дорогу на суше. Их прощальные поцелуи все еще горели в нем.

Поскольку ветер улегся, им пришлось гребти последний участок пути через бухту. На берегу вздымались пальмы и обвитые лианами мангровые заросли. Вода вскипала на веслах под сильными гребками Конана. Змеи с блестящей чешуей и крокодилы поспешили пускались в бегство.

— Чуют, что ты сухопутная крыса, — заметил Конан своему спутнику.

На берегу он привязал нос и корму к деревьям, росшим на полосе отлива, поскольку не хотел полагаться только на прилив. Низко свисающие ветки и густые лианы, сплетающие их, скрывали шлюпку от случайных взглядов проходящих мимо кораблей. Пришвартовав лодку таким образом, что она в любой момент была готова к отплытию, он облачился в кафтан, плащ с капюшоном и сандалии, взятые в качестве добычи на паруснике.

Плащ скрывал оружие, запрещенное в городе, — меч и кинжал — и должен был помочь избежать неприятностей при встречах со стражей, по крайней мере в темноте. Рост киммерийца был, правда, необычным, но не чрезмерно, среди стигийцев, в большинстве своем рослых. Конан так сильно загорел на солнце, что кожа приобрела почти тот же цвет, что и у местных аристократов, а синие глаза и чужеземные черты затенял капюшон.

— Завидую твоей прохладной тунике, — буркнул он Отанису. Послышилось жужжение, комар впился в тело киммерийца. Прихлопнув кровососа, Конан ухмыльнулся: — А может быть, и нет, — и добавил: — Ну, мой друг, начиная отсюда, ведешь ты.

На самом деле ему все равно пришлось идти впереди, потому что его спутник все время спотыкался, наступал в лужи. Отанис было нелегко. Конану показалось странным, что тот, кто прежде был охотником и пастухом, держится так неуклюже, точно не вылезал из города. Ну да, вероятно, человеку из горной страны непросто находится в местности, покрытой болотами и кустарником. Не многие были так интимно знакомы с природой во всех ее проявлениях, как Конан.

Когда они добрались до возделанных полей, Отанис наконец взял на себя водительство. Пыльная дорога, серая в лунном свете, вела рядом с оросительным каналом, и им нужно было лишь следовать ей. Дважды они проходили деревушки, где жили крепостные: нищие скопления глинобитных хижин. Полуголодные псы лаяли на них, но не могли разбудить людей, спавших от

изнеможения.

— Почему они так живут? — удивленно спросил Конан. — Что у них есть в жизни, кроме работы — на пользу своих хозяев, — бедности и кнутов надзирателей?

— Они не знают другой жизни, — ответил Отанис.

— Но разве они не могут представить себе что-нибудь получше? Единственное, что я знал мальчишкой, — это дикие леса и горы. Рай по сравнению с этим вот. И все же он прискучил мне, и я пустился в путь, мир поглядеть. — Конан подумал. — Ну ясно, один-единственный человек или семья, которые пытаются удрать отсюда, только доставят себе лишние трудности. Но если это сделает одновременно целая толпа, люди могут стряхнуть с себя обузу, которую повесили на них.

Отанис обалдело поглядел на Конана:

— Но это приведет к краху цивилизации!

— Ну да, — подтвердил Конан.

— То, что было построено трудами за множество эпох — науки, искусства, ремесла, — все это должно пойти прахом только лишь ради этих презренных и жалких тварей?

— Я побывал во многих странах и городах, и это правда, у них есть что предложить. Но цена за это — власть изнеженных ублюдков. Эта цена чересчур высока. — Конан бросил на своего спутника острый взгляд. — У тебя странные мысли для тайяница — по крайней мере, для тех, о ком я слышал.

Отанис сжал губы.

— Давай лучше не будем спорить, — пробормотал он и погрузился в молчание. Конан не сумел его растормошить. Наконец киммериец оставил его в покое и предавался мечтам о соблазнительной попке Бэлит.

Они прошли расстояние в несколько миль и достигли Кеми незадолго до полуночи. Стены и башни возносились, точно горы, над темным мерцающим Стиксом. Тут и там светились желтым окошки, одиноко и странно, но в основном город был сплошная тьма, которая, казалось, выпила лунный свет, изливающийся на него. В такую ночь, как эта, в любом другом городе хотя бы из одной башни доносились бы радостные вопли пирующих, но в этой столице чародеев и жрецов царила лишь угнетающая тишина.

По дороге, вымощенной плитами, Отанис повел Конана вдоль стены к порту. Они увидели Великую Пирамиду, огромное сооружение, которое поднималось над самыми высокими зубцами стены. Поскольку дорога в порт проходила довольно высоко, Конан мог видеть также смутную путаницу старых горных выработок и шахт до самого берега реки. Необъяснимая дрожь пробежала по его спине.

Любая встреча с врагом, принадлежащим к человеческому роду, вызывала в нем воодушевление, но он не мог изгнать из себя древний ужас варвара перед сверхъестественным; а разве он не слыхал, что духи несчетных столетий влачат свое загробное существование на таких вот холмах? Что же касается самого Кеми — он не признался Бэлит, сколько мужества ему потребовалось для того, чтобы посетить подобное место.

И тем не менее он подходил лучше, чем кто-либо другой, для того чтобы сопровождать Отаниса и вернуть брата его возлюбленной. В душе он сражался со своим первобытным страхом, а внешне он шагал себе легким шагом тигра.

Между закатом и восходом ворота были закрыты для всех, исключая тех, у кого имелось поручение для жречества. Но только две боковые стены с их сторожевыми башнями лежали против гавани, где был разрешен свободный доступ в город, потому что здесь проходила морская торговля, от которой зависело благополучие почти всей Стигии. Для защиты город имел здесь королевский флот, отвесный склон и, наконец, силу его чародеев. Уже столетия ни один враг не

набирался мужества для нападения на город. Все эти укрепления в общем и целом служили лишь жрецам, помогая им лучше держать под контролем горожан.

Таким образом, Конан и Отанис смогли войти в город под видом припозднившихся рыбаков. Они держались по большей части в глубокой тени и все время останавливались, чтобы случайно не угодить в лапы портовой стражи. Солдаты сразу начнут задавать неприятные вопросы. На улицах, вне порта, они могли передвигаться свободнее.

— Что за дыра! — ворчал Конан. — Тут что, нет ни одной приличной пивной, где можно получить кружку пива и смочить глотку в эту убийственную жару?

— Разумеется есть, там, куда мы сейчас направляемся, — тихо заверил его Отанис, — но больше нет почти нигде во всем городе. Лучше ведите себя потише, чтобы мы не привлекли к себе внимания кое-каких тварей, которые ползают ночью по улицам.

Рука Конана незаметно сжалась под плащом рукоять меча. Он слыхал об огромных питонах, посвященных Сэту. Их выпускали ночью, и они свободно ползали где хотели и забирали добычу, какую находили. Такое чудовище он повстречал бы едва ли не с радостью, потому что в данном случае ему пришлось бы сражаться не с призраком, а с созданием из плоти и крови. Он не стигиец, который безропотно дает себя раздавить и заглотить лишь из тех соображений, что такова воля Бога!

Несмотря на то что улицы были просторны, высокие дома по обе стороны заслоняли луну и почти все звезды. С неохотным одобрением он признал, что улицы очень чисты, что они не заполнены, как это принято в большинстве других городов, нечистотами всякого рода. Но когда он увидел несколько рабов, которые чистили мостовую, выбиваясь из сил под ударами кнута жестокого надсмотрщика, он предпочел загаженные улицы. Бедняги были здесь неизлечимо больные, истощенные, слабые умом, которых невозможно было больше использовать ни для чего иного и которым приходилось так проживать последние дни своей жизни. Кроме этих бедняг, он увидел только несколько важных посыльных, закутанных жрецов в масках зверей и девушек для радости, которые, не считая предписанных им украшений из перьев на голове, были совершенно голыми. Кеми в это время с его ползущими, шипящими питонами напоминал скорее змеиную нору, чем населенный город.

Темнота сгустилась, когда они оказались в бедных кварталах. Здесь улицы превратились в грязные переулки, петлявшие среди растрескавшихся стен убогих домишек и мастерских. На плоских крышах спали люди, которые не выдерживали жары внутри дома, где пекло, как в печке. Один раз пара молодых людей скользнула совсем близко. Они имели призрачный вид, и Конан увидел в их руках сверкнувшие кинжалы. Киммериец вытащил меч, тогда они отказались от своего прежнего намерения и поспешили юркнули в боковой проулок.

— Ты прав, Отанис, — бросил варвар, — это змеиное гнездо не имеет никакого права владычествовать над такой страной, как твоя.

Его проводник промолчал.

Наконец тайянец остановился перед одной дверью. Опахало из увядших пальмовых листьев указывало на то, что это таверна. Свет пробивался сквозь щели в деревянной двери и между ставен. Острый слух киммерийца уловил шорох, и, несмотря на вонь в переулке, он учゅял запах жареного мяса.

— Ты об этой таверне говорил? — спросил он.

Отанис кивнул:

— Да. Это «Проглотовка».

На корабле он разъяснил, что никто в Кеми не имеет права предоставлять кров иностранцу, не зарегистрировавшемуся у властей, но, несмотря на запрет, имеются хозяева, не задающие вопросов, если посетитель располагает достаточными средствами. Кошелек на поясе Конана

был битком набит. Киммериец спросил Отаниса, откуда горец, взятый на службу к почтенному купцу, может знать подобные вещи, и получил в ответ, что рабы Бахотепа порой выполняли весьма необычные поручения и что, конечно, много о чем просто болтают.

Отанис постучал. Дверь, запертая на цепочку, приоткрылась на дюйм, и в щель высунулась недовольная физиономия. Конан широко улыбнулся и поднял золотую монету. Цепочка со звоном откинулась, и оба посетителя вошли.

Они оказались в крошечной пивнушке, потолок которой был так низок, что Конану пришлось пригнуть голову. Камыш, постеленный на пол, лежал там, несомненно, уже несколько недель и вонял кислым пивом и нечистотами. Каменные светильники отбрасывали приглушенный дымный свет, можно было разглядеть несколько человек с хитрыми мордами и ножами за поясом. Они сидели на полу, скрестив ноги. Девка, явно уже пережившая свои юные годы, вымазанная толстым слоем косметики, скорчилась, никем не замечаемая, поблизости. Жареная свинина на вертеле подогревалась на пылающих углях жаровни. Воздух из-за этого был здесь еще непереносимее, чем в переулке.

Отанис перебросился парой слов на стигийском с одноглазым хозяином и сунул ему несколько монет. Обращаясь к Конану, он указал на дверь и перешел на шемитский язык:

— Постель на одного — вдруг подцепите насекомых. Первая комната направо, если пройдете через эту дверь. Я оплатил за неделю для вас. Не позволяйте Проглоту обсчитывать вас, подавая еду и питье. Он наверняка попытается.

У Конана вытянулось лицо:

— Запереться на целую неделю в этом хлеву?

— Мы это обсуждали перед тем, как отправиться сюда, — напомнил ему Отанис. — Если вы будете один бродить по городу, вы слишком легко можете возбудить подозрения. И кроме того, где мы встретимся, когда приспеет время? Нет, оставайтесь в укрытии. Я не знаю, сколько мне понадобится времени, чтобы передать весточку Джихану, и не ведаю, когда он после этого сможет безопасно выбраться из дома. Если боги будут милостивы, это займет, может быть, всего несколько дней.

— И тогда ты немедленно меня заберешь отсюда, — проворчал Конан. — Если бы Бэлит могла видеть, где мне приходится торчать, она уже никогда бы не сомневалась в моей любви.

— Теперь я пойду. Спите хорошо.

— Будет лучше, если я буду спать чутко. Ты и в самом деле решил отчалить, не подкрепившись и не отдохнув?

— Я найду для этого возможность совсем рядом с домом Бахотепа, а тогда уж я сразу смогу начать следить.

Конан положил обе руки на плечи Отаниса.

— Ты хороший товарищ, — хрипло сказал он. — Пусть счастье не оставит тебя.

Смуглый человек улыбнулся, слегка поклонился и покинул таверну. Хозяин снова заложил за ним цепочку. Конан приблизился к свиному жаркому на вертеле. Он не увидел ничего особо аппетитного, но, когда голод мучает, перестаешь быть чересчур разборчивым. Варвар вынул кинжал и отрезал несколько ломтей. Подбежал Проглот. Конан не понимал слов, однако тот, без сомнения, требовал денег. Конан ответил на киммерийском:

— Тебе заплатили! — и больше не обращал на него внимания.

Проглот замахал руками перед лицом варвара и разразился тирадой. Когда это не помогло, он призвал на помощь своих клиентов. Двою поднялись с кинжалами в руках. Конан откинулся на спинку стула, так что стал виден широкий меч. Один тут же снова сел, второй протянул к нему раскрытую ладонь и проныл:

— Бакшиш?

Забавляясь, Конан дал ему медную монету. Тут же его стали осаждать. «Бакшиш! Бакшиш!» — визжали они. Пробиться сквозь эту толпу к спальне оказалось труднее, чем проложить дорогу через вражеский отряд.

Спальня оказалась грязной дырой без окон, но там имелось лежбище из прелой соломы на полу, у входа болталась циновка. Кроме того, комната была оснащена парашей. Конан разделся и расстелил вещи на соломе. Оружие он положил рядом с собой, справа и слева. Он и впрямь намеревался спать чутко и не убирать пальцы с рукоятей. И так он задремал, и ему снилась Бэлит.

Шум разбудил его: резкие голоса и металлический звон. Воздух стал прохладнее, и первые признаки рассвета проникали с улицы. Он услышал, как возмущенно протестует Уминанк, потом услышал приглушенный удар, когда чейто кулак избрал в качестве своей цели хозяина, за ним последовало жалобное поскуливание, затем взревели команды и затопали шаги. С оружием в руках Конан вскочил.

Короткий меч распорол камышовый занавес, который, сухо шурша, упал на каменный пол. Два стигийских солдата стояли в дверном проеме. На них были шлемы, латы, обшитые пластинами меди юбки, наколенники, щиты и в руках мечи. Остальные из отряда теснились позади них, а за спинами последних стоял Отанис.

— Конан, сдавайся! — крикнул он. — У тебя нет никаких шансов, кроме как положиться на милость моего господина Тот-Аписа.

В пылающей ярости кровь вскипела в его жилах и застучала в ушах.

— Твой господин собака! — рявкнул он. — За какую же кровавую цену купил он тебя этой ночью?

Он стал выше остальных, когда высокомерно поднял голову и ответил:

— Меня никогда не покупали. Я не тайянец, я настоящий стигиец, — Амнун мое имя, если тебя это интересует, — и я с наслаждением выполнил свое поручение, заманив тебя в ловушку жреца Тот-Аписа, которому я служу. Таково было веление Сэта, и могучая магия сделала это возможным. Не иди против воли Сущего, Конан. Сдайся, спаси свою жизнь.

— Нет, раз это доставило бы тебе удовольствие! — Киммериец расставил ноги пошире и угрожающе поднял клинок. — Иди и возьми меня!

Амнун повернулся к командиру отряда, тот отдал команду. Солдаты вошли в комнату.

Они проделали это осторожно. Амнун, должно быть, предупредил их, что человек, которого им предстоит взять в плен, могучий воин.

Щит примкнул к щиту, когда солдаты образовали подвижную защиту для копейщиков, стоявших позади. Будь комната чуть побольше, Конан мог бы проскочить, положив двоих или троих. Но здесь его прижали к стене.

Он нанес удар. Стигийский шлем зазвенел, как колокол. Голова его владельца откинулась назад. Полуоглушенный, он выронил щит. Меч Конана запел, описав дугу, и настиг следующего солдата. Третий споткнулся об упавшее тело, и киммериец зарубил его со спины.

Офицер отозвал остальных к двери. Они перестроились и опять устремились на Конана. На этот раз копья второго и третьего ряда возвышались над щитами.

— Сдавайся! — кричал от входа Амнун.

Конан взревел. Вверх и вниз взлетал его меч, разметав копья в стороны. Только на один миг путь оказался свободен, но этого вполне хватило. Левая рука взметнулась, и по воздуху пролетел кинжал. Амнун пронзительно закричал, когда клинок вонзился ему в шею. Захлебываясь кровью, он осел на пол.

— Вот твоя награда! — провыл Конан.

Теперь он, разумеется, ждал смерти и надеялся лишь забрать с собой несколько стигийцев. Но отряд получил приказ доставить его Тот-Апису живым. Офицер отдал новое распоряжение, несколько копейщиков перевернули оружие, используя копья как дубины. Хотя киммериец рубил со всей яростью, не щадя себя, чтобы прорваться, и убил при этом еще двоих, и здорово поранил остальных, но, в конце концов, такое количество дубин на один череп — это чересчур. Он рухнул на пол и провалился в черноту беспамятства. Солдаты мстительно набросились на поверженного варвара и пинали, пока офицер их не окликнул.

Глава восьмая

Пленники черного круга

Лицо Тот-Аписа — голова хищной птицы — было мрачным. Пальцы барабанили по подлокотнику трона-кобры. На какое-то время то был единственный звук среди бесформенных колеблющихся теней.

— Мне это не нравится, — пробормотал он. — Слишком дерзок.

Рахиба, сидевшая на скамеечке у его ног, еще больше распахнула свои большие золотисто-бронзовые глаза. Пламя свечей, игравшее в них, заколдовывало ее притягательное лицо, которое, казалось, светится изнутри.

— Что же вы хотите вообще делать, господин мой? — спросила она тихо.

— Чем больше я об этом думаю, — ответил он, — тем более разумным мне представляется немедленно уничтожить их всех: Конана, тайянскую принцессу, Джихана, да и вашего офиру, Фалко. Необходимо опередить смертоносное предназначение Конана и тех троих ничтожных, которые каким-то образом связаны с ним.

— Господин мой, прошу простить мои слова, но я должна сказать: страх говорит вашими устами, не разум, — предупредила жрица. — Сначала мы должны найти суть дела, мы обязаны узнать больше, прежде чем перейти к необратимым действиям, если мы хотим избежать того, чтобы цепь грядущих событий была прервана тем самым без непредсказуемых последствий. К примеру, Митра мог бы... — При упоминании ненавистного Солнечного Бога оба зашипели и описали в воздухе знак змеи. — Найти кого-то другого, кто вознесет вместо Конана Секиру, выкованную на небе, — если это вообще то самое, для чего он предназначен судьбой. И тогда конец всем пророчествам об Избраннике. Нам нужно узнать об этом киммерийце все, проследить все возможности, прежде чем мы сможем увериться, что деяния, которые он предназначен совершить, предотвращены навсегда.

— Да, это верно, — признал Тот-Апис. — Но у нас есть снадобья и пытки, чтобы все это быстро узнать от него и остальных. А вместо этого вы предлагаете, чтобы он был размещен самым комфорtabельным образом в замке Мантикоры, да еще хотите, чтобы они все встретились. Нет!

— Опоить и измучить пытками — так вы очень малого достигнете с этим сильным и упрямым воином, — заметила Рахиба. — Они должны быть нашим последним средством. Если же мы, напротив, сведем заключенных всех вместе, они станут непринужденно общаться, беседовать, поскольку будут чувствовать, что за ними не следят. Так мы могли бы узнать о них все, в конце концов — в этом я уверена — немного о слабостях Конана, которые потом можно будет использовать против него.

Тот-Апис не был так убежден в этом. Но Рахиба так быстро не сдалась:

— Чего нам вообще бояться? Еще ни одному смертному не удалось бежать из замка. Служите Сэту с осмотрительностью, и Повелитель Ночи поможет вам, ибо разве не благословляет он хитрости и уловки? Чародей принял решение. — Хорошо, — произнес он. — Попытаемся. Он начертил в воздухе магический знак. Появилась картина помещения, где сидел дежурный офицер. Он не мог видеть наблюдателя и потому вздрогнул, когда внезапно раздался голос Тот-Аписа. Офицер вскочил на ноги, отсалютовал и внимательно выслушал приказ. Пот выступил у него на лбу.

— Да, Повелитель, — проговорил он наконец, — будет немедленно исполнено.

Тот-Апис и Рахиба не выпускали его из виду. Он созвал своих людей, которые исполнили приказание без всяких инцидентов. Когда они снова покинули помещение, чародей занялся теми четырьмя, которые были там собраны. Рахиба, видевшая Конана впервые, против воли сильно задышала и жадно наклонилась вперед.

Когда входная дверь его комнаты открылась, Конан схватил стул. Он надеялся, что сумеет убить того, кто войдет, и каким-либо образом улизнуть из тюрьмы. Он разочарованно заскрипел зубами и выронил свое бесполезное оружие, когда вошел целый отряд тяжело вооруженных солдат. Если эти ребята явились, чтобы тащить его на пытку или что-нибудь похуже, он бросится на них и умрет, сражаясь. Но то, как с ним обращались до сих пор, — как бы это ни путало его — не позволяло пока сделать таких выводов.

Вместо того чтобы заковать его в цепи и бросить в тюремную клетку, ему выделили роскошные покой в высоком здании. Лекарь позаботился о его ранах, и каждый день приходил цирюльник, охраняемый несколькими солдатами, чтобы побрить его. Через маленькое окошечко в двери несколько раз на дню просовывали блюда с обильной и дорогой едой и напитками. В шкафу содержался выбор роскошного платья подходящего размера. Имелся обширный бассейн, где он мог не только мыться, но и плавать. И туда постоянно накачивалась чистая вода, когда он спускал старую. После трех дней роскошной жизни варвара уже ничто больше не беспокоило. Если не считать глухой ярости пленника. Он взирал на запертую дверь и тосковал о Бэлит. И еще его одолевало чувство смутной неизвестности, ведь Конан не знал, что должно означать столь странное отношение к нему.

— Радуйтесь, — сказал командир стражи на шемитском с легким акцентом, — в своей милости господин Тот-Апис решил позволить немного пообщаться вам, чтобы не страдали от одиночества.

Еще больше запутавшись, Конан позволил провести себя по коридору, двери в котором напоминали ту, что была у него в покое, и, судя по всему, вели в подобные же помещения. Он закончился большим светлым помещением с толстыми коврами, роскошной меблировкой и приятным свежим воздухом, проникающим через широко раскрытое окно. Изображения птиц и цветов украшали белые стены. На столике стоял кувшин с вином и четыре хрустальных стакана. Троє сидевших в комнате посмотрели на вошедшего варвара.

— Мы заберем вас на ужин, — сказал им командир по-стигийски. Он и его люди удалились.

Конан слышал, как задвинулся тяжелый засов. В помещении была только эта дверь. Гонимый желанием вырваться отсюда, киммериец подошел к ближайшему окну иглянул наружу. Наружная стена вела отвесно вниз на тот же мощеный двор, который он видел и со своего балкона.

Он повернулся к остальным.

— Я — Конан, — проговорил он. — Из далекой Киммерии. — Он говорил на шемитском. — Вы тоже пленники?

— Я... я думаю, да, — ответил самый молодой. — Во всяком случае, я здесь заключенный. Мы все только что были доставлены сюда и еще не знаем друг друга. Я Фалко, сын барона из Кирджахана в Офире.

Конан кивнул. Несмотря на стигийскую одежду, в словах юноши нельзя усомниться. Ему было не более восемнадцати лет, он был строен, чуть выше среднего роста, мускулистый и гибкий. Светлая кожа, карие глаза, рыжеватые волосы и правильные черты указывали на уроженца западного Офира. Как правило, выходцы из тех мест отличались от выросших в седле кочевников восточной части этого королевства. Но наверняка он был столь же хорош в обращении с лошадью, луком и мечом, как в чтении, письме и музыке. Конан вспомнил

виденные им карты. Офир лежал севернее Шема, а Кирджахан находился недалеко от аквилонской границы.

Фалко поклонился находившейся среди них женщине.

— Может ли мы узнать ваше имя, госпожа? — спросил он.

Конан смотрел на нее с удовольствием. Для женщины она была очень высокой, очень тонкой, но фигуру имела достаточно женственную — этого не могло скрыть тонкое полупрозрачное одеяние. Волосы и глаза были темные, в тонких чертах читалось смешение нескольких рас, а кожа ее была светлого, золотисто-бронзового цвета.

У нее был смелый взгляд, но ни в коем случае не кокетливый. Она заговорила на языке, которого Конан не понимал, но полагал, что он относится к хайборийским языкам. Когда она заметила, что ее никто не понимает, она перешла на стигийский.

— Это Дарис из Тайи, — перевел Фалко. — Ее отец Авзар возглавил восстание против короля Ментуфера. — Он поколебался, юношеское лицо выразило тревогу. — Если отец ее еще жив.

Конан нахмурился. После своего короткого приключения он испытывал непроизвольное недоверие ко всем, кто выдавал себя за тайянцев.

— Как она попала сюда? — спросил он.

Фалко задал вопрос, получил ответ и коротко рассказал, как это случилось. Недоверие Конана пропало.

— Неплохо для девушки, — проворчал он. — Сердцем ты похожа на Бэлит.

У четвертого вырвался приглушенный вскрик. Остальные повернулись к нему. Рослый плотный шемит держался в стороне. Согнутые плечи и глубокие шрамы страшного лица говорили о боли и страдании.

— А ты кто? — спросил Конан.

— Я никто, — был невнятный ответ. На миг поднялись опущенные глаза, чтобы встретить взгляд Конана. — Я не ослышался, вы произнесли одно имя?

— Да... Имя королевы корсаров Черного Побережья, Бэлит...

Конан не смог продолжать. Чужак навалился на него и больно стиснул обеими руками плечо варвара.

— Она жива? Что с ней? — сипло прошептал он.

— С ней все хорошо, — ответил Конан. — У нее есть галера и команда из субанцев. Она охотится за кораблями и грабит их, чтобы отомстить... — Страшная догадка пронзила его. — Кто ты?

Шемит выпустил его руку:

— Я ее брат — Джихан.

Он упал на стул, и рыдание потрясло его.

— Джихан! — Конан бросился к плачуещему, обнял его и быстро заговорил: — Послушай, я приятель Бэлит. Нам было хорошо друг с другом, но меня заманили в ловушку, пообещав освободить Джихана. То есть тебя. Клянусь копьем Крома! Я еще сделаю это!

— Нет, нет! Она не должна видеть, что со мной стало!

— Что значит парочка шрамов!

— Во мне, во всем теле, — он коротко ткнул в свое лицо, в левое плечо, в ребро, — скрывается никогда не кончающаяся боль. Несмотря на это, я могу двигаться, могу работать, даже сражаться. Но это лишает меня мужества, и сон приходит ко мне только вместе с полным изнеможением.

Конан уставился на него в ужасе. Он выпустил его и поднялся с побледневшим лицом, тяжело дыша и непроизвольно дрожа. Фалко понял, что с ним, и поспешил оттащил Дарис в

сторону. Неожиданно Конан испустил дикий рев, оглушительно отразившийся от стен. Он схватил тяжелый стол и разнес его в щепки. Только тогда он снова обрел дар речи.

— За это они заплатят — так заплатят, как еще никто на этом свете. — Он зашагал по комнате, похожий на хищного зверя. Его голос звучал остро, как лезвие меча: — Джихан, не отчайтайся. Если даже нельзя излечить твои раны, месть поможет твоему духу. А потом свежий морской воздух и широкий горизонт принесут душе покой и мир. Сначала надо придумать план бегства, но прежде обменяемся сведениями: кто что знает. — Конан ткнул пальцем в Фалко: — Начни ты, парень. Как попал сюда и что тебе известно об этом месте?

Офицер покраснел. Он не привык, чтобы им так командовали. Но, оглядев повнимательнее огромного варвара, он ответил уважительно:

— Если вы считаете это необходимым — извольте. Но я предложил бы вам сесть и обсудить все это за стаканом вина.

— Делай что хочешь, — проскрежетал Конан, — только говори.

Ему не нужно было вина, ярость и без того пьянила его. Ему казалось, будто он слышит посист и лязг клинков, во рту стоял горький привкус, какой бывает только во время битвы.

Фалко наполнил три стакана. Первый он предложил Дарис, которая взяла его и села на диван, готовая в любую минуту вскочить. Второй он протянул Джихану. Шемит почти вырвал стакан у него из руки и опрокинул в горло, а слезы все еще струились у него по щекам. Третий он оставил себе и опустился с ним рядом с тайянкой. Он пригубил.

— Дорогое, — пробормотал он и откинулся на диван, начиная рассказ.

— Меня тоже поразила трагедия, о которой я только что узнал, — сказал он. — Но чтобы быть честным, мой господин, я не думаю, что бегство возможно, и также не уверен, что к нему нужно стремиться. Вероятно, я должен начать с самого начала.

Я младший сын барона Кирджахана, и, таким образом, мои надежды завоевать славу лежали за пределами дома, на службе короля. Примерно год назад его секретные службы доставили информацию, заставляющую задуматься: сообщения путешественников об увеличении здешней армии; примечательные наблюдения о ввозе товаров в Стигию и тому подобное. Король Ментуфер известен жадностью и властолюбием. Возможно ли, что он умышляет нечто против Офира?

Наконец, лорд Зарус из Вендишана был отправлен в Луксур, королевскую столицу. По легенде, он — особый уполномоченный, который должен вести переговоры с королем об улучшении торговых связей и о совместных действиях обеих наших стран в борьбе с пиратскими набегами. В действительности же он должен был вынюхивать и, разумеется, доводить до сведения все, что только мог. Я находился в его свите в качестве секретаря.

Нам не позволялось удаляться от города больше, чем на несколько миль. Предотвращались любые наши беседы с кем-либо вне дворца, за нами велось постоянное тайное наблюдение. Однако в течение нескольких месяцев мы наткнулись на достаточное количество указаний, чтобы опасаться подготовки к чему-то угрожающему для Офира. Наконец я предложил Зарусу совершить налет на министерство иностранных дел, где мы могли найти доказательства. Я втайне ознакомился с планом здания и распорядком дня служащих, в том числе и стражи. Лорд Зарус, однако, предупреждал меня, что он не сможет меня прикрыть в том случае, если я попадусь и мне придется рассчитывать на худшее. Тем не менее я не дал себя отговорить.

Рассматривая офицера, Конан спокойно рассудил, несмотря на кипевшую в нем ярость, — что ни один склонный к авантюрам юноша в действительности не верит, что он может умереть. Но в любом случае такое состояние духа киммерийцу нравилось.

— Мне удалось однажды ночью незаметно пробраться в здание министерства, — продолжал Фалко. — В приглушенном свете потайного фонаря я читал корреспонденцию, предназначенную

лишь для избранных глаз. Она доказывала, что король Ментуфер тайно был связан с несколькими городами-государствами в Шеме. Так же и с теми, что выплачивали ему дань. Планировалось совместное нападение и захват Офира. Если бы им это удалось, они оказались бы у границ Аквилонии, которой скверно управляет слабый король и которую раздирают братоубийственные войны. Это государство упало бы им в руки, как спелый плод. Так Аргос был бы изолирован, и они могли бы взять его позднее совершенно спокойно.

Да, далеко будет простираться область владений Ментуфера — и Сэт восторжествует.

Он прикусил нижнюю губу, но затем продолжал быстро, снова как человек с безграничным самоуважением.

— К сожалению, меня застигли врасплох. Вероятно, кто-то по глупой случайности заметил свет моего фонаря, или доверенное лицо чародея доложило ему о моем предприятии — не знаю. Я вытащил рапицу, убил стражника... («Наверняка первого и последнего», — подумал Конан.) — ...и ранил еще нескольких, но их было очень уж много, и они меня пересилили.

Он уставился в окно. Его голос зазвучал тише:

— Потом стали твориться настоящие чудеса. Мне не отрубили голову, меня даже не пытали. Вместо этого в тайной карете доставили на набережную, где меня взял на борт корабль, команду которого составляли жрецы. Этот корабль приводили в движение не весла и не парус, а демонический огонь и крылья, распластертые низко над водой. Таким образом мы достигли Кеми за две ночи и один день. Я слышал, что это единственный корабль такого рода, построенный еще в древнем Ахероне с помощью давно забытых чар. Верховный жрец мало разговаривал со мной, но он удивленно признался, что редко требуют доставки заключенных таким образом. Он заверил меня, что его правительство не подало никаких жалоб на меня и даже о них не упоминало. Пусть лорд Зарус ломает себе голову, что произошло.

По окончании необычного путешествия меня доставили сюда, в эту невероятно уютную тюрьму, где я проживаю уже несколько недель.

— У тебя есть соображения, почему с тобой так обращаются?

Фалко кивнул. На этот раз краска смущения залила его лицо.

— Да, господин, и это также причина, по которой я и ставлю вопрос, так ли уж желательно бегство. Нам, может быть, лучше подождать, пока нас выпустят.

Конан остановился, скрестил свои могучие руки и нахмурился:

— Говори дальше.

Фалко сделал большой глоток и уклонился от острого взгляда киммерийца.

— Ну я... меня часто посещали. Очаровательная дама...

Джихан поднял голову, и его лицо напряглось.

Фалко вздохнул:

— Да, госпожа Сенуфер — мечта красоты... и любви. У меня есть определенный... э... опыт с женщинами, но я никогда не думал, что могут быть такие, как она. Она живое доказательство, что не все стигийцы прокляты и что мир — не пустое слово.

— Вам не обязательно описывать ее красоту, — насмешливо сказал Конан. — Лучше расскажите о ее намерениях.

— Хорошо, — пробормотал Фалко. — Она заявила мне, что среди аристократов есть сильная партия, выступающая за мир. Они не видят смысла в завоевании, они за то, чтобы сделать страну более доступной, чтобы новые идеи извне стряхнули с нее пыль. Они пытаются переубедить короля и в самом деле имеют значительное влияние. Кое-кто из этих аристократов узнал о моем аресте сразу же вслед за тем, как меня схватили. Она видела во мне потенциального союзника. Ее друзьям по фракции не удалось, правда, освободить меня, но они по крайней мере позаботились о том, чтобы меня разместили здесь. В первый раз она пришла

только для того, чтобы составить впечатление обо мне и сообщить о нем другим, но потом...

Красный, он вылил остатки вина в свой стакан. Джихан не выдержал. Он вскочил на ноги и захрипел:

— Не верьте ей! Это наверняка такая же дьяволица, что и та, что посещала меня. Вы еще узнаете это, к своему несчастью, юноша.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Конан.

Медленно, потому что стыд то и дело замыкал ему уста, Джихан заставил себя рассказать о пережитом: как прекрасная покровительница, называвшаяся Этерой, снова вернула ему радость жизни только лишь для того, чтобы отнять ее с новой жестокостью.

Конан скрежетал зубами. Но тем не менее он достаточно владел собой, чтобы взять дрожащую руку Джихана и попытаться успокоить парочкой соленых слов.

Затем он посмотрел на Дарис.

— Неплохо бы теперь послушать и твою историю, — заметил он ей. — Я думаю, мы сидим в паутине одного и того же паука.

Молодая женщина рассказала о своих приключениях, а Фалко переводил. При упоминании о летучем корабле офицер удивлялся и в свою очередь поразил ее, когда рассказал о своем путешествии. Конан лишь кивнул. Джихан снова погрузился в свое горе.

— Ну вот и настало время послушать вам кое-что обо мне, — сказал киммериец. — Я говорил уже, что я — искатель приключений с далекого Севера. Много лет я брошу по свету. Хотя это никого не касается... Начну-ка я со знакомства с Бэлит.

Джихану сразу же стало намного легче, когда Конан заговорил о его сестре.

— Мне кажется, Бэлит обрела себе хорошего друга, — бросил он.

Конан взвешивал каждое слово и рассказал только контур истории, чтоб не выдать возможным соглядатаям что-нибудь важное. Это, по крайней мере, отвлекло его от гнева, но в глубине души он все еще был накален добела. Он влил в себя стакан вина, чтобы немного остыть.

Когда он закончил, трое сидящих вокруг него людей молчали. Конан сверкнул глазами:

— И крокодилу понятно, что здесь замешан кто-то очень могущественный. Я полагаю, это Тот-Апис. Имя его неоднократно упоминалось. Проклятый чародей, верно?

Фалко утвердительно кивнул.

— Зачем ему прилагать столько усилий, чтоб заманить в ловушку меня, обычного пирата? Но он поручил это королевскому флоту. Почему вы тоже были так важны для кого-то? Вы — шпион, раб и пленная, хоть вы там и принцесса. Зачем нас собрали вместе и оставили наедине? Кто может извлечь из этого выгоду?

— Может быть, люди Сенуфер позаботились о нас, — задумчиво проговорил Фалко. — Я, возможно, узнаю больше, когда снова увижу ее.

— Не доверяй ни одной стигийской ведьме, — предупредил Джихан.

Фалко мрачно нахмурился.

— Вы достойны сочувствия, — проворчал он, — но я не потерплю, чтобы о Сенуфер говорили плохо.

Хотя Дарис не могла понимать их щемитский, она ощущала напряженность и что-то сказала на стигийском. Фалко успокоился и перевел:

— Дама предлагает, раз у нас больше нет вопросов, провести остаток времени более непринужденно: обменяться воспоминаниями, рассказать истории, попеть, раз уж мы приговорили это отличное вино.

— Хорошее предложение, девочка, — проговорил Конан на киммерийском. Ему было безразлично, что она его не понимает. Варвар улыбнулся ей, и девушка улыбнулась в ответ.

Когда заключенных снова развели по их комнатам, Тот-Апис погасил волшебную картину. В глубокой задумчивости он остался сидеть на троне, а Рахиба поднялась и с наслаждением потянулась.

— Ну, мой господин, признаетесь ли вы, что это было полезно? — спросила она.

— Возможно, — ответил он. — Мы узнали о них много личного. Нужно еще только выяснить, как много из этого можно будет использовать для колдовства, чтобы проследить нити их судьбы и быть в состоянии перерезать их.

— Я уже знаю нечто полезное, — сказала Рахиба.

Он посмотрел на нее взглядом глубоким и темным:

— Что?

Она рассмеялась звонко, как колокольчик, но зло.

— Конан, вероятно, и в самом деле любит свою маленькую Бэлит, но он уже много дней разлучен с ней, и совершенно очевидно, что его мужественность дает о себе знать. Вам не бросилось в глаза, как он пялился на Дарис? Вероятно, пройдет какое-то время, пока он собьется с пути, но я думаю, что это произойдет. Если он хоть раз будет скомпрометирован в самодовольных добродетельных глазах Митры — тьфу-тьфу-тьфу, — если он попадется мне, да, тогда мы его заполучим, подозревает он о том или нет. Его предопределение будет утеряно, душа станет без весел — но, пока он жив, никто другой не может быть избран воином Бога. Разве не записано, что решения Митры — тьфу-тьфу-тьфу — приняты на века? Вы можете долго, очень долго поддерживать в нем жизнь, Тот-Апис. — Ее длинные пальцы перебирали ниспадающие волосы. — А для меня останется редкостное развлечение.

Глава девятая

Приветствие воина

Этим вечером полная луна, казалось, встала прямо из Стикса. С балкона Конана она была еще не видна, но ее сияние окрасило зубцы замковых стен. Первые звезды зажглись на небе. Погода стала мягче. Ночь была теплой.

Конан искал Полярную звезду, по которой он мог бы ориентироваться, если отправится на свою родину, как только освободится. Нет, он не собирался покидать Бэлит, но она сама сказала, что хочет когда-нибудь побывать там, где он вырос. Конан глянул наверх и увидел серебристо-золотой огонь Юпитера. Та же самая звезда светила сейчас Бэлит, там, в море. Смотрит ли и она сейчас на нее? Потому что тревога за него и страх за его участь не дают ей сна?

Варвар почувствовал, как глухо стучит сердце и, глубоко вдохнув, задержал воздух, прежде чем крепко выругаться. В ярости он повернулся и возвратился в комнату. Изнуряющие физические упражнения помогали ему всегда держать себя в форме, но скука размягчала. Он займется сейчас гимнастикой, а потом завалится спать.

Свет бесчисленных свечей озарял главный покой. Он не обращал внимания на его роскошь, скинул тунику, бросил ее просто на пол и, одетый лишь в набедренную повязку, приступил к глубоким приседаниям.

Звяканье и короткий шорох нарушили тишину. Конан прислушался, готовый к прыжку. Его сердце бешено стучало. Это был ключ во входной двери.

Тяжелая, обитая железом дверь широко раскрылась. Осторожно вошел вооруженный солдат. Он направил на варвара свой арбалет, готовый к выстрелу. Конан, подслушивавший через вентиляционное отверстие, уже давно удостоверился, что ночную вахту здесь несет только один человек. Мгновенно вспыхнула в нем надежда. Если он будет достаточно скор и особенно если ему привалит удача, он сумеет уклониться от болта и схватить стигийца за горло.

Но он, конечно, хорошо знал, какой отчаянной была бы эта попытка против настороженного стрелка. Конан полностью совладал с собой, когда на пороге выросла чья-то фигура. Это была женщина.

Она повернулась к стражнику, тот почтительно преклонил колени, ни на мгновение не отклоняя арбалет от цели. Затем он быстро запер дверь, заложил засов и повернул ключ в замке. Конан остался стоять без движения, хотя горячая кровь мчалась по его жилам и все его чувства обострились. Он услышал мягкие кошачьи шаги, когда женщина прошла по ковру, и легкий аромат косметики коснулся его ноздрей. Он смотрел, как она приближалась. Никогда еще он не видел женщины прекраснее, и лишь немногие могли бы сравниться с ее чисто внешней притягательностью. Ее почти совершенно прозрачное одеяние струилось и переливалось вокруг фигуры, тонкая талия подчеркивала округлость груди и бедер. Ее лицо безукоризненных очертаний, с классическими признаками стигийской расы. Янтарная кожа и черные волосы нежно светились при пламени свечей.

В шести или семи футах от него она остановилась, многообещающе улыбнулась ему и медленно подняла руку, словно умоляя не прибегать к насилию. Но Конан и не собирался нападать. Если даже не иметь в виду, что природная честь киммерийца не позволит применить грубую силу против женщины. Конан увидел реальный шанс получить ответы на многочисленные вопросы и разгадать кое-какие загадки. Пусть все идет своим чередом. Он разжал губы.

— Вы говорить — шемитский? — коряво спросил варвар, и в тот же миг ему стало ясно, как нелепо это прозвучало.

Она дотронулась до маленького зеркальца, которое висело у нее на шее на цепочке. Конан беспокойно передернул плечами. Мелодичным голосом она заговорила, делая знаки пальцами левой руки.

Луч света вырвался из зеркальца прямо в глаза Конана и, казалось, опалил его мозг. Нестерпимо яркая белизна окутала его, и речитатив незнакомых словес терзал его слух. Вихрь ослепляющего света и странные звуки опустошили сознание. Конан тупо осознавал, что стоит как оглушенный, но не падает.

После мгновений зачарованного сна ослепительный свет погас, монотонный голос умолк, и Конан отчетливо услышал слова:

— Конан, проснись!

Сознание мгновенно вернулось к варвару, он отшатнулся от чужестранки.

— Что вы сделали со мной своим колдовством? — прохрипел он.

Снова улыбнулась она и распростерла руки в благословляющем жесте.

— Ничего, что могло бы вам повредить, Конан, напротив, ибо я к вам расположена.

— Тогда зачем?

Она рассмеялась звонко, как колокольчик.

— На каком языке вы сейчас говорите?

— Ну, на... — Внезапно Конану стало ясно, и он уставился на нее широко раскрытыми глазами: — На стигийском!

Она кивнула:

— Правильно. Я, правда, владею шемитским, как и многими другими языками, но все же я подумала, вам будет очень полезно знать здешнюю речь. Мое волшебство обучило вас в несколько мгновений.

Он потряс головой, чтобы отогнать наваждение.

— В самом деле? — пробормотал он и попробовал наугад несколько слов: — Мужчина, женщина, меч, корабль, лошадь, битва...

Она вздохнула:

— Мне жаль, я упустила из виду и не избавила вас от киммерийского акцента. Ну и что ж? Он звучит мужественно, он волнует. — Она приблизилась к нему. — Не сесть ли нам, не побеседовать ли за стаканчиком вина?

Конан взял себя в руки и подавил врожденный ужас варвара перед всем, что имело отношение к колдовству. В самом деле, он наслаждается присутствием этой женщины. Бэлит, да и Дарис были земными красавицами, но этот экзотический цветок будил мечты... Стоп! Это были мечты, которые ему лучше не допускать к себе — если он может это предотвратить.

— Кто вы? — спросил он.

— Рахиба, верховная жрица Дэркето здесь, в Кеми, — ответила она. — И, как уже сказала, я благосклонна к вам.

Если это правда, она была бы могущественным союзником. Он не чтил ее божество, но его и не мстило от этой богини, как от Сэта. Богиня любви и смерти имела много приверженцев далеко за пределами Стигии. Даже Бэлит иногда призывала ее.

Рахиба протянула ему руку. Он взял ее своей огромной лапой, затем смущенно поднял ее руку к губам, слегка склонился над ней и поцеловал. Ее кожа была как шелк. Когда он снова выпрямился, она одарила его улыбкой, одновременно сияющей и манящей.

— Я принесу вина, — сказал он густым голосом и подошел к столику, где кроме винного кувшина стояло еще несколько сосудов для различных напитков — воды, пива, молока, —

которые ему ежедневно приносили. Он наполнил два стакана и отнес их Рахибе, которая уселась на диван и подложила себе под спину подушку. Она взяла у него стакан, подняла его и сказала певуче:

— За ваше счастье, Конан, и за то, чтобы я могла вам помочь вновь обрести его.

— Спасибо, — протянул он.

— Вы не хотите выпить за меня — нет, за нас?

Не произнося никакого тоста, он выпил и наконец сказал:

— Вы наверняка знаете, что я блуждаю в совершенных потемках. Почему я здесь? Зачем вы пришли ко мне? Что вообще происходит?

— Вы сегодня наверняка кое-что узнали от своих товарищей по заключению? — ответила она вопросом. — Я приложила свои усилия, чтобы Тот-Апис разрешил вам эти совместные часы.

Несомненно, кое-что он узнал, а сейчас узнал и еще.

— Мы беседовали, — ответил он, задумчиво подбирая каждое слово. — Один из нас полагает, что ему известно, почему его содержат в таком комфорtabельном заключении, вместо того чтобы бросить в тюрьму или просто заколотить в гроб: юный Фалко, которого тоже посещают дамы.

Рахиба кивнула. Свет блеснул на ее волосах.

— О да, Сенуфер. Это знатная дама, которая служит делу мира, как и я.

— И приятному времяпрепровождению тоже, как я слышал, — добавил Конан откровенно. Полные губы улыбнулись.

— Почему бы и нет? Разве это кому-нибудь вредит? Она богатая вдова и может делать все, что захочется, пока это не постоянно. Кроме того, мы действительно хотим иметь близкие контакты с Фалко. Может прийти время, когда его связи в Офире окажутся для нас бесценными. Мужчина, который его регулярно посещает, легко мог бы попасть под подозрение. Женщина, которая совершенно открыто состоит с ним в любовной связи, может не бояться быть заподозренной в заговоре. Ее единственная забота — подкупить нового стражника, если вдруг его заменят.

— А что с Этер? — резко спросил Конан.

Рахиба подняла бровь:

— С кем?

Вино в стакане Конана едва не выплеснулось.

— Очень некрасивая история.

— Я ничего об этом не знаю. Есть одна аристократка с таким именем, которая немного занимается искусством целения и обладает некоторыми отвратительными наклонностями. Мы, стигийцы, такие же люди, как все, мой дорогой. Поэтому среди нас, как и везде, есть и добрые, и злые, и никакие, и наши человеческие взаимоотношения могут быть не менее запутанными, чем везде.

Конан решил больше не углубляться в эту тему. Вместо этого он попросил:

— Поведайте мне, почему я здесь и что вы намереваетесь делать.

Она ответила сочувственно:

— Вы должны понимать, что Тот-Апис не числится среди моих доверенных лиц. Он могущественный колдун и жрец и сейчас является главой того объединения чародеев, которое среди посвященных известно как Черный Круг. Поэтому мне тоже многое неясно, но я надеюсь вытянуть побольше. Я расскажу вам то, что известно мне самой.

Стигию достигли известия об одном искателе приключений с далекого Севера — отважном воине, который направляется в эту южную страну. Будучи пиратом, вы могли бы во время войны,

которая становится все более вероятной, превратиться в источник опасности. Вас не следует недооценивать. Возможно, Тот-Апис завлек вас в ловушку только по этой причине, может быть, его планы более глубинны. Я должна признаться, было бы неправильным допускать, чтобы вы и дальше причиняли вред моему народу. Но лично я не держу на вас зла. Пиратство рассматривается у вас, варваров, как почетное ремесло, не так ли? Ну, я могла бы с удовольствием научить вас чему-нибудь поинтереснее. Тому, что более подходит такому могучему воину.

Партии, из которых одна стоит за мир, другая за войну, не враждебны друг другу. Это, в конце концов, дело политики, то есть люди, которые в этом отношении имеют противоположные мнения, в других вещах могут нормально сотрудничать. Как принадлежащая к жречеству, я услышала о вас и говорила с Тот-Аписом, пока он не снизошел к моей просьбе посетить вас здесь. Сам он сторонник экспансии стигийского царства, но он не кровожаден, ему довольно, что вы здесь ничего не можете предпринять. Если бы я знала вас лучше, Конан, я думаю, мне бы удалось убедить Тот-Аписа в том, что вы можете дать и сдержать честное слово не причинять больше вреда Стигии. Тогда он мог бы вас спокойно выпустить.

— И когда, вы думаете, такое может произойти? — спросил киммериец.

— В течение года, может быть, даже немного позже. — Рахиба созерцала его пылающим взором. — Это зависит от того, как быстро и как хорошо мы узнаем друг друга, — промурлыкала она.

Он сжал кулак:

— Чего вы хотите от меня?

— Легко может так статься, что вы окажетесь решающей фигурой в борьбе за мир, — ответила она. — Не исключено, что именно магическое указание на это так испугало Тот-Аписа, что он выступил против вас. Если это так, я думаю, мне со временем удастся рассеять его опасения. Не потому, что я хочу склонить вас или вообще кого бы то ни было к предательству. Это только означает, что мир — лучшее для Стигии, и я в этом искренне убеждена. Каким образом вы готовы помочь Стигии — за колоссальное вознаграждение, конечно? Ну, на это нужно время. Я могла бы хорошо представить вас в роли ловкого курьера, которого не может остановить никакой бандит, никакой тайный агент. Послания правительствам таких стран, как Офир, Аргос, Немедия, Коф, Коринфия, даже Аквилония, наверняка воодушевят их на совместные действия, и как давление в дипломатическом отношении, так и торговые проблемы вынудят короля Ментуфера изменить свои планы. В связи с этим также очень хорошо, что кронпринц Ктесфон не разделяет его амбиций.

Конан поскреб подбородок.

— Гм, — пробормотал он. — Эта штука здорово запутанная, чтобы мои слегка заржавевшие мозги могли следовать за ней по всем закоулкам. И все же... подождите! Скоро, как упоминал Фалко, предстоит война с Офирем. Она будет объявлена еще до того, как у вас появится время убедить Тот-Аписа в моей честности.

Рахиба покачала головой, украшенной диадемой: — Нет, ничего в этом направлении нельзя предпринимать, пока бунтует Тайя. Это был также мой совет поместить здесь дочь их предводителя. Вероятно, она согласится — после того, как я поговорю с ней, — выступить в роли посредника и провести переговоры, которые положат конец как бунту, так и несправедливостям Стигии в Тайе. Такой успех невероятно усилит партию мира.

— До сих пор вы никак не разъяснили присутствие здесь Джихана, — напомнил ей Конан.

— Джихана? — Она посмотрела на киммерийца невинным вопрошающим взглядом. — Кто это?

Прежде чем он смог ответить, она отставила стакан и немного ближе придинулась к нему.

— У нас еще будет так много времени беседовать о политике, — выдохнула она. — Разве мы не можем провести этот прекрасный вечер гораздо лучше?

— Что вы хотите сказать? — хрипло спросил Конан.

Она опустила ресницы:

— Вероятно, мне понадобится та же отговорка, что и Сенуфер, чтобы иметь возможность посещать вас. И это ни в коей мере не огорчает. Клянусь богами, Конан, что вы за мужчина!

Желание жарко запылало в нем, несомненно для ее искушенного взора. Она совсем чуть-чуть приоткрыла влажные губы и склонилась в его раскрытые руки. Их губы встретились. Даже Бэлит никогда не целовала его так страстно.

Руки Конана тронули ее шею. Они схватили цепочку, на которой висело зеркальце, и серебряные звенья порвались. Он зашвырнул амулет в самый дальний угол.

Рахиба вскрикнула. Варвар взял в ладони ее лицо. Она расцарапала ему щеку. Он перехватил запястье. Потом поймал и другую руку. Киммериец придавил колдуны коленом к дивану. Хотя она извивалась, как кошка, но была бессильна против медвежьей силы варвара.

— Успокойся, — предупредил он, — иначе мне придется придушить тебя, чтобы ты потеряла сознание. Я могу это сделать, не причинив тебе серьезного вреда, но мне было бы приятнее, если бы не пришлось к этому прибегать.

Прекрасные глаза метали искры ярости. Она вынуждена была подчиниться. Конан сердито кивнул. Поскольку окошечко на двери было закрыто, стражник не слышал ее криков. Он избежал риска, что за ним следили, как — это он приметил — происходило целый день. Конан сообразил, что ведьма не захочет, чтоб следили за ее любовными играми. Она рассчитывала на защиту талисмана в случае, если ее шарм не окажет желаемого воздействия.

И кроме того, колдунья определенно не ожидала такого позора.

Конан крепко держал ее запястья, свободной рукой срывая с ведьмы одежду.

— Не бойся, — успокаивал он ее, — я никогда еще не брал женщину против ее воли. А с тобой-то вообще отбивает всякую охоту. Я только тебя свяжу.

— Ты рехнулся? — прохрипела она.

Он тряхнул гривой черных волос:

— Нет. Я не такой дурак, как ты решила. Вы, люди цивилизованные, воображаете, что если у варваров нет городов и книг, то они глупые животные. Клянусь Кромом, мы больше вашего шевелим мозгами!

— Но... но... я же хорошо думала о тебе, Конан! Даже сейчас еще, хотя ты так со мной обошелся, я стала бы твоей любовницей. — Она произнесла это с молящим взором.

Он встал, поднял ее на ноги и поставил так, что она повернулась к нему спиной. Разорванным шелковым одеянием он связал сзади ее руки.

— Думаю, ты ходишь в одной упряжке с этим парнишкой, Тот-Аписом. И еще я думаю, что ты и есть сладкая Сенуфер, а также пресловутая Этер. Трудно себе представить, чтобы эта тюрьма настолько кишила любвеобильными черноволосыми красавицами, и еще труднее — что Властелин Черного Круга не знает, что ты катишь бочку на него. Без сомнения, он бы уже вычислил тебя. И кроме всего прочего, я не доверяю ни одной ведьме.

— Ты... ты заблуждаешься.

Она заплакала.

— У вас это не называют «крокодиловы слезы»? — спросил Конан невозмутимо. — Ну, предположим, ты невиновна — почему я не могу поверить ни на мгновение, — ты ж сама сказала, что я должен буду провести здесь по меньшей мере один год, прежде чем снова выйду на свободу. Такие дела не по мне. Я еще сегодня ночью вернусь к моей верной подруге или умру по пути к ней. — Варвар положил ведьму на пол и придавил коленом, связывая ей ноги. — Кроме

того, ты придаешь такое большое значение миру. Бэлит и ее брат должны отомстить Стигии. А я им помогу.

После того как колдунья лишилась возможности двигаться, Конан несколько секунд рассматривал ее почти обнаженное тело и вздохнул.

— Какое расточительство, — пробормотал он. — Какое искушение хоть разок трахнуть тебя. Но ты ведьма. Нет смысла рисковать, ведь ты какой-нибудь гадостью привяжешь мой дух к себе. И — прощай Бэлит.

Конан наклонился и легко поднял колдунью. — Зови стражника, чтобы он выпустил тебя, — велел киммериец. — Когда я с ним покончу, ты останешься здесь. Утренняя смена тебя подберет.

— Нет, ты... ты неосмотрительная тварь! — фыркнула она.

Конан взглянул на нее угрожающе:

— Если не послушаешься, переломаю все кости. Сквитаемся за Джихана.

Ведьма побледнела:

— Я... я сделаю, что ты говоришь.

Он кивнул и подошел к двери. Легко все-таки взять женщину на испуг. Конан отнюдь не собирался калечить мерзавку. В конце концов, ее вина пока еще мало доказана. Просто все еще кипевшая в нем ярость придала угрозе необходимый вес.

Он ткнул дверное окошечко локтем и поднес к нему лицо Рахибы.

— Смотри разговаривай спокойно! — предупреждающе прошептал он ей в ухо.

Она быстро кивнула и позвала с таким естественным равнодушием, что вполне открылась прирожденная обманщица:

— Солдат, я здесь закончила. Отвори, мне надо идти.

Конан тут же положил ведьму на пол и превратил два последних обрывка ее одеяния в кляп. Рахиба успела мстительно прошипеть:

— Ты сам подписал себе смертный приговор, варвар. Если тебе посчастливится, ты умрешь скоро. Если посчастливится мне, ты будешь ждать смерти много мучительных дней.

Конан не обратил на нее внимания. Он только подумал, что в своей ярости колдунья показала ему истинное лицо. Он выпрямился и взял из ниши канделябр в форме трех змей. Засов отодвинулся, замок лязгнул, дверь широко распахнулась. Стражник отступил на шаг назад и поднял к плечу арбалет.

Благодаря тону Рахибы он был все же не так осторожен, как прежде. Конан выскочил из-за двери и швырнул тяжелый подсвечник. Снаряд долбанул стражника прежде, чем тот смог выстрелить. Арбалет тихо скользнул на пол. А Конан уже бросился на стигийца. Его руки взлетели к горлу стражника и сомкнулись. Он почувствовал, как хрустнули позвонки под жесткими пальцами.

Кровь выступила на губах солдата. Он опустился на пол и забился в конвульсиях.

Киммериец быстро отскочил назад. Туника будет меньше бросаться в глаза, чем одна только набедренная повязка. Он натянул ту, которую снял перед упражнениями, и схватил плащ с капюшоном. Прихватив сандалии, он покинул комнату. Рахиба удостоила его таким ядовитым взглядом, что Конан на миг задумался, не лучше ли просто убить ее. Но нет, такого он не сделает. И он не хотел связываться с талисманом, который он сорвал с нее. Лучше всего было избавиться от этой штуки, но он не знал как и теперь не мог решиться на эксперименты.

Он опоясался оружием стражника. Ключ еще торчал в замке, на кольце висело еще несколько ключей. Конан подхватил его и тихо двинулся по коридору. Он не собирался бросаться в беде своих новых друзей.

Глава десятая

Ночь в Кеми

Фалко испуганно подскочил в кровати. Великан, который, встряхнув, разбудил его, склонился над ним. Сквозь раскрытые двери смутно проникал свет свечей из настенных светильников в коридоре. Свет отражался в глазах Конана, так что они горели, как синие факелы.

— Вставай, мальчик. Мы исчезаем отсюда.

— Но-но-что... — залепетал Фалко.

— Я тебе все расскажу позднее, если мы переживем последующие несколько часов. У нас один убитый часовой на этом этаже, но наверняка появятся еще, прежде чем мы выберемся из крепости.

Фалко шарахнулся от него.

— Нет! — запротестовал он. — Это безумие. Разве вы забыли, что обещала госпожа Сенуфер?

Конан презрительно сплюнул.

— Будет возможность, растолкую я тебе, чего стоят ее посулы. Кстати, можешь смело говорить мне «ты». Сейчас не время для галантейных манер. Идем же!

Офицер крепко стоял на своем. Он выпрямился, как свеча, и сказал:

— Делай что хочешь. Я желаю тебе всяческих благ, правда, сильно сомневаюсь, что тебе удастся спастись. Я не покину Сенуфер, которую люблю и которой верю!

Конан засверкал глазами:

— Трусливая комнатная шавка! Клятвы, которые ты дал своему королю, для тебя, стало быть, ничего не значат? Ты единственный, кто может открыть ему планы Ментуфера. Никто из нас остальных не сумеет к нему пробиться, и еще меньше нам там поверят. Отлично, оставайся в своей золотой клетке.

Фалко впился ногтями в ладони и так прикусил верхнюю губу, что выступила кровь. Он стремительно вскочил с постели.

— Я очень сожалею, — извинился он слегка дрожащим голосом. — Ты, конечно же, прав насчет моего долга. Я обязан по крайней мере попытаться...

— Уже лучше. Одевайся, быстро.

Фалко натянул сапоги и тунику.

— Ты действительно думаешь, что мы выберемся отсюда? Но как, во имя всего святого?

— Так, как я это сделал, топая сюда — внезапность и быстрота. Я держал глаза открытыми, когда меня сюда вели. А ты нет?

Фалко не ответил. Казалось, он смотрел сквозь своего нового товарища, бормоча с отсутствующим видом:

— Я вернусь к тебе, если останусь в живых, о Сенуфер, любовь моя. И я принесу мир между нашими народами.

Конан презрительно фыркнул и пошел прочь, чтобы открыть дверь Джихана. Шемит метался и стонал во сне — его мучили кошмары. Когда Конан потряс его за плечо, он закашлялся и посмотрел вокруг себя.

— Спокойно! — остановил его киммериец. — Побереги силы для стигийцев.

Джихан сел.

— Вы оба свободны? — удивился он, не выказав никакой радости. — Что вы задумали?

— Для начала мы с тобой вернемся к Бэлит. Я спрятал тут лодку, а предатель, который, кроме меня, знает, где она, больше не коптит небо. Нам нужно, разумеется, сперва выбраться отсюда, но...

Джихан снова упал на спину и покачал головой.

— С чего ты взял, что это хорошо? — пробормотал он.

— Клянусь Кромом! — выругался Конан. — Среди каких баб я тут торчу! Вас нужно чуть не силой убеждать использовать шанс вырваться на свободу. Если тебя вообще ничего больше не интересует, то не хочешь ли ты хотя бы грохнуть парочку стигийцев?

Джихан расправил плечи.

— Да, ненависть еще живет во мне, — сказал он тихо. — Хорошо.

— Одевайся.

Сердце Конана сжалось, когда он увидел, с какой болью приходилось тому бороться с каждым движением, когда он вставал.

— Иди, Фалко, — попросил варвар. Он повернулся к Джихану спиной, чтобы избавить от своего сострадания, которое не мог подавить, и взял юношу за локоть. — Нам нужно поразмыслить, как нам снарядиться.

Он вспомнил бегство Бэлит и разбил винный графин. Обломок с острыми зубцами он дал офирицу в качестве оружия. Мускулы вздулись канатами, когда он выломал ножку из массивного стола. Он сунул ее, как дубину, под мышку и протянул меч уже одетому Джихану.

— Я знаю, что вы, шемиты, предпочитаете короткие клинки. Ты должен хорошо владеть таким оружием.

Иссеченное шрамами лицо передернулось в подобии улыбки от мрачного ожидания. Движения Джихана казались теперь немного легче, после того как он стряхнул с себя сон.

— Выступаем, — сказал он.

— Нам нужно еще забрать девушку, — напомнил ему Конан. — Она заслужила хотя бы шанс спасти свою жизнь.

Дарис из Тайи проснулась от звяканья ключа. Когда киммериец вошел, она выскользнула из спальни в более просторное помещение. Ее нагая фигура была гибкой, как у леопарда. Темные волосы разметались по плечам. Увидев Конана, она замерла буквально посреди прыжка и протянула руки, давая себя поймать. Ее глаза сияли, поблескивала улыбка.

— Вы сбежали? — вскричала она. — О Митра! Чудо!

— Мы все тут. — Конан невольно уставился на нее в восхищении. Она, казалось, вообще не сознавала своей наготы. — Если вы хотите идти с нами, тогда быстро одевайтесь.

— Но только не в тряпки, точно для гарема, — с отвращением сказала она. — Сейчас я что-нибудь придумаю — да, Фалко, в вашей комнате я нашла бы что-нибудь подходящее. Я скоро вернусь.

Ей действительно потребовалось только несколько мгновений. Поскольку одежда была ей немного коротковата и ее ноги, привыкшие бегать босиком, не были покрыты, Конан смог подивиться на их красоту. Она откопала также кожаный пояс с тяжелой бронзовой пряжкой.

— Я найду ей хорошее применение, — заявила она удовлетворенно.

Конан ответил ей ухмылкой:

— Один солдат и три буяна, гм? Я думаю, вы сможете там вооружиться арбалетом.

Они вышли в коридор, и он указал на труп:

— Один выстрел, вероятно. Но после этого дело точно дойдет до рукопашной. Или у вас другое мнение?

Дарис остановилась, чтобы поднять и зарядить арбалет.

— Вы неожиданно заговорили по-стигийски. Много странного происходит этой ночью, и я думаю, что еще не конец чудесам.

— Шш! — предупредил Конан и выскользнул к лестнице.

Они медленно и осторожно продвигались вперед. На каждой лестничной площадке варвар останавливался, прислушивался и взглядался, прежде чем дать своим спутникам знак следовать за ним. Следующие этажи казались пустыми. Наверное, тут вообще не было пленных. Но ниже по лестнице, судя по звукам, беглецов могли поджидать неприятные сюрпризы. Скорей всего, стражники там прямо-таки кишили. Два раза киммериец делал знак своим друзьям остановиться, и они пережидали, пока шаги охранника не затихали. С такими предосторожностями они незаметно добрались до самого низа.

Лестница заканчивалась широким коридором. Никого не было видно, но отдаленные шорохи разносились далеко. Конан вспомнил, что коридор вел направо к большой передней, где размещались посты перед главным входом. Он, естественно, не имел ни малейшего представления, сколько их там сейчас. Когда его сюда доставили, их было десять. Несомненно, кроме них, в пределах слышимости находится еще гораздо больше. Что расположено слева, он не знал, — может быть, там имеется не так хорошо охраняемый выход, но с тем же успехом может оказаться, что они запутают в лабиринте или попадут в большую опасность.

Ему потребовалось лишь одно мгновение, чтобы прийти к верному решению. Кром, правда, не станет вмешиваться, но он благосклонен к отважным. Конан повернулся направо и побежал.

В конце коридора он не остановился, чтобы оглядеться по сторонам и перевести дыхание. Он беззвучно перемахнул через каменный порог и бросился дальше, к вахтенному отряду, где блестели шлемы, латы и острия пик. Нескольких ламп явно не хватало, чтобы освещать высокий сводчатый потолок, зато летучие мыши, которые порхали в темноте тут и там, были очень хорошо видны. Звероголовые боги и Большой Змей бросали со стенной росписи угрожающие взоры. Едкий чад поднимался от курильниц.

Конан успел подсчитать, что отряд состоял из десяти человек. Заметив киммерийца, солдаты тут же образовали замкнутую стену щитов, а копейщики встали во втором ряду. Позади себя Конан услышал щелчок арбалета. Дарис умела обращаться с ним. Один стигиец мертвым рухнул на пол.

Конан добежал до линии щитов. Копья надвинулись на него. Варвар раскрутил дубину из ножки стула, отбив одно копье в сторону, швырнув второе на пол и раздробив древко третьего. Теперь Конан был слишком близко, чтобы его можно было насадить на жало. Вплотную к солдатам с короткими мечами. Один из них ткнул клинком из-за щита — и взвыл, когда палица сломала ему руку. И вот уже ножка от стула заставила звенеть шлем следующего. Стигиец качнулся вперед и открыл для палицы незащищенную ногу.

Строй распался. Зазвенел клинок Джихана. Имея преимущество — кольчугу, — противник отеснил шемита. Тут взлетел пояс Дарис, и пряжка ударила врага между глаз. Он невольно опустил щит, и Джихан вонзил меч солдату в шею. Фалко чересчур быстро вертелся, чтобы его можно было задеть, и пускал в ход зазубренный осколок, как только видел такую возможность, — со значительным результатом. Конан, казалось, был везде одновременно. Он разбил затылок одному пикинеру, быстро схватил его оружие и использовал и острие, и древко.

С обоих концов прихожей появлялись новые стражники. Конан надеялся, что они вынырнут не столь быстро и не в таком количестве.

— Быстро! Открывайте двери! — рявкнул он.

Плечом к плечу они с Джиханом удерживали остаток отряда, пока Фалко, чей осколок уже разлетелся, и Дарис возились с тяжелым засовом на цепи. Вновь прибывшие стигийцы еще теснились сзади. Большинство были без кольчуг и растеряны. Но их смятение не может долго

продолжаться. Конан наносил удары, брат Бэлит колол пикой и забыл о своей боли во время праздника битвы.

Тяжелая дверь заскрежетала. Дуновение прохладного ночного воздуха проникло в смрадную от тяжелого запаха крови атмосферу.

— Уходим! — закричал Конан.

Он отбрасывал солдат, пока его товарищи не оказались на свободе. Один офицер взревел:

— Убейте его!

И повел свой отряд в атаку. Киммериец метнул свою пику и проколол его. На подставке поблизости моргала лампа. Варвар бросил ее вместе с горящим в ней маслом в ближайшего стигийца, который возглавил сейчас отряд. Обе атаки захлебнулись. Конан перемахнул через порог и присоединился к своим товарищам.

Луна стояла так высоко, что улицы тонули в ее холодном сиянии. Конан надеялся, что во время длительного бегства удастся стряхнуть с себя преследователей и скрыться из виду. Это удалось бы, вероятно, ему и Дарис, но скоро они поняли, что Фалко и Джихан не могут спешить за ними. Они замедляли скорость их бега, этого нельзя было отрицать. Один взгляд назад: их преследовала целая стая стражников.

Конан раздумывал, не свернуть ли им в один из этих угловых черных переулков, которые здесь ответвлялись повсюду, чтобы сбить со следа преследователей в путанице улиц. Но он не решился на это. Ни он, ни его спутники не знали толком этого проклятого города. Они только станут бесцельно блуждать, в то время как стигийцы раскинут сеть, в которую беглецы неизбежно попадут.

Зато гавань может предоставить им шанс. Он внимательно смотрел по сторонам, когда проходил этот район вместе с предателем.

— Туда! — выдохнул он.

В лунном свете призрачно поблескивали по обе стороны улицы каменные сфинксы и богато украшенные стены. Несколько раз запоздалые пешеходы, возвращающиеся домой, замечали погоню и поспешно скрывались.

Богатые здания уступили место приземистым складам, где по ночам шныряли крысы. Впереди высилось несколько мачт, и блестел могучий поток реки. Фонари раскачивались в руках портовых сторожей. Конан перешел на медленный шаг. Сейчас вполне можно запутать преследователей в темных переулках.

Позади него запела труба — короткие и долгие ноты разной высоты.

— Сигнал стигийской армии, — сказала Дарис, задыхаясь. — Они наверняка подняли тревогу среди сторожей порта.

— Нас могут окружить, — простонал Фалко.

— Надо найти местечко, чтоб продержаться против них и изрядно их пощипать, — сказал Конан.

— Нет, — возразил Джихан, тяжело дыша от быстрого бега. — Если мы сумеем оторваться от них прежде, чем захлопнется ловушка, я знаю, куда нам свернуть. Там они так просто нас не найдут.

— Да? — спросил Конан с надеждой.

— Старые каменоломни под Великой Пирамидой, — сказал Джихан. — Это каменные джунгли, которых избегают люди. Никто, кроме рабов, кроме меня, здесь не бывал, потому что там еще есть известняк, который добывают. Я немножко в этом разбираюсь, потому что мне приходилось проходить их каждый день, когда меня гнали на работу.

Надежда погасла в глазах Конана, волосы на затылке встали у него дыбом, а горячий пот, который струился у него по спине и лбу, вдруг стал ледяным.

— Разве там не гнездятся духи? — пробормотал он.

Фалко такие мелочи, похоже, не беспокоили.

— Лучше духи, чем верный плен.

Возбуждение побега снова пробудило его юношескую восторженность, и он в один миг забыл даже свою возлюбленную. Без сомнения, после всего, что произошло, он больше ее не увидит, пока не вернется в Стигию с официальным поручением. Кроме того, он, образованный и начитанный аристократ из цивилизованного государства, не верил в сверхъестественное.

Дарис, в которой по меньшей мере половина крови была варварской, была испугана, точно как и Конан. Но она быстро собрала свое мужество и бесстрашно заявила:

— Если это дорога к дому, пойдем по ней.

Да, подумал Конан, если это поможет ему вернуться к Бэлит, он будет драться и против духов. Фонари портовых стражников приближались, потому что они последовали сигналу тревоги. В лунном свете мерцающее оружие и кольчуги были теперь уже хорошо видны, когда стражники побежали.

— Веди, — обратился Конан к Джихану и сухо глотнул. Шемит кивнул и помчался вперед. Он свернулся в окутанный темнотой переулок между двумя складами. Его спутники образовали цепь, схватив друг друга за руки. Джихан вел их сквозь несколько узких проходов и мимо сторожевой башни на конце боковой городской стены на свободу. Камни катились и песок скрипел под их ногами. Теперь город, смоляно-черный, высился за ними. Джихан побежал под откос по почти отвесному склону, который вел со стены к широкому потоку, сверкающему в лунном свете. Великая Пирамида стала видна в призрачном серебряном сиянии и, казалось, парила почти под самым небом с немногочисленными мерцающими звездами.

Громкий звенящий удар гонга разорвал ночную тишину. Конан бросил взгляд через плечо. Фонари поблескивали, как светляки. Увидели ли беглецов с башни?

Еще несколько фонарей мелькнули за стеной.

Земля под ногами становилась все более неровной. Повсюду зияли провалы. Каменные блоки, укрытые тенью, были не видны, пока о них не споткнешься. Джихан прыгал, как олень, каким-то образом ему удалось подавить страшную боль, которая любого другого сделала бы неспособным двигаться. Дарис была еще более уверенной и легконогой. Конан заметил, как Фалко все время спотыкается и несколько раз чуть не свалился в дыру. Поэтому он бежал рядом с ним, перетаскивая его через глыбы и помогая огибать пропасти. Втайне он радовался этой дополнительной заботе, потому что она не давала ему думать о духах и демонах.

Громкие крики были теперь слышны позади. Стигийцы добрались до шурfov и штолен. Беспомощно они ковыляли вперед, рев и вопли офицеров гнали их дальше. Джихан остановился и сделал молчаливый жест. Вниз по склону находилась шахта, достаточно широкая, чтобы лунный свет проникал до самого ее дна. На четвереньках шемит нашупал ход. Его спутники сделали то же самое. Камни срывались, и, когда они скатывались в глубину, раздавался стук, словно стучали высохшие кости. Конан стиснул зубы. Добравшись до подножия холма, Джихан порыскал среди каменных глыб и вдруг исчез. Потом вновь показалась его голова, он сделал знак своим спутникам. Добравшись до Джихана, беглецы увидели длинное строение из обтесанных каменных блоков. Вход зиял черной пастью. Конан закусил губу и полез вместе с остальными в древнюю шахту.

После того как глаза привыкли к темноте, варвар увидел Джихана. Тот прошептал: «Идите ко мне», когда впереди стало различимо черное пятно. Пробравшись к нему, Конан скорее на ощупь, чем зрительно, понял, что стоит в саркофаге без крышки, наверняка разграбленном еще много лет назад.

Беглецы забрались к шемиту, им пришлось тесно прижаться друг к другу, чтобы хватило

места. Варвар почувствовал, как что-то жесткое давит ему в спину. Его пальцы ощупали закругление, попали в маленькие отверстия и, без сомнения, нашли зубы: человеческий череп. Того, кто положен в этот саркофаг в незапамятные времена? Вряд ли. На этом еще висели клочки кожи. Какая-нибудь тварь, наверное, притащила его сюда из более позднего захоронения, чтобы спокойно обгладать. Человек или зверь?

Тут и там раздавались крики преследователей, звон оружия, топот шагов. Стигийцы, стало быть, уже здесь. Конан отмел в сторону все свои страхи перед сверхъестественным и оценил собственное положение. Из оружия у них остались только меч Джихана и пояс Дарис. С трудом защититься можно. Кстати, здесь полно камней, и каждый удачный бросок будет стоить стигийцу головы.

Шаги удалились, крики постепенно стихли. Солдаты искали не слишком тщательно. Лунный свет и глубокие тени в каменных дебрях не способствовали поискам. Но скорее всего, стигийцы просто поскорее сбежали отсюда из суеверного страха.

Через некоторое время, когда уже стало тихо, Джихан сказал:

— Уходим. Если мы будем двигаться осторожно, держаться в тени, они нас не увидят. С восходом солнца они явятся с подкреплением, я думаю, но до того мы уже успеем добраться до укрытия, где они нас и за неделю не найдут.

— Неделю? Без воды? — усомнился Конан.

— Если мы до утра еще будем на свободе, я уведу вас в глубь страны, обещал шемит. — Тогда ты сможешь доставить нас к твоей лодке, Конан.

Глава одиннадцатая

Крылатый корабль Сэта

Их укрытием была ниша или, скорее, неглубокая пещерка недалеко от верхнего края скалы, снизу защищенная выступом. Песок, который ветер со временем намел в расщелину, послужил мягким ложем на чрезвычайно жестком полу. Ночью похолодало, и беглецы, пытаясь согреться, сбились в куче теснее. Никто из них не спал спокойно. Кошмары сменяли друг друга, они стонали, хрипели, ворочались. Все они были рады, когда начало светать.

Конан первым проснулся окончательно. Он тихо подвинул прижавшуюся к нему Дарис и выскоцил наружу. На карнизе он лег на живот и осторожно глянул за край. Солнце, встающее над рекой, окрасило серебром Стикс и восточный горизонт. Черный Кеми и Великая Пирамида, казавшаяся отсюда грязно-серой, выселились на фоне голубого неба. Известняковые каменоломни были залиты бледно-желтыми тенями. Солдаты ползали там в поисках беглецов, маленькие, как муравьи. Они что-то кричали друг другу, но ни одного звука до Конана не долетало. Лишь вспыхивали первые солнечные лучи на оружии и доспехах.

Киммериец глубоко вдохнул утренний воздух. Ночные кошмары отступили. Они вернулись назад, в склепы. Конан и его спутники могут спокойно отдыхать и, несмотря на голод и жажду, набраться сил. Хотя стигийцы наверняка попытаются прочесать все окрестности. Но в их кордоне наверняка найдется брешь, чтобы четыре решительных человека, не боящиеся никаких опасностей, могли проскользнуть незамеченными. Если это случится, им придется проползти две или три мили по полям, пока они не оторвутся от солдат. А там и недалеко до лодки. Не слишком-то долго плыть и до острова Акбет, к «Тигрице» и Бэлит. Конан расправил плечи и улыбнулся.

Внезапно все его чувства обострились и проклятие сорвалось с его губ.

Военная галера с веслами, напоминающими ножки паука, вышла из гавани. За ней вторая, третья — и еще. На середине реки они подняли паруса, поймавшие западный ветер, но тем не менее продолжали также гребти против течения и пошли через бухту в сторону моря.

Конан сосчитал корабли.

— Это, должно быть, весь их проклятый флот! — ругался он.

Его товарищи, которых разбудили его ругательства, вышли и пристроились рядом с ним на карнизе.

— Куда они направляются? — спросил Фалко. — Что, война с Офиром уже началась?

— Сомневаюсь, — мрачно ответил Конан. — Скорее, нас ищут.

— Что? Весь флот будет гоняться за четырьмя преступниками? — не веря, сказала Дарис.

— Я не знаю почему, — проворчал Конан, — но нас желает заполучить какая-то важная шишка. Я теперь уверен, что чертов парень, который заманил меня в ловушку, не додумался сказать своим хозяевам, где мы спрятали лодку. Но я вчера об этом после обеда не упоминал, потому что подозревал, что нас подслушивают. Потому что если бы это было известно, им понадобилось бы только поставить здесь заслон. Но они тем не менее знают, что лодка недалеко. Они устроят засаду поблизости и схватят нас, как только мы отплывем. — Он дернулся плечами. — Они рассчитывают взять нас за пару дней. Ладно, пусть стигийские матросы поупражняются.

— Я же говорил, что мы можем прятаться здесь неделю, — глухо проворчал Джихан. — Все равно умрем с голоду. Подумаем лучше, как нам погибнуть, прихватив с собой побольше

стигийцев.

Дарис резко тряхнула головой:

— Нет! Если мы сможем уйти в глубь страны, как ты говорил, мы найдем себе дорогу... к Тайе.

Девушка тоже незаметно перешла на «ты».

— На это мало надежды, — бросил Фалко. — Было бы, наверное, проще пробиваться на юг, к Кушу, хотя и здесь наши шансы невелики.

— А почему не на север, за реку, к Шему? — спросил Конан. — Даже в тех частях страны, где платят дань Стигии, мы, без сомнения, найдем помошь и убежище.

Остальные уставились на него удивленно.

— Да неужели ты не знаешь? — сказала наконец Дарис. — Западнее тайянской возвышенности Стикс смертелен для любого пловца: кто пытается пересечь его вплавь, умирает самое позднее спустя два дня от страшной болезни. Даже переправляться через один из немногих бродов опасно. Нужно сразу же вслед за тем смыть отправленную воду свежей.

— А мы не можем стянуть маленькую лодку? — сердито поинтересовался Конан.

— Речные стражники, как на суше, так и на воде, сразу это заметят, — сказал Джихан.

Дарис быстро вскочила на ноги.

— Крылатая Ладья! — вскричала она.

Конан снова потянул ее на пол.

— Лежи, — проворчал он. — Когда ты стоишь, тебя могут увидеть издалека.

Ее стройное тело задрожала под его рукой, но она твердо сказала:

— Волшебный корабль, который привез меня сюда! Я вспоминаю, где он стоит на якоре. Его очень слабо охраняют, он всегда снаряжен самым необходимым и всегда готов к отплытию — и он быстрее, чем любое другое судно...

Пальцы киммерийца непроизвольно так сдавили ее плечо, что она застонала. Он тут же выпустил ее.

— Ты умеешь с ним обращаться? — спросил он.

Она кивнула:

— Я внимательно следила, чтобы отвлечься и не предаваться отчаянию.

— Я тоже! — вставил Фалко. — Колдовство простое, не надо быть магом, чтобы овладеть им. Совсем простые послушники управляли Ладьей.

Конан подпер подбородок кулаком и задумчиво поглядел на небо. Коршун описывал свои круги. Наконец Конан кивнул:

— Да, это, кажется, самое лучшее для нас. Если мы не сможем держать курс в сторону моря, мы отправимся в Тайю и найдем мятеjkников. Мы, трое иностранцев, наверняка получим у них помошь, чтобы затем продолжать наш путь: по суше в Офир, а там Джихан и я дальше в Аргос, где мы возьмем лодку и направимся к нашему месту встречи с Бэлит.

— У меня есть идея получше, — вставил Фалко. — Раз мы будем быстрее, чем любое послание из Кеми, мы можем сделать остановку в Луксуре и найти убежище в посольстве у лорда Заруса. Когда он узнает, что я выведал, он вернется домой под первым же удобным предлогом. Переодетые, мы поднимемся на борт его корабля. На острове он вас обоих высадит. А Дарис, конечно, может плыть на летучем корабле дальше, на родину. Ее людям он наверняка очень пригодится.

— Надо это все еще раз обдумать, прежде чем мы захватим корабль, — сказал Конан. — А сейчас нам надо использовать возможность основательно отдохнуть и как следует выспаться.

Дарис смотрела на него восхищенно.

— Как скажешь, — пробормотала она. — Благодаря тебе мы смогли бежать. Как это вышло?

Конан, который с удовольствием купался в лучах восхищения прекрасной женщины, вернулся вместе с ними назад в пещеру и все рассказал. Затаив дыхание, они слушали его, хотя к страданиям Джихана прибавилась новая душевная мука, а Фалко густо покраснел.

Когда киммериец закончил, шемит сказал бесцветным голосом:

— Каждый в Кеми слышал о Рахибе. Она в одной упряжке с колдуном Тот-Аписом, жрецом Сэта. Я об этом, естественно, не подозревал, но она наверняка и моя жестокая Этера, и твоя Сенуфер, Фалко.

— Нет! — крикнул юноша. — Невозможно! Если... если бы вы ее только раз увидели, вы бы это поняли.

— Как же выглядели эти женщины? — хитро спросила Дарис.

Но ее надежды не оправдались, потому что никто из троих спутников не был в состоянии дать точное описание. Появилась всего лишь неясная картина стигийской аристократки невероятной красоты. Единственная примета, которая, возможно, могла указывать на одно и то же лицо, был талисман в виде зеркальца, который упомянули и Конан, и Джихан.

— Но моя Сенуфер никогда ничего подобного не носила! — торжествовал Фалко. — Ага! Теперь вы довольны?

Киммериец сдался. В этот момент все это так и так не играло роли. И, может быть, офицер станет немного опытнее и умнее, прежде чем получит возможность снова отыскать свою возлюбленную. Куда важнее было сейчас хранить единство их маленького отряда.

Хотя план выглядел многообещающим, Конан все же не верил, что захват священной ладьи может быть безопасным или простым делом.

Они выступили незадолго перед тем, как на небе показалась луна. Хотя они не ели и не пили целый день, они чувствовали себя полными сил и воспряли духом. У каждого из них был достаточно ясный рассудок, и каждый уже где-нибудь охотился в джунглях и выслеживал хищников. Поначалу они очень быстро пошли вперед, а затем им пришлось красться дюйм за дюймом. Когда луна пробилась сквозь туман, окрасив его красноватым мерцанием, они оставили стигийский кордон позади и стояли в тени стены.

— У Крылатой Ладьи своя собственная пристань у короткого канала, который специально для нее был выкопан, западнее города, — пояснила Дарис. — Двойной ряд сплошных стен ведет к воротам. Я читала на них страшные проклятия тем, кто войдет без дозволения. Стражников там — тогда, во всяком случае, — было только четверо.

Конан стряхнул с себя отвращение при мысли об этих проклятиях. Каждый, кому вздумается, может высечь на камне угрозу, а стигийцы были абсолютно покорны своему жречеству. Если бы чародеи действительно беспокоились о своем корабле, они перекрыли бы к нему дорогу пламенем, змеями или чем-нибудь подобным и смертоносным. В это он должен верить и особенно — доверять Митре.

Теперь он вел свой маленький отряд к югу, потому что они не осмеливались ступить на территорию гавани. Закрытые ворота и запрет на движение должны были помочь им остаться незамеченными. Они держались вплотную у самых стен и шли в обход вокруг трех укрепленных сторон. Луна была слишком яркой, но длинные тени теперь служили на пользу.

Примерно в середине первой стены опущена перед воротами подъемная решетка. Конан не ждал, что здесь после наступления темноты еще будут стоять часовые. Они наверняка несут вахту наверху в башнях, справа и слева от ворот, и если они вообще наблюдают за чем-либо снаружи, то самое близкое, что им видать оттуда, — горизонт. Тем не менее он предостерег своих спутников, чтобы они были вдвое осторожны, когда будут двигаться мимо решетки.

Шипение заставило вздрогнуть. Лунный свет сверкнул на чешуях огромной змеи, которая проползла между прутьями решетки. С распахнутой пастью, быстро высывая и пряча язык,

она двигалась к ним. На голове, поднятой на высоту человеческого роста, горели глаза без век.

Джихан вытащил свой меч. Дарис испуганно прошептала:

— Один из питонов Сэта, который вышел на поиски добычи. Мы можем бежать быстрее, чем он ползет.

— И так и сяк мы наделаем слишком много шума, — прошептал Конан. — Прижмитесь к стене и держитесь совершенно спокойно!

Сам он остался стоять неподвижно, словно стигиец, который обреченно ждет, пока его задушат и проглотят. Змея снова зашипела, подползла поближе. И вдруг молниеносно бросилась вперед, чтобы вонзить в человека клыки и обвиться вокруг его тела.

Кулак Конана ударили по черепу змеи точно над челюстью. Треска было почти не слышно, но боль для змеи в этом чувствительном месте была велика. Свиваясь, как серпантин, она отползла. Но надежда на то, что она теперь отступит, рухнула, потому что, обернувшись, она выследила Дарис. Тело толщиной в человеческий торс скользнуло к девушки.

Конан прыгнул. Он бросился на затылок змеи — единственное место, где питон не может развернуться и раздавить его. Ноги обхватили тело рептилии. Руками варвар сдавил нижнюю челюсть и рванул ее вниз. Змея дико забилась. Все это происходило совершенно беззвучно.

Потом послышался тихий треск. Конан выдрал переднюю часть челюсти. Еще крепче киммериец сжал ногами содрогающееся тело змеи. Из сломанной челюсти хлестала кровь. Изо всех сил Конан вонзил зубы змеи в ее же собственную голову. Клыки впились прямо в мозг рептилии.

Насилу варвар увернулся от агонизирующего тела. Он откатился в сторону и, тяжело дыша, вскочил на ноги. Пусть теперь мертвое чудовище бьется хоть до рассвета — если правда то, что он слышал о змеях. Стражники, которые это видели, наверняка не спустятся вниз, чтобы посмотреть на питона поближе.

Конан снова восстановил дыхание и привалился к стене. Спутники жестами спрашивали, как киммериец себя чувствует. В ответ он только кивнул, коротко и успокаивающе, и беззвучно пошел вперед. Так они обогнули юго-восточный угол, южную стену, юго-западный угол и пошли на север.

Тени окутывали западную часть Кеми до пахотных земель, что казались мертвенно-белыми в лунном свете. Канал для Ладьи был ближе, чем поля. Конан избегал смотреть на освещенные места, чтобы его глаза привыкли к ночной темноте и взгляд был остree. Он рассматривал глубоко выкопанный канал. Как матовое серебро, покоялась вода в свете звезд. В конце канала находился причал с крышей на косых опорах. Конан разглядел лишь смутные очертания гавани. Заметил он и ведущий от берега к узким воротам городской стены двойной ряд монолитов, о которых упоминала Дарис.

Он сделал знак своим спутникам подойти ближе.

— Нам нужно пройти как можно тише или очень быстро, а лучше всего и то и другое, если получится, — прошептал он, — потому что каждый странный шорох созвовет вниз сторожей с башен. Идите сразу за мной, но ничего не делайте, пока я вам не скажу.

— О, ты один? — В дрожащем голосе Дарис звучала забота. Ее пальцы вцепились в его запястье.

— Нет, мы все вместе, — ответил он. — Но нам нужно действовать осторожно. Так что смотрите на меня. Пошли!

Он миновал ступени, ведущие вверх, и скользнул, как тигр на охоте, вниз по склону к причалу. Уже скоро он смог видеть стоящий там корабль — что-то длинное, поблескивающее, со странной клювастой головой рептилии в качестве украшения на высоком носу. Низко пригнувшись, он скользнул ближе. Вот и четверо стражников. Двое стояли, опершись на деревка

копий, другие сидели поблизости на лавке. Молодые, рослые, но по виду явно не солдаты. Скорее всего, послушники. Конан оценил их гладко выбритые головы и черные жреческие тоги.

Варвар беззвучно прошмыгнул позади сидящих. Потом поднялся. Могучие лапы схватили лысые головы и ударили друг о друга. Посльшался треск, и послушники обмякли.

Стоящие рядом резко повернулись. Конан перепрыгнул через скамью. Один из стигийцев ткнул в него копьем, но киммериец был более ловок. Одна ладонь блокировала копья, а другая сломала шею послушнику. Стигиец рухнул бы в воду, если б Конан не подхватил его и не оттащил в сторону.

На все эти действия Конан потратил слишком много времени. И все же четвертый послушник не стал звать на помощь. Конан видел почему. Дарис придавила его коленом и захлестнула пояс на шее. Хотя у нее недоставало сил задушить человека, но он, по крайней мере, не мог взреветь, а ноги, которыми он дико колотил, не могли произвести достаточного шума, чтобы его услышали на городских стенах. Джихан поспешил к девушке с мечом в руке и покончил со стигийцем.

Конан не стал ругать обоих за то, что они ослушались приказа. Они сделали свое дело хорошо и быстро, а спешка в любом случае была важна. Он сделал знак спутникам собрать оружие и лезть в Ладью.

При других обстоятельствах варвара вряд ли затащили бы в колдовской корабль даже на аркане. В хрустальном шаре размером в три раза больше человеческой головы мерцало пламя. Металл палубы на ощупь холодный и чужой, не такой, как теплое естество дерева. Перед палубной надстройкой, неосвещенные круглые окна которой напоминали пустые глазницы, высилась вызывающая страх фигура.

Но если к Бэлит можно попасть только таким образом, он не имеет права колебаться. Конан предложил пробиться прямиком в море, но Фалко и Дарис сочли это не слишком разумным. Стигийцы, вне всякого сомнения, увидят Ладью и сразу поймут, что к чему. И если Крылатая Ладья окажется недостаточно маневренной, им не уйти от огня катапульт и баллист. Может статься, что магия Ладьи возьмет и исчезнет за пределами Стигии. Ведь все знают, что Сэт над Океаном не властен. Так что им придется плыть в глубь страны.

— Давай, Дарис, — сказал Конан тихо. — А ты, Фалко, пойдешь с ней и позже сменишь ее. Джихан, помоги отчалить.

Глаза Дарис расширились от не совсем еще подавленного страха перед колдовством, однако она собрала все свое мужество и встала перед хрустальным шаром. Она проговорила слова и описала знак точно так же, как запомнила. Юноша внимательно смотрел. Почти беззвучно Ладья выскользнула из гавани и кормой вперед вышла по каналу в реку. Там она развернулась носом к луне и распостирила крылья. Она двинулась быстрее и поднялась над водой так, что едва лишь задевала поверхность воды. Засвистел рассекаемый воздух. Кеми остался позади.

Конан подавил свои тайные страхи и принялся осматривать Ладью. Джихана он отправил на дозорную вышку. Лунный свет и яркий демонический огонь шара освещали палубу. Как установил Конан, палубная надстройка имела две комнаты, в которых он нашел фонари, кремень и кресало. Камбуза не имелось, но более чем достаточно провианта, разнообразнейшей одежды, оружия и инструментов, каких Конан никогда прежде не видел. Что касается чародейского барахла, варвар предпочитал держаться от него подальше. Он думал сначала выбросить его за борт, но затем счет за лучшее вообще не трогать.

Со временем он успокоился. Ночь, день и еще ночь до Луксура — конь, летящий стрелою, успел бы, наверное, так же быстро. Но кто сумеет пустить стрелу на тысячи миль? И какой скакун в состоянии проделать такой путь без отдыха?

Киммериец собрал на поднос сухари, сыр, изюм, вино и воду. Сначала он дал еды Джихану,

потом понес на корму. После того как Дарис и Фалко утолили голод, варвар позволил себе огромный глоток и с удовольствием принял жевать. Насытившись, он осведомился, как нужно управлять волшебным кораблем. Оба рулевых показали ему. При этом он уделял внимание Дарис не меньше, чем кораблю. Как эта девушка похожа на Бэлит! Как она хороша, озаренная светом луны, вновь обретшая свободу!

Тот-Апис, которого до сих пор годами никто не видел, неожиданно оказался страшно постаревшим. Он вжался в спинку своего трона, как будто капюшон кобры мог его защитить, и тяжело пролепетал:

— Значит, они ускользнули от нас. Они совершили невозможное. Они угнали Ладью Сэта и сейчас находятся на пути в... Тайю.

— Как вы можете быть уверены? — спросила Рахиба. Она не сомневалась, что он знает это не с помощью своего духовного видения. После того как его бог показал ему местонахождение корсара, чародей преследовал галеру издалека при помощи своей магии, но с тех пор, как Амнун был взят на борт, он отказался от постоянного наблюдения, потому что это очень утомляло его. Вспешных попытках схватить Конана он забыл расспросить Амнуна о планах Бэлит. Слугу, которого он, живого, прикрыл защитными чарами против враждебной магии, он не может вызвать для допроса, как демона с того света. Шанс отыскать своих врагов духовным зрением был очень мал, потому что он не знал, где их точно искать. Это будет, кроме того, стоить ему многих сил и времени — а как раз времени в этом положении он не имел.

— Кто другой, кроме Конана, смог бы голыми руками и к тому же бесшумно убить трех сильных мужчин после того, как он, опять же голыми руками, умертвил Повелителя Вселенной, священного питона? — Тот-Апис содрогнулся. — И я ощущаю руку пророчества — самих сил Неба. О Сэт, будь с твоими верными слугами! Дай нам сил сразиться с безжалостным солнцем!

— И вы действительно полагаете, что он на пути к Тайе? Вы не считаете более вероятным, что он рванулся к морю?

Тот-Апис устало покачал выбритой головой:

— Хотел бы я, чтобы он попытался это сделать. Ладью вскоре начало бы, беспомощную, захлестывать волнами, которые потушили бы ее пламя. Нет, он выступил в противоположном направлении — навстречу своему предопределению.

Выражение лица Рахибы было не совсем почтительным, когда она спросила:

— Почему вы не обыскали своим духовным взором весь поток, тогда бы вы его смогли найти?

— Разве вы не знаете, какие могучие чародеи создали Крылатую Ладью? Пока она остается на реке, чья душа воплощена в ней, ни одна магия не может ни ощутить ее, ни повредить ей.

Рахиба, все еще вспоминая тяжелые лапы Конана, ядовито заметила:

— Мне кажется, если смертные смогли не только дотронуться до Ладьи, но и украсть, то ее можно вернуть назад простыми средствами.

Тот-Апис посмотрел на нее долгим взглядом. К нему вернулась толика надежды. Он поднял голову и даже слегка расправил плечи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы примерно знаем, когда эти преступники покинули Кеми, — ответила ведьма. — Мы знаем скорость Ладьи. Исходя из этого, мы могли бы рассчитать, как далеко она ушла в самом лучшем случае. Мой господин, используйте свои возможности, примените вашу магию. Ваш дух может летать с быстрой мысли и послать приказ вверх по течению стаду бегемотов. Тяжелые гиппопотамы должны направиться в Стикс и напасть на корабль. Пока он находится низко, им нужно будет только придавить его своей тяжестью, могучими клыками разнести в щепки и

растоптать Конана.

Тот-Апис подумал.

— Но таким образом мы разрушим и нашу бесценную Ладью, — пробормотал он.

— Если Сэт не ошибается — а все магические знания указывают на то, что этого не происходит, — исполнение предназначения этого негодяя будет стоить нам гораздо дороже.

Чародей продолжал раздумывать. Его взгляд терялся в тени. Наконец он сказал:

— Нет. Какими бы могучими ни были эти бегемоты, их все же часто убивают гарпунщики в лодках из соломы. Подумайте, сколько разрушений и убийств уже совершили эти четверо, какие средства сейчас имеются в их распоряжении. Они в своей роли, начертанной им судьбой, становятся все сильнее. Нет, гиппопотамы их не остановят, и я бы только расточил попусту невосполнимое время и драгоценные силы.

— Вы, вероятно, просто желаете подождать, пока эта... обезьяна одержит победу? — зазвенела Рахиба, почти не сдерживаясь.

Тот-Апис смерил ее взглядом:

— Вы так ненавидите его?

— После того, что он со мной сделал, месть будет для меня дороже самого большого рубина. — Ведьма попыталась взять себя в руки. — Я обозвала его обезьянкой. Да, он дикий зверь, здесь я права. Но то, что я вам предложила, неправильно. Грубая сила и отчаянное, безумное мужество — вот что его характеризует. Мы должны победить его на иной территории.

Ее усмешка стала горькой.

— Мой господин, он нагнал на нас столько страха, что мы уже зачастую действуем так же тупо и безоглядно, как он сам. Давайте обратимся к разуму. Именно так вы поступили, послав в Луксур Рамваса и гомункула. Никогда еще введение в игру новых сил не стоило так высоко.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Тот-Апис.

— Наши друзья сделают остановку в Луксуре, — возбужденно объяснила Рахиба. — Фалко настоит на этом. Видите, как было умно познакомиться с ним поближе? Он приведет такой аргумент: необходимо предупредить Заруса, и, кроме того, посол может без всяких трудностей переправить их за пределы страны контрабандой. Конану придется согласиться, потому что он будет считать, что они сами движутся быстрее самого быстрого почтового голубя и никакое послание не опередит их и не появится раньше них в Луксуре. Но вы в состоянии уведомить Рамваса прямо сейчас и приказать ему устроить засаду у огирского посольства и быть готовым к появлению этих четырех.

Тот-Апис был настолько близок к восторгу, насколько это вообще было для него возможно.

— Клянусь подземным миром, да! Так мы и поступим! — Внезапно тень страха скользнула по его лицу. — Но если варвар все же избежит нашей ловушки...

— Не забывайте моего платья из перьев, — сказала Рахиба. — Обернувшись птицей, я вылечу на восток. Я буду быстрее, чем Крылатая Ладья, и волшебство поможет мне лететь по воздуху без устали. Я должна буду прибыть в Луксур ненамного позднее Ладьи, тогда я буду парить над ними и наблюдать.

— Но у вас нет умения посыпать свой дух другому духу, — сказал он, давая ей пищу для размышлений.

— Ну и что? Зато у меня есть огромное желание поскорее прикончить киммерийца.

Ее пальцы скрючились, как когти.

Глава двенадцатая

Город королей

Луксур лежал примерно в ста милях южнее по реке. Когда-то здесь существовал оазис воинственных кочевников. После того как их вождь завоевал всю страну, он счел оазис идеальным местом для королевской резиденции. Со временем город перерос оазис, но оросительные каналы сделали возможным земледелие и за пределами города, а канал для кораблей связал его с рекой. Торговля процветала. Визиты чужестранцев держались под контролем, однако не были полностью запрещены, как в Кеми. Кроме посетителей из каждой части обширной страны, в Луксур приходили также шемиты, кушими, кешани и еще более экзотические люди. То и дело корабли привозили товары из далекого Аргоса или Зингары. Ради выгоды, которая делала для команды переносимыми даже безотрадные постоянные дворы, они гребли против течения долгий путь.

Крылатая Ладья скользнула в канал ночью, чтобы не привлекать ничьего внимания. Как будто желая защитить четверых авантюристов, с пустынного песка подул сильный ветер, который хотя и приносил неприятные ощущения глазам и носу, но скрыл луну. Ближе к утру он постепенно затих. Тем временем они были уже очень близко к столице, в местности, куда, по воспоминаниям Фалко, членам посольства было разрешено сделать выезд. Местность полого спускалась к каналу, и образовались заросли густого тростника, где гнездилось множество птиц. Они причалили Ладью в тростниках, где она как с берега, так и с канала была хорошо спрятана.

— Идем дальше, — нетерпеливо сказал Конан. — И не забывай, мальчик, если ты в течение трех дней все еще ничего от нас не услышишь, то не надо пытаться здесь играть героя. Лучше позаботиться о том, чтобы отправиться дальше в Тайю, найти отца Дарис, Авзара, и рассказать ему все, что ты знаешь. Позволь ему помочь тебе и помоги ему сам.

— Да-да, — сказал офирец слегка дрожащим голосом. — Но — вернитесь назад! Пусть Митра и Варуна хранят вас!

Во время плавания Фалко не только отдохнул и набрался сил, как и его товарищи, но к тому же создал в голове идеальный образ героя — могучего киммерийца. Взгляд Дарис тоже часто с тоской останавливался на их вожде, и, когда он с ней заговаривал, она становилась необычно смущенной, даже смятенной. Джихан чаще всего держалася молчаливо и замкнуто, он выполнял свою часть работы и старался, чтобы никто не замечал его боли. Это было поистине необыкновенное путешествие мимо совершенно пустынных, голых мест, по пышным, плодородным участкам. Каждый корабль, который они встречали, шарахался от их чудовищной Ладьи, и ни один гребец не осмеливался прокричать им приветствие, как это обычно принято на проходящих мимо судах. Береговые селяне, замечавшие Крылатую Ладью, бросали на произвол судьбы свои стада, лопаты и кирки и бежали прочь, в безопасное место. Маленький отряд на борту провел, однако, время очень мирно, и трое из четырех обычно отменно развлекались с вином, пением, беседами и надеждой на лучшее будущее.

Теперь настало время действовать для всех, кроме Фалко, который должен был остаться на борту, чтобы следить за кораблем, но главным образом потому, что имелась вероятность, что его узнают по дороге к посольству. Если все пройдет хорошо, его сограждане, имеющие нужные бумаги, заберут Фалко после захода солнца и доставят в город через одни из ворот. На первую разведку Конан взял с собой Дарис и Джихана, потому что один он был бы слишком заметным, несмотря на маскировку. Но если его будут сопровождать шемит и тайянка, в национальной

принадлежности которой трудно усомниться, люди на улицах примут их за прибывших с караваном. Не все тайянцы бунтовали. Некоторые потомки попавших в плен, вообще не знали свои родные горы. В одежде, такой же как у Конана и Джихана, Дарис можно было легко принять за безбородого юношу.

Они побрились и помылись. В остальном им пришлось полагаться на то, что грязь, которая не была смыта, на кафтанах будет незаметна, потому что они не решались пользоваться водой Стикса, а то немногое количество питьевой воды, что было на борту, они должны были расходовать экономно. Но поскольку они почти все время проводили на свежем воздухе, их одежда по крайней мере не воняла.

Конан тряхнул руку Фалко.

— Спасибо, — проговорил он. — Пусть боги также охраняют тебя. Не переживай чересчур. Чему быть, того не миновать. Важно только, что мы без страха идем навстречу судьбе.

Он перелез через релинг и спрыгнул на землю. Его спутники последовали за ним. Когда тростниковое болото осталось позади и они ступили на твердую землю, они вышли через загон для лошадей к дороге, идущей параллельно каналу. На конце ее на южном горизонте возвышались башни. Встающее солнце окрасило серый рассвет. Стая уток с шумом поднялась из болота. Среди полей, пальм и оросительных каналов все время можно было видеть маленькие скопища глинобитных хижин. На юго-западе и юго-востоке пустыня вклинилась отдельными тонкими песчаными заносами в зелень. Воздух был еще приятно освежающим, но быстро становился все теплее.

Спустя какое-то время Конан сказал:

— Фалко точно описал, как добраться до посольства кратчайшим путем, но нам лучше не прямо и чересчур с решительным видом приближаться к нему, а сделать так, словно мы проводники караванов. Взяли небольшой отпуск, чтобы посмотреть город и поискать возможность спустить с кайфом немного денег, заработанных тяжелым трудом. Через такой город, как этот, наверняка каждый год проходят подобные люди, за которых мы хотим себя выдать.

— Не очень-то раскатывай губу на дружелюбный прием, — грубо сказал Джихан. — Эти змеепоклонники не такие, как горожане любого другого города. Кто знает, может быть, они вообще не люди!

— О нет, — заверила его Дарис. — Некоторые из них были жестоки к тебе и к подобным тебе, так же как и к моим землякам. Но я зневала нескольких довольно-таки славных стигийцев — и таких, должно быть, много — порядочных людей, которые почти ничем не отличаются от нас, которые тяжело работают, чтобы иметь возможность заплатить высокие налоги и в то же время обеспечить своей семье мало-мальски сносную жизнь. И что эти несчастные, достойные сострадания крепостные и рабочие, которых мы видели по дороге сюда, сделали кому плохого? Обыкновенные стигийцы по большей части страдают под властью надменных аристократов и фанатичных жрецов.

Конан проворчал что-то про себя. Ему дела не было до этих тонкостей и различий. Согласно его мировоззрению, каждый сам за себя против всех — за исключением тех немногих, к кому он в настоящее время испытывал товарищеские чувства. В лучшем случае по необходимости царил вооруженное перемирие, которое, однако, могло быть прервано по малейшему поводу. Это, конечно, не означало, что люди не могут вместе работать, действовать заодно, делить радость и горе и уважать друг друга. Порой он испытывал сожаление оттого, что необходимость вынуждала его убивать некоторых людей, но сна от этого он не потерял. Вечная борьба была просто частью жизни.

Показался Луксур. Городские стены были сложены из желтого песчаника. Они выглядели

неприступными, однако не производили впечатления мрачных и зловещих, как в Кеми. На флагштоках, косо торчащих над зубцами, развевались знамена. Обе створки ворот были широко распахнуты, и, хотя на посту стояли солдаты, они не следили за оживленным движением: пешеходами, телегами, носилками, боевыми колесницами, лошадьми, быками, верблюдами, которые толкались в обоих направлениях. Можно было видеть крепостных и рабочих с полей, одетых лишь в набедренные повязки, погонщиков скота в рваных куртках, кочевников из пустыни в белых и черных бурнусах, купцов в роскошных многоцветных одеяниях, потаскунек в прозрачных платьях, солдат, старьевщиков, бродяг, домохозяек, детей, чужестранцев — разношерстная толпа. Они спешили, толкали друг друга и ссорились, беседовали, наслаждались, ругались, смеялись, задирались, торговались, строили козни, ревели, выли, свистели. Среди высоких глинобитных стен стоял адский шум. Улицы, по большей части мощенные булыжником, были грязны, как обычно в городах. Всевозможные запахи — дыма, жира, навоза, жареного, масла, пота, духов и наркотических испарений — висели в воздухе.

Конан и его спутники проталкивались через толпу. Монумент — статуя старого стигийского короля на высоком пьедестале, который стоял на склоненных затылках шемита и кумита, — указал им дорогу к улице Ткачей. Ремесленники сидели скрестив ноги возле прилавков и протягивали проходящим ткани, расхваливая их качество. Здесь не было такой большой давки, и трое пошли вперед немного быстрее, хотя они делали вид, будто у них полно времени, и глазели на все подряд.

— Алло! — крикнул кто-то.

Конан бросил взгляд через плечо и увидел, что к нему подбегает человек в поношенном кафтане. Он тащил с собой всевозможный хлам: грубо вырезанных игрушечных верблюдов он держал в руках, и длинные цепочки из нанизанных косточек свисали с его локтей. Почти вплотную подбежав к трем путникам, он обратился к Конану на аргосийском:

— Добро пожаловать в Луксур. Вы из Аргоса?

— Нет, — кратко ответил Конан.

— А, из Зингары! — Он выдал несколько фраз на зингарском с ужасающим акцентом: — Прекрасная Зингара. Возьмите сувенир!

— Нет, — отказался Конан по-стигийски. — Я не собираюсь ничего покупать.

— О, вы говорите по-нашему! — вскричал уличный торговец, тоже по-стигийски. Вся его обветренная физиономия расплылась в улыбке. Правда, впечатление портили черные пеньки зубов и дырки между ними. — Стало быть, вы странники, путешествующие по всему свету. Выто должны непременно оценить хороший товар. Вот, посмотрите на этого верблюда! Искусная работа. — Он вложил игрушку в руку Конана. — Всего за пять лунаров.

Это была стигийская медная монета.

— Я не хочу. — Конан попытался вернуть резную фигурку, но торговец спрятал руку за спину.

— Четыре лунара, — уступил он.

— Нет, клянусь Кромом! — Конан сдержал желание выхватить из-под полы боевой топор.

— За четыре лунара я вам дам двух верблюдов, которые вы сможете подарить своим детишкам.

— Я сказал — нет!

— Трех верблюдов!

— Нет!

— Трех верблюдов и цепочку.

Конан пошел дальше. Но торговца не так-то просто было стряхнуть.

— Вы не имеете права отнимать у бедняка труды его рук! — завопил он высоким

фальцетом, чтобы привлечь внимание прохожих. — Подумайте о моих маленьких детках.

— Забери, наконец, свою проклятую штуку! — рявкнул Конан и вновь предпринял тщетную попытку отдать игрушку.

Внезапно он заметил, что Джихан и Дарис больше не стоят рядом. Он обернулся. Владелец настоящего, хоть и немного шелудивого верблюда задержал девушку и принял настайвать на том, чтобы она прокатилась.

— Я покажу вам все достопримечательности городу — сулил он. Он заставил животное опуститься на колени и поднял Дарис в седло. — Это совсем просто и доставляет массу удовольствия. Вам нужно будет только оплатить мне стоимость поездки.

Джихан пытался уйти от парня, который совал ему неаппетитные конфеты на подносе.

— А, — сказал наконец стигиец, как будто его внезапно осенило. — Я знаю, вы хотите нуми. — Из своего просторного рукава он извлек маленький пакетик. — Самый лучший из возможных нуми. Вдохните лишь дым от него, и самые роскошные в мире сны — ваши. Ощущения бесподобные. Всего за два серебряных стелора.

Джихан побледнел.

— Три лунара, — ныл Конанов торговец.

Варвар был уже близок к тому, чтобы разбить игрушку, швырнув ее на мостовую, когда ему стало ясно, к чему это может привести. Уже сейчас останавливались любопытные прохожие, и конный стражник придержал своего коня.

Дарис была уже каким-то образом усажена на верблюда. Он покачивался. Хозяин животного взял повода и пощелкал языком.

— За три лунара трех верблюдов и две цепочки, — слышал Конан.

Торговец конфетами и наркотиками сиял.

— Вам непременно понравится моя маленькая сестра. Молоденькая, хорошенская и очень, очень ловкая. Возьмите нуми, вы будете хорошо себя чувствовать, вы будете любить — это ли не счастье? Идемте!

Он схватил шемита за плащ. Джихан тяжело дышал. Его кулаки сжались.

— Стой! — рявкнул Конан. — Нам нужно дальше. Нет времени. Да, я беру игрушку за три лунара. Дарис! Джихан, во имя всего святого, дай ему деньги и идем.

— Вы купили трех верблюдов и две цепочки, — сказал торговец Конану. — Еще одна цепочка всего лишь за один лунар принесет вам счастье.

Конан открыл кожаный мешочек и вытащил монеты. На летучем корабле они нашли достаточно стигийских денег. Дарис спешилась и заплатила столько, сколько владелец верблюда рассчитывал выручить за целый день езды. Руки Джихана тряслись, когда он откупался. Даже стигиец замолчал под мрачным взглядом своего клиента и поспешил поклонился, отступая.

Но теперь на них накинулись другие.

— Поглядите, что я вам предложу!

— Имейте сострадание к бедному калеке!

— Я слыхала о таком, — выдохнула Дарис, — но никогда не считала, что это возможно.

— Нечто подобное я уже встречал, — сказал Конан, — но еще ни разу в таком количестве.

— Мы неправильно себя ведем, — проворчал Джихан — Нам нужно было целеустремленно прошагать милю, сделать мрачное лицо и угрожающе сжать кулаки, не глядя ни налево, ни направо.

Конан положил руку на плечо шемита:

— Ты говоришь так решительно! Неужели воскресло твое сердце?

Торговцы и попрошайки отступились и растворились в толпе. Конану очень хотелось бы знать, что ему делать со всем тем хламом, который ему навязали. Если он подарит это голым

ребятишкам, прыгающим вокруг и играющим в прятки, он просто вызовет новые нападения. На улице горшечников ему удалось втихаря сунуть весь хлам в большой кувшин.

Вскоре после этого они пришли в совершенно другую часть города. Здесь, в центре Луксура, королевская семья велела построить роскошные здания. Королевский дворец, храм Сэта, казармы и плац королевской лейб-гвардии, архивы и служебные помещения советников монарха окружали широкую площадь. На прилегающих улицах стоял ряд больших господских домов, там располагались посольства и консульства разных стран. К ним вела улица Королей, к которой теперь Конан и его спутники приближались с северного направления. Она была очень широкой, искусно вымощенной и с обеих сторон ее украшали статуи стигийских монархов былых времен. Надписи на постаментах рассказывали о том, кого именно представляли эти величественные статуи. Дома на этой улице были построены из гранита, а не из высущенных на солнце глиняных кирпичей, как большинство других домов города. Движение было здесь менее оживленное и более изысканное: господин и госпожа в носилках, несколько мальчиков знатного рода, которые направлялись в школу в сопровождении гувернера, писатель с пером в руке, то и дело попадались жрецы, государственные служащие, богатые купцы, офицеры, лакей в ливрее, закутанная в покрывало замужняя дама, разносчик, который принес заказанные товары. Почти все они удостаивали трех чужаков в простой одежде косого взгляда, но никто их не останавливал. Фалко советовал им: «Держитесь так, словно вам надлежит выполнить здесь чье-то поручение, и тогда все действительно решат, что это так. Потому что кто же посмеет посетить стигийскую цитадель с каким-то тайным умыслом?»

Сердце Конана забилось сильнее. Они почти достигли цели.

Роскошная улица заканчивалась, пересекаемая второй улицей, которая была далеко не столь впечатляющей, но чистой, спокойной и тоже замощенной. Здесь располагались городские дома знати и богачей. В висячих садах на крышах пестрели цветы. Между ними имелись дорожки. Позади Конан видел высокие роскошные здания на площади перед королевским дворцом. На этой улице почти не было прохожих. Тишина висела над ней и была такой же угнетающей, как и дневная жара. Дома бросали на мостовую голубые тени.

Конан свернул направо. За два дома он уже видел золотого льва, ослепительного в полуденном солнце. Это и было офирское посольство. Он ускорил шаги.

Стигиец, который неторопливо прогуливался, внезапно резко остановился и воззрился на них. Вдруг он схватился за свисток, висящий на шее, и дунул. Раздалась пронзительная трель.

С обеих сторон льва распахнулись двери. Оттуда хлынули вооруженные люди.

— Стоять! — загремел голос. — Конан и его спутники, стойте — или заплатите жизнью!

— Митра, спаси нас! — выдохнула Дарис. — Нас предали! Колдовство Рахибы и Тот-Аписа! Джихан вытащил из-под каftана короткий меч.

— Иштар, — взмолился он на своем родном языке. — Дай мне умереть с отвагой и забери меня к себе. Освободи меня от боли, чтобы я мог верно служить тебе.

Конан поднял боевой топор — оружие, которое он выбрал для себя на корабле. Топор был из Тайи, у него была прямая рукоятка, и его остро заточенный клинок имел длинное острие. Несмотря на свою тяжесть, топор был очень удобен. Конана душила мысль о том, что их игра проиграна, что он никогда не сможет заключить Бэлит в свои объятия и что храбрая Дарис должна будет умереть рядом с ним, в крайнем случае, если ей будет угрожать плен, то от его руки. Но он был уже снова воин и не имел больше никаких мыслей, кроме мысли о битве. Быстрым взглядом оценил он их положение. Стигийцы заперли их между двух длинных фасадов. Примерно тридцать противников стояло перед ним, у многих были арбалеты, другие имели щиты и мечи. Предводитель их был статный седоволосяй человек в простой тунике, вооруженный мечом.

— Мы нападем на их офицера, — предложил Конан, — и попытаемся пробиться. Как только мы соприкоснемся с врагом, встанем спина к спине и так будем биться.

В руке Дарис блеснул длинный кинжал. В левой руке она держала пояс из Кеми.

— Если бы мой отец знал, рядом с кем я сражаюсь, — тихо произнесла она, — он был бы так же горд, как и я.

Глава тринадцатая

Смерть и честь

Конан и его друзья напали. Они бежали порознь, все время меняя направление. Арбалетные болты жужжали, но не могли попасть в такую ловкую и непредсказуемую цель. Прежде чем стрелки успели перезарядить арбалеты, Конан был уже тут как тут.

Конан, который имел большой опыт в обращении с боевой секирой, положил левую руку поближе к концу топорища, а правой держался за середину. Стигиец, стоявший против него, нанес колючий удар в его сторону из-под края щита. Лезвие топора отбило острье меча книзу, и тут же Конан нанес косой удар с правого плеча. Стигиец, обороняясь, поднял щит. Вся могучая сила киммерийца была вложена в удар. Металл загремел, щит прогнулся и повис на сломанной руке. Стигиец зашатался.

Конан взмахнул топором, и острое лезвие впилось в незащищенную ногу другого противника. Рана не была смертельной, но боль сделала этого человека, во всяком случае сейчас, не способным сражаться. И вот уже Конан принялся за стигийца, стоящего слева. Он снова парировал выпад мечом, затем повернул топор и ударил под щит. Сила толчка вынудила стигийца наклониться в сторону, и секира раздробила его открывшееся колено. Стигиец закричал и опустился на мостовую. Конан взметнул секиру и обрушил ее на шлем человека, которого только что ранил в бедро. Тот тоже упал на землю.

И вот уже Дарис и Джихан рядом с киммерийцем. Пояс щелкнул по руке солдата. Удар был таким сильным, что солдат выронил оружие. Джихан бросился под защиту секиры Конана, пока киммериец не убил солдата и не схватил его щит. После чего Джихан сам прикрыл киммерийца от нападения.

Несмотря на то что ряды стигийцев были пробиты, они были хорошо обученные и храбрые воины. С флангов они бежали в центр, к месту рукопашной. Три товарища были окружены, прежде чем у них появился шанс пробиться дальше. Второй ряд солдат подбежал ближе и немедленно бросился в битву.

Спина к спине стояли трое. Секира Конана гремела, меч Джихана рубил и колол, пояс Дарис взвивался, а кинжал вонзался в тела с быстрой молнией. Кричали люди, звенело железо. Жители выглядывали из окон расширенными от ужаса глазами, перед дверьми собирались зеваки. Над головами своих врагов впереди Конан видел прямо под золотым щитом с изображением льва седобородого человека в просторной тунике и шароварах. Лорд Зарус, без сомнения, и до него всего лишь несколько локтей, но для них он сейчас находится все равно что на Луне.

Киммериец был уверен, что конец его не так уж далек. Но свои две дюжины лет он прожил с удовольствием и пережил больше, чем другие за целое столетие. И теперь он хотел лишь забрать с собой столько стигийцев, чтобы оставшиеся в живых не могли больше спать спокойно. И он намеревался позаботиться о том, чтобы он и его спутники не попались в сети чародейства, а умерли здесь чистой смертью.

Седобородый подошел ближе, желая подбодрить свой отряд. Конан ясно видел его теперь. Он рубил вокруг себя еще яростнее в надежде пробиться к нему и разбить его череп. Но стигийцы давили слишком сильно даже для его медвежьей силы.

Внезапно Джихан закричал:

— Рамвас!

Это прозвучало, как вой жаждущего крови волка.

Шемита обуяло безумие. Только что он сражался рядом со своими друзьями и все время следил за тем, чтобы помогать им, а теперь отбросил всякую осмотрительность. Его щит превратился в орудие нападения, которым он бил, разбивал, а его меч колол быстрее молнии. Казалось, он вообще не замечает ран, которые сам при этом получил, они на удивление мало кровоточили, хотя некоторые из них были довольно глубоки. Лицо превратилось в маску Горгоны, перед которой стигийцы испуганно шарахались. Дико нанося вокруг себя удары и сметая все на своем пути, он прорывался сквозь толпу. За его спиной оставались убитые и раненые.

— Рамвас, ты помнишь меня? — взревел он, и с этими словами он добрался до седобородого. Щитом он выбил меч из его руки, и оружие описало широкую дугу по воздуху, а сам вонзил клинок в живот дворянина. С криком поднял Джихан тело, насаженное на клинок, над головой и швырнул его в стену дома. Череп треснул.

С ледяной дрожью Конан вспомнил, кто был этот Рамвас. И в тот же миг он увидел выход из ловушки. Большая часть солдат сбилась во время битвы в кучу. Вместе с Дарис он устремился вперед. Двое, что попытались встать у них на дороге, после двух ударов уже лежали на земле.

Они добрались до Джихана. Его глаза снова стали живыми, но теперь его раны по-настоящему болели и сильно кровоточили. У него было скверное ранение в живот.

— Бегите! — прохрипел он и указал на самый близкий проход между домами. — Я могу их еще задержать — пока еще могу.

— Нет, брат Бэлит, мы сражаемся вместе, — ответил Конан.

Шемит посмотрел на него твердо:

— Мне осталось недолго жить. Дайте мне умереть за нее. Если тебе... удастся... вернуться к ней... скажи: я любил ее.

Конан сжал руку с мечом, покрытым кровью.

— Я скажу ей больше, — обещал он. — Я скажу, что ты погиб свободным человеком.

— Да, освободиться из этого... тела... и моя душа... ушла к Иштар. Будь счастлив, брат.

Пока они обменивались этими словами, солдаты, из которых больше половины были мертвы или выведены из строя, замерли или растерянно шатались. Но теперь один, вероятно унтер-офицер, стал собирать вокруг себя отряд. Он кричал, звал их, тряс или бил по лицу и наконец привел в себя.

Конан повел Дарис в переулок, слезы текли по ее щекам, смывая грязь и пот. За их спиной Джихан встал, расставив ноги.

— Идите, собаки! — взвыл он. — Мы сделаем из вас пищу для крыс. Или вы считаете, что у нас троих слишком большой перевес для вашей шайки? Ну так мы будем драться с вами по одному.

Он пытался создать впечатление, будто его спутники остаются с ним, чтобы стигийцы не успели отрезать им другие пути к отступлению. Кроме того, он напомнил им о том, что у них ведь было задание схватить их по возможности живыми, чтобы солдаты не додумались быстро положить им конец, взявшиесь за арбалеты.

Конан и Дарис еще слышали, пока бежали вверх по переулку, как Джихан кричит на своем родном языке:

— Иштар, защитница всех любящих, которая спускалась в ад за своим возлюбленным, возьми меня к себе...

Переулок вывел их на улицу, которая была такой же широкой, что и улица Королей. Роскошные дома, повернутые фасадами к большой площади, стояли перед ними. Лишь немногие люди были здесь, и эти немногие носили рабские ошейники и потому не решались медлить,

когда их послали с поручением. Без сомнения, шум битвы привлек к себе свободных горожан — но не на эту улицу, ее можно было просматривать насквозь. Создавалось впечатление, что любопытные проскользнули отсюда в правительственные здания, чтобы лучше видеть бой.

— Мы не должны здесь останавливаться, — хрипло сказал Конан. — Они быстро поднимут тревогу и начнут нас искать задолго до того, как мы сможем оказаться у городских ворот. Лучше всего спрятаться до утра, когда в город приходят караваны и из складов забирают грузы для кораблей, стоящих в гавани. Среди этой суматохи будет проще уйти из города незамеченными.

Дарис с сомнением оглядывала его и самое себя.

— Таким? Мы все в крови, — пробормотала она.

— Проклятье! — выругался Конан. — Мы должны, конечно, сперва позаботиться о наших ранах и постирать наши вещи, — нет, лучше будет, если мы достанем новую одежду. Но где? И как? И где мы найдем укрытие в городе, где, без сомнения, все обязаны нас искать и где, без сомнения, назначили высокую награду за одно только указание на нас.

Дарис сжала руку Конана:

— Подумаем над тем, что рассказывал Фалко. Нет, погоди, дай мне попробовать вспомнить. Хотя я здесь прежде никогда не была, но ведь это все-таки столица Стигии. — Она щелкнула пальцами. — Да, слева от нас на большой площади стоит знаменитый храм Сэта. За ним находится за стеной лабиринт с искусственным прудом, там есть крипты, где проходят тайные ритуалы. Кто станет искать нас в этом месте?

Конан непроизвольно содрогнулся, но затем резко вскинул голову, отбрасывая гриву черных волос, и вполголоса рассмеялся:

— Великолепно! Если Сэт ничего нам не сделал за то, что мы утащили его Ладью, то ему также не помешает, коли мы разобьем лагерь в его святыне. Идем, показывай дорогу!

Они снова спрятали оружие под одеждой и шагали с таким видом, словно у них было полное право находиться здесь. К счастью, никто из рабов не подходил к ним достаточно близко, чтобы кровь на их одежде бросилась в глаза. С улицы, которую они оставили, все еще были слышны звон оружия и крики — Джихан сражался до конца.

Они завернули за угол роскошного здания архива и подошли к стене высотой приблизительно девять футов. Цветные кирпичи складывали изображение огромного питона, а вершину стены украшали и защищали железные прутья в виде кобр. Справа поднималось массивное строение, на верхней ступени которого можно было видеть позолоченную фигуру огромной змеи, свернувшейся кольцом. Дарис сочла за лишнее объяснять, что это и был храм Сэта. За углом Конан увидел на другой стороне площади колонны — вход во дворец.

Никого, кроме них, здесь не было, но эта тишина, конечно, скоро взорвется.

— Наверх, девочка! — проворчал Конан. Он сложил руки, и Дарис встала на эту ступеньку. Сам он высоко подпрыгнул и ухватился за железных кобр. Потом он подтянулся и перевалил через стену. Кобры служили только для устрашения, было не так уж трудно проскользнуть между ними и спрыгнуть на землю по другую сторону стены.

Конан был готов на месте убить каждого, кто его здесь увидит, но никого не было. В этом не было ничего удивительного, потому что они находились в лабиринте. Он был очень ухоженным, но один его вид и запах почему-то непроизвольно вызвал у Конана отвращение. В жаре, от которой перехватывало дыхание, пальмы поднимались, как скелеты, над живой изгородью в человеческий рост, колючки и густая листва которой оставляли мало простора для передвижения. Дорожки густо покрыты мхом, который, как и густая темная листва, скрывал все звуки. Вьющиеся растения извивались, как змеи, от ствола к стволу, повисали на ветвях деревьев. Обычно светящиеся алые цветки казались тусклыми и почти не составляли цветового контраста грядкам с пурпурным и черным лотосом, из которого добывали опасные яды. Ни одной птицы не

свистело и не щебетало, вместо этого вокруг жужжали насекомые, огромные жуки пищали во мху, пауки висели в паутинах, а муравьи искали добычу. Они прошли немного, и Дарис содрогнулась и прижалась к Конану.

— Мне очень жаль, — прошептала она. — Не надо было сюда приходить. Я не должна была советовать этого. Мне страшно, потому что мы уже заблудились.

Желая ее утешить, киммериец слегка прижал девушку к себе.

— Ты, верно, никогда не бывала в джунглях? — спросил он. — А я уже побывал. Здесь ничуть не хуже, и по крайней мере не верещат попугаи. Мох такой густой, что наверняка есть и вода. Как только найдем источник, сделаем остановку. Я до того хочу пить, что выпил бы сейчас целое озеро Вилайет.

Он скинул сандалии, чтобы вернее почувствовать, когда изменится влажность почвы. Он принюхивался, прислушивался, призывая на помощь все свои инстинкты дикаря и лесного охотника. Он ориентировался по солнцу, благословенному знаку Митры, и уже вскоре отыскал колодец.

Вода стекала из нескольких больших бассейнов в большой пруд, где качались водяные лилии и плавали карпы. Конан предположил, что отсюда по всему саду расходятся пористые трубы, чтобы поддерживать влажность почвы. Когда Дарис захотела пить, он остановил ее.

— Эта вода может быть из Стиksа, — предупредил он и сперва осторожно попробовал сам. Вода была прохладной, чистой и, несомненно, имела своим источником артезианский колодец. Киммериец широко улыбнулся:

— И как это архитектор до такого додумался? А может, он просто подключился к первому попавшемуся источнику?

Они пили, сперва жадно, потом с непередаваемым наслаждением, потом разделись, искупались, выстирали одежду и разложили ее сушиться. Конан, взиравший на Дарис с искренним восхищением, заметил, как она покраснела, хотя в крепости она и думать не думала о своей наготе.

Пока их весьма кстати прихваченные кафтаны сохли, они сидели на корточках возле пруда, ловили руками карпов и ели их сырьми. Кто знает, когда им снова доведется поесть? Когда они почувствовали благодатную сытость, солнце уже высушило тонкое льняное полотно одежды.

— Вот и хорошо, что ни один садовник не забрел сюда по ошибке, — проворчал Конан. — То есть хорошо для садовника. Но нам, наверно, лучше поискать местечко, где нас не так-то легко будет увидеть.

Перевязав раны — по счастью, легкие — полосками ткани, оторванными от одежды, они вновь пустились в путь. Храм, возвышавшийся над самыми высокими деревьями, указывал им дорогу. То и дело они шли по кругу между огромными грибами и искусно подстриженной живой изгородью, но, несмотря на это, они все время приближались к храму Сэта и вскоре уже добрались до выхода из лабиринта. За узкой полоской, выложенной плитами, вздымалась нижняя ступень цитадели. Фасад, выходящий на площадь, был роскошным, однако задняя сторона была из простых темных глыб гранита, лишь местами украшенных резьбой иероглифов.

Конан, внимательно выисматривая, нет ли поблизости ядовитыхочных теней, обнаружил прорези окон и несколько дверей. Царила полная тишина. Он порадовался удаче и подивился ей, пока не сообразил, что храм Сэта оживает по-настоящему только с наступлением ночи. Жрецы, служки, даже большая часть рабов в такое время спит. Входы были закрыты и заперты на засовы, и только один, со зловещей надписью, нет. Когда Конан осторожно открыл двери, навстречу ему, с лестницы, понесся гнилостный запах.

— Она ведет к криптам, — обратился он к Дарис. — Потому и не заперта. Кто, кроме чародея, пошел бы туда по своей воле?

Девушка улыбнулась.

— Мы, — сказала она и легко вскочила на ступеньку.

Конан закрыл за собой дверь. Изваянная в горной породе лестница уводила все глубже в бездну, насколько видел глаз в свете разрозненных настенных светильников. Стены были расписаны картинами, изображающими процесии, ритуалы и человеческие жертвоприношения. Потолок, спускающийся вниз вместе со ступенями, был низким, и на каждом пролете лестницы с него свисала каменная змея, так что Конан и Дарис поневоле вынуждены были всякий раз пригибаться перед Сэтом. Пламенная ярость вздымалась в душе киммерийца. Он сжал зубы так, что заныли челюсти.

— Джихан, брат Бэлит, — беззвучно поклялся он. — Ты будешь отомщен. Ради тебя я растопчу ногами змею.

Когда им уже начало казаться, что ступени не кончатся никогда, они наконец вышли в коридор, очень слабо освещенный, полный теней и эха. Тут и там отвратительную настенную живопись прерывали двери. Первые две вели в гробницы с огромными саркофагами, и киммериец спросил себя, человеческие ли мумии в них содержатся. Из третьей двери навстречу им хлынул свет. Помещение было отделано в виде ларца. Свет исходил из большой бронзовой лампы на алтаре. Она стояла перед золотым изображением свернувшейся кобры в натуральную величину, с головой, слегка вытянутой вперед на поднятой шее. Злобно сверкающие мудрые глаза были устремлены на дверь и, казалось, ожидают, что всякий входящий тут же, исполненный благоговейного ужаса, бросится перед нею на пол. Хрустальная чаша перед алтарем была полна молоком. Дорогие драпировки на стенах обрамляли картины, изображающие людей со змеиными головами.

Дарис изучала иероглифы на противоположной стене. Она была не похожа на тех тайянцев, что были сведущи в премудростях хайборийской письменности, однако стигийские символы она учила в школе.

— Святилище Сэта в одном из многочисленных его воплощений, — прочла она. — Молоко, — продолжала она, — предназначено для священной кобры, которая обитает где-то неподалеку. Это может означать, что она появится в любой момент.

Конан созерцал артефакты.

— Лампу заправили маслом совсем недавно, и фитиль закреплен, — сказал он. — Он настолько большой, что его, самое раннее, можно будет увидеть завтра утром. Молоко еще свежее. Я предполагаю, что один из служек каждое утро, прежде чем уйти, заботится обо всем этом. И когда он явится снова назавтра, нас здесь уже не будет. Я не думаю, что здесь производятся какие-либо ритуалы. Крипты используются чародеями все-таки только для их особых целей, не так ли? А что до кобры — ну, если она явится, значит, ей не повезло.

Он вынул из-под каftана боевую секиру, положил ее на каменный пол и сорвал со стен несколько драпировок. Их он расстелил на полу.

— Здесь довольно прохладно, — сказал он, улыбаясь, — но мы напились и наелись, теперь у нас есть свет, одеяло и приятное общество... — Он прервал себя. — Но Дарис, почему же ты плачешь?

— Разве нельзя теперь, когда мы в безопасности? — всхлипнула она, закрывая лицо руками. — По Джихану, погившему в чужой стране...

Он обнял ее. Она прижалась головой к его груди. И тоже обвила его руками. Какое-то время она продолжала тихо плакать. Утешая, он провел по ее волосам, как делал это с Бэлит, и прошептал, вдыхая аромат ее мягких кудрей:

— Ты спрашиваешь себя, как я могу быть таким бесстрастным, когда брат моей возлюбленной только что погиб? Дарис, ты дочь народа воинов и потому должна понимать это.

Смерть приходит ко всем нам, если так угодно судьбе, невзирая на то, станем ли мы отравлять себе жизнь из страха перед неизбежным концом или наслаждаемся ею, покуда она наша, и покидаем этот свет непокоренными. Джихан умер, полный радости и овеянный славой. Он отомстил за себя и спас жизнь своим друзьям. Если его религия — истинна, он сейчас снова жив-здоров и скачет на единороге по царству Иштар к башне, где ожидает его прекрасная женщина. Чтобы стать матерью его детей. Если же его вера лишь заблуждение, что ж, тогда он тоже не страдает больше от боли и обрел вечный покой. Он хотел, чтобы мы хранили его память, Дарис, но не думаю, что он желал бы видеть нас скорбящими.

Она подняла на него глаза и выдохнула: — Конан, здесь, у двери ада, ты даришь мне новое мужество.

Они страстно поцеловались перед алтарем Сэта, но когда Дарис, полная желания, попросила: «Любимый, я твоя, возьми меня...» — он отстранился.

Она посмотрела на него пристально.

— Я сказала это искренне, — заверила она, дрожа. — Я люблю тебя, Конан.

— Ты мне тоже мила, говорю от всего сердца, — отозвался он, — и я слишком уважаю тебя, чтобы сейчас тебя взять, потому что знаю, что вернусь к Бэлит так быстро, как только смогу, и оставлю тебя.

— Она бы это поняла.

Конан сухо рассмеялся:

— Она бы меня не простила. Будь мне сестрой, Дарис, и я буду считать, что мне оказана честь.

И снова она заплакала, а он дружески утешал ее и сам при этом, возможно, нуждался в утешении больше, чем когда бы то ни было.

Крылатая Ладья выбралась из болотистой дельты и по каналу прошла к Стиксу. Хотя сейчас стоял светлый день и солнце близилось к зениту, им не нужно было больше прятаться, потому что ладья, в конце концов, была быстрее всего, что плавало по воде или ходило по земле.

Дарис была впередсмотрящей. Ветер играл ее волосами, черными, как полночь, и трепал ее тунику, плотно облепившую прекрасные формы ее тела. Ее лицо, которое должно было быть полным освобождения и торжества, выглядело печальным. Фалко стоял на корме у хрустального шара и внимательно слушал доклад Конана, который завершил сообщение в своем обычном лаконичном стиле:

— ...незадолго до восхода — насколько я мог определить время по остатку масла в лампе — на поиски. Сперва мы наткнулись на послушника, я убил его и спрятал его труп в шкафу. Его одежда мне пришла впору. Правда, она была немного коротковата, да и голова у меня не обрита наголо, как это обязательно для жрецов, но я натянул капюшон на голову, как только смог. Следующий, кого мы повстречали, был какой-то раб. Этого беднягу я только оглушил, связал и заткнул ему рот полосками от наших с Дарис кафтанов, а она переоделась в его одежду. К счастью, эта хламида закрывала ее до шеи, так что не бросалось в глаза отсутствие ошейника. Никто нам больше не мешал, и так мы прогулялись по главному порталу — в храме не многие в этот час бодрствуют — и вышли к воротам. Даже если бы в городе не царила обычная утренняя суета, я и то сомневаюсь, чтобы кто-нибудь осмелился спросить двух храмовых служащих об их намерениях. Затем мы прошли через поля, и вот мы снова на борту и направляемся в Тайю.

Во взгляде юноши читалось удивление.

— Еще никогда ни один воин не шел по свету так триумфально, — сказал Фалко. — Когда-нибудь ты завоюешь королевство. Но сначала ты освободишь наших близких — моих и Дарис.

— Вероятно, — пробормотал киммериец. — Но нам нельзя забывать и о тяжелых боях и

больших потерях.

Офирец кивнул:

— Да, наш план рухнул, и мы потеряли Джихана. Но я верю, что то, что он считал самым главным желанием своего сердца, ему удалось исполнить. Ты и Дарис, вы осмеяли Сэта в его собственном храме. И мы снова на свободе. — Немного озабоченный, Фалко продолжал: — Но вы оба кажетесь мне куда более подавленными, чем следовало бы ожидать. Случилось нечто, о чем ты мне не рассказал?

— Это кое-что личное, что не во всех деталях удалось, — коротко ответил киммериец. — Слушай, Фалко, у нас еще два дня и две ночи, когда нам нечем будет заняться. Ты молод и горяч, а она прекрасна и сейчас, кажется, не вполне в ладах сама с собой. Не надо пользоваться ее настроением, слышишь? Мы должны с честью доставить ее домой.

— Можешь на меня положиться, Конан, — заверил Фалко и вдруг бросил в пространство мечтательно затуманенный взгляд. — И у меня же есть моя Сенуфер. Когда-нибудь мы с ней будем счастливы вдвоем.

Конан в ярости обернулся, но тот замолчал.

Высоко над Ладьей летел орел с той же скоростью, что и сам корабль, и его крылья золотом мерцали в солнечных лучах.

Глава четырнадцатая

Тайя

Когда друзья добрались до устья Хелу, на безлунном небе уже густо высыпали сверкающие звезды. Хелу бежал по своему руслу быстрее и казался более приветливым, чем Стикса, с которым он соединялся. Восточнее Стикса, который устремлял здесь свои воды на север, горы отделяли его от более скучной местности, обжитой кочевниками. К западу, круто обрываясь скалами по обе стороны долины Хелу, вырастала Тайя, серебряно-серая в звездном свете, гористая местность, изрезанная ущельями; Тайя, которую стигийцы называли «мятежной провинцией»; Тайя, сражающаяся за свободу — какой она была в глазах ее граждан. Там, где встречались оба потока, на левом берегу Хелу лежал маленький городок Сейян, дремлющий в тени своих белых стен.

— Этот приток мы перелетим здесь, — сказала Дарис и указала, где именно, — мимо пашни к гроту, где сможем спрятать Ладью. Оттуда не так далеко до Турана, и можно добраться пешком. Даже если мой отец сейчас находится не там, мы могли бы подождать его возвращения. Жрецы Митры гостеприимно нас встретят.

Ее голос звучал бодро, и Конан был рад этому. За все время путешествия она ни разу не сказала и не сделала ничего глупого, как он опасался. Она не плакала и не представлялась оскорбленной, но обходилась одинаково дружески и сдержанно с обоими своими спутниками. Но ее былой жизнерадостности и восторженности, с которыми она пустилась в путь из Кеми в Луксур, не было и следа.

Определив на глазок, что они могут пролететь под мостом через Хелу, Конан развернул Ладью. Ему пришлось преодолеть свое отвращение. Хотя он все еще считал этот способ передвижения нечеловеческим, ему все же пришлось признать, что в данном случае это очень удобно. Ладья развернулась. Фалко на носу подал сигнал, что впереди все чисто. Сила горного потока, кипящего в вялых струях Стикса, сотрясла днище Ладьи.

Мгновенно потемнел и стал мрачным дьявольский огонь. Ладья пошла медленнее, сложила крылья и бессильно остановилась.

— Что за дьявол! — выругался Конан. — Какое колдовство заработало теперь? — Он закусил губы и попытался еще раз. Ладья не заходила в устье.

Фалко помчался на корму.

— Боюсь, наша чертова штучка осторегается покидать родные воды, — сказал он. — Или, возможно, магия, заставляющая ее двигаться, исходит прямо из самого Стикса. Если мы захотим заставить ее подняться по другой реке, нам придется тащить ее волоком.

Конан кивнул. Взгляд на ясное сияние Млечного Пути прогнал его ужас перед сверхъестественным.

— Звучит правдоподобно, — проворчал он. — Хорошо еще, что мы не пытаемся добраться до какого-нибудь высокогорного озера. Ну, и что нам теперь делать?

— Проплыем еще несколько миль на юг, — предложила Дарис. — Я припоминаю одно местечко, где мы тоже могли бы спрятать Ладью относительно хорошо — по крайней мере, в эти скверные времена, когда никто больше не путешествует ради собственного удовольствия. В любом случае нам предстоит проделать пешком более длинную дорогу, чем мы предполагали. Так что поступим, как я сказала.

Ее спутники были согласны. Сейян остался позади. Местечко, о котором говорила Дарис,

представляло собой расселину в крутом скалистом обрывистом берегу, такую узкую, что они лишь с трудом смогли протащить туда Ладью, однако достаточно глубокую, чтобы лодки не было видно с реки. Они решили отдохнуть ночью на борту, прежде чем с рассветом пуститься в дорогу.

В ранних сумерках взбрались они по скале наверх. Из запасов, имевшихся на борту, они неплохо снарядились: каждый имел тунику и свернутое в рулон одеяло, мужчины надели сапоги, кафтаны и бурнусы, чтобы защититься от полуденного солнца; провиант на несколько дней и бурдюк с вином, содержимого которого должно было хватить, пока Дарис не сможет найти источник или ручей с питьевой водой. Кроме кинжала, Конан взял боевой топор, самое подходящее для себя оружие; Фалко запасся саблей и круглым иранистанским щитом; Дарис — полный колчан, лук и пояс, который уже не раз сослужил ей добрую службу.

Целый день они шли на север, все время поднимаясь вверх по холму, навстречу горам, все еще лежащим в голубоватой дымке, по террасе, прорезанной расселинами и вздыбленной скалами. Пустынная была то земля, лишь кое-где встречались единичные деревья — тамариски и акации, но зато густо росла зеленая трава, достигавшая до пояса и шелестевшая под ветром, и постоянно впивались в ноги путников колючки, незаметные в траве. Воздух был совершенно чист, и видно было далеко; пахло сеном и грозой. Порой они проходили мимо каменных строений и тут и там видели коровы лепешки, но самих стад нигде не было; зато было много разнообразных других животных, которые остаются после того, как человека гоняют с насиженного места, или, возможно, пришедших сюда уже после исчезновения людей: антилопы всех видов, жирафы, зебры, дикие лошади, павианы, львы — но всех путники видели очень издалека. Пролетали, трепеща нежными крыльышками, бабочки; зяблики и журавли летали у путников над головами, из-под ног высакивали куропатки, и коршун выписывал в небе круги. Одинокий золотой орел, как им показалось, сопровождал их высоко под облаками.

Чем дальше они шли, тем лучше становилось настроение Дарис.

— Это моя родина! — сияя, заявила она. — На этих высоких горах я у себя дома!

Конан молчал. И он тоже был сыном гор, и, хотя суровость этих отрогов отзывалась в его душе, она не была все же его Киммерией, с ее ледниками и голыми скалами, покрытыми снежными шапками, и, если бы ему пришлось остаться здесь надолго, он не чувствовал бы себя здесь вольготно.

«Но, быть может, именно здесь белеть моим костям», — подумал он.

К вечеру второго дня неожиданно перед ними возникли препятствия.

Используя приметную гору в качестве ориентира, Дарис вела их к водному руслу, по которому они могли бы потом идти большую часть своей долгой дороги. Солнце светило им в лицо, когда они забрались на холм и принялись спускаться с него по другой стороне. Этот путь привел их в продуваемую семью ветрами теснину, где по плоским камешкам в тени проворно бежала речушка. После бесконечных миль почти полностью лишенной воды пустынной местности, простиравшейся по ту сторону холма, зелень, росшая вдоль всего потока, казалась неправдоподобно свежей и густой. От воды поднималась приятная прохлада.

— Стойте! — вскрикнул Конан.

Возле речушки разбили лагерь примерно три дюжины человек. Большие узлы были свалены рядом с несколькими выючными животными. В качестве оборонного сооружения вокруг лагеря было возведено кольцо из срезанных колючих кустарников, как то в обычаях Черного Побережья, не такое высокое и плотное, однако этого хватило бы для того, чтобы отразить атаку налетчиков или, по крайней мере, сделать их более осмотрительными. Горели небольшие костры из сухого помета, поблизости лежали высохшие ветки, сваленные в кучу, — их припасли для больших костров, которые разложат с наступлением темноты. Люди были одеты различно: в звериные

шкуры, в обрывки ткани, в юбки из травы, — но все без исключения принадлежали к одной расе. И это, без сомнения, не были тайянцы. Это были негры.

— Путешественники из Кешана? — спросила Дарис напряженным голосом. Она приложила ладонь к глазам, прикрывая их от слепящего солнца, опускающегося к западу, и пристально вглядилась вниз, туда, где уже сгущались сумерки. — Нет, они совсем не так выглядят.

— Скорее, как жители побережья в южном Күше, — заметил Конан. — Что могло увести их так далеко от родины?

Чужаки тоже обнаружили их присутствие. Некоторые испустили вопли, схватились за оружие, за овальные щиты. Они перепрыгивали вал из колючего кустарника и мчались вверх по холму, однако намного правее и левее троих путников. Совершенно явно они хотели удостовериться, что эти трое пришли без сопровождающих. Большая часть оставшихся приготовилась к нападению и направилась к ним размеренным шагом.

— Это мне не нравится, — проворчал киммериец.

— Но ты не можешь ставить им в упрек их недоверчивость, — заметил Фалко.

— Нет, конечно нет. Мы сперва попытаемся разойтись с ними мирно, но все-таки приготовьтесь сражаться. — Конан поднял обе руки и развел их широко в стороны. — Мы друзья! — закричал он на стигийском.

Один из негров, явно вождь, выступил вперед на несколько шагов. В противоположность остальным, молодым и стройным, у него были седые курчавые волосы и огромное брюхо вздыпалось под леопардовой шкурой. Но этот человек был тем не менее такого богатырского сложения, что его дородность почти не бросалась в глаза. Медные кольца блестели на его тяжелых мускулистых руках. Плетеное золотое ожерелье, охватывающее шею, почти полностью скрывалось под двойным подбородком. У него были выпяченные губы и приплюснутый широкий нос.

— Вы есть кто? — взревел он. Судя по акценту, такому сильному, что слова едва можно было разобрать, знакомство вождя со стигийским языком было лишь очень поверхностным. — Вы есть откуда? Куда есть вы?

— Мы идем дальше! — закричал Конан в ответ. — Прямо сейчас!

Разведчики, убежавшие вперед, начали делать знаки и вопить. Предводитель прислушался, затем громовым голосом расхохотался:

— Хо! Хо! Хо!

Он начал раздавать приказы на своем диком наречии. Чернокожие помчались по холму с быстротой, заставляющей вспомнить диких зверей. Половина их разделилась, обходя чужаков справа и слева, чтобы присоединиться к разведчикам, которые теперь приближались к маленькому отрядику Конана с обеих сторон. Остальные помчались прямо на них.

— Вы — харашо, — вас — нет убивать.

— Нет! — крикнул Конан в ярости. — Вы хотите нас всего лишь утащить на невольничий рынок. И Дарис первую...

Он снял секиру с плеча, и его голос загремел львиным рыком:

— Сделать это пытались и те, кто был получше вас! — Но втайне он думал, что настал конец для него и его товарищей. Горько было найти смерть из-за слепого и глупого случая, но разве настоящий искатель приключений имеет право ожидать чего-нибудь лучшего? Он шепнул в ухо Дарис:

— Что бы сейчас ни случилось, живой они тебя не получат, клянусь!

Ее лук запел. И тут же она схватила новую стрелу.

— Спасибо, любимый, — прошептала она в ответ, не отводя взгляда от своей цели. — Если

последний поцелуй мне суждено принять от твоей секиры, я буду знать, что он... его породила любовь. Благослови тебя Митра. И да будет его воля встретиться нам после смерти в его чертогах.

Он не мог разделить ее веры, но ее спокойствие сделало менее острым страх за нее, и он улыбнулся ей ободряюще, после чего расставил ноги пошире и приготовился к битве.

— Хаа! — взревел Фалко и уже собрался было броситься вперед. Конан схватил его за плечо и остановил рывком.

— Болван! — рявкнул он. — Будем биться спина к спине, так мы сможем больше их убить.

Стрелы Дарис впились в двоих или троих, нанеся им серьезные раны, но по большей части они либо вонзались в щиты, либо вообще пролетали мимо цели. Когда враги подошли совсем близко, она выронила лук, взяла в левую руку пояс и извлекла из ножен кинжал. Фалко вызывающе рассек саблей воздух. Конан ждал молча.

Первый негр набросился на него, замахиваясь металлическим шаром на цепи. Свистнула секира. Она раздробила дерево и кожу щита, которым прикрывался нападающий, и вонзилась в шею. Тело негра рухнуло.

— Бэлит! Бэлит! — кричал Конан. Это был его боевой клич. На этот раз секира выбила у противника короткий меч из руки. Уголком глаза Конан видел, как Дарис вонзает свой кинжал кому-то в руку, как Фалко отрубил чью-то ногу. И непроизвольно испустил Конан боевой клич, который слышал на пиратской галере:

— Ваконга мутузи! Бэлит! Бэлит!

Предводитель отскочил назад на несколько шагов, и воздух, казалось, содрогнулся от дикого воя. В тот же миг его люди тоже отступили. Стоя неподвижно над обезглавленным телом и держа в руке секиру, с которой капала кровь, Конан мрачно подумал, что его слабые надежды, похоже, оправдываются. Хотя его маленький отряд был все еще окружен, но враги отступили на добрые восемь футов, и хотя негры сверкали глазами весьма недружелюбно, они не решались подходить ближе. Возможно, их предводитель усмотрел, что трое невольников не стоят таких больших потерь, какие их, как он теперь понял, ожидают, и лучше будет дать противнику уйти.

Дородный чернокожий предводитель подбежал ближе и остановился прямо перед киммерийцем. Он что-то произнес.

— Я не понимаю твоего языка, — объявил Конан на стигийском, хотя и этот язык был ему едва знаком.

— Этот знаешь? — спросил его чужак на хайборийском жаргоне моряков.

Сердце Конана забилось быстрее.

— Да, — ответил он на том же языке. — Послушай, мы готовы забыть, что вы на нас напали, и идти дальше своей дорогой в мире и покое.

— Ты выкрикнул одно имя, — задумчиво проговорил чернокожий и произнес слова племени суда. — Ты знаешь, что они означают?

— Не вполне.

Тот усмехнулся, и его двойной подбородок затрясся.

— Я бы перевел их примерно так: «Будь проклята смерть! На битву!» — Он снова стал серьезным. — Но меня интересует имя, которое ты кричал. Произнеси его еще раз и скажи мне, кто его носит.

Одно мгновение Конан злился на этот приказной тон, но, возможно, будет полезнее подчиниться.

В его ответе прозвучала гордость:

— Я назвал имя Бэлит, потому что я ее муж. Она дочь Хоакима из Шема, которого субанцы называли Бангулу.

Радость и почтительность сделали жирное лицо чернокожего почти привлекательным.

— А я Сакумба, который хорошо знал Банггулу и качал на коленях маленькую Бэлит, — сказал чернокожий. — Добро пожаловать!

Он выронил свое копье, шагнул вперед и радостно заключил Конана в свои объятия.

Бесчисленные звезды величаво сверкали над уединенной Тайей. Треск костра заглушал журчание текущего неподалеку ручейка. Едкий дым поднимался кверху, желто-красные отблески мелькали на скрещенных ногах людей, сидящих вокруг костра.

Как и на корабле, субанцы показали себя людьми незлопамятными и не пытались мстить за своих погибших и раненых — последние, по счастью, не получили слишком серьезных повреждений. Шумно и сердечно предлагали они своим новым друзьям кров, еду и остатки кислого вина. Они теснились вокруг путешественников, чтобы не упустить ни одного сказанного ими слова, хотя никто, кроме их предводителя, не понимал толком хайборийский жаргон. Поэтому предводитель время от времени переводил слушателям очередную порцию услышанного, причем явно более живописно, чем те ему рассказывали.

— Да, — начал свой рассказ Сакумба, — плохие настали годы для нас, когда стигийцы нас выследили. Мы были ослаблены постоянными нападениями соседних племен. Бэлит и ее морские бродяги облегчали нам жизнь, ибо из той добычи, что они приносили домой, мы могли нанимать воинов с юга, чтобы они защищали нас. И все равно мы были уже далеко не те, как во времена Банггулу. Я, имевший много коров, и посевов, и жен, превратился в бедного бродягу, который вечно ищет средств к жизни. Я, конечно, подумывал примкнуть к Бэлит, но мне постоянно приходит на ум воспоминание о том, как легко я могу начать страдать от морской болезни. Поэтому я собрал вокруг себя этих парней, и мы пустились в дорогу — торговаться. С нашего побережья мы везли с собой преимущественно соль, потому что ничего другого нам больше не оставалось. Мы меняли ее на слоновую кость, перья, редкие сорта древесины и тому подобное. В Кешане мы выторговали железные вещи, украшения, мази и коренья — да и выючных животных не позабыли. — Он поднял бурдюк с вином, наполнил рот, рыгнул и передал бурдюк дальше по кругу. — Вместо того чтобы вернуться назад той же дорогой, я решил пройти горами, потому что мы узнали, что в юго-восточной Стигии начались всякие затруднения. Я счел возможным извлечь немножко выгоды из бедного честного люда, обитающего здесь.

— То есть продать их в рабство, — бросил Конан.

— И это тоже, если представится возможность, — невозмутимо ответил Сакумба. — Мы уже не раз по дороге приобретали пару рабов, чтобы потом перепродать их немного дальше и чуть подороже. В любом случае, что касается здешних мест, сказал я сам себе, стигийцы не так уж контролируют здешнюю торговлю. Кто знает, может быть, где-нибудь здесь лежит большой мешок с деньгами, который только и ждет нового хозяина. — Он глубоко вздохнул. — Но до сих пор мы видели только безотрадную пустоту. Так что вы не можете поставить мне в упрек, что я захотел привести на рынок троих молодых, здоровых людей. Но я очень рад, что вышло так, как вышло. — Он крепко хлопнул киммерийца по спине. — Каждый друг Бэлит — мой друг. А ты говоришь, что ты ее муж? Хо, хо, не будь я для девочки чем-то вроде дедушки, я бы ее приревновал.

Конан посерезнел.

— Вам лучше будет утром повернуть назад и пойти через перевал дорогой на Кешан, — посоветовал он Сакумбе. — Эта страна живет в горчайшей нужде. Она не только страдает под гнетом еще худшей тирании и находится сейчас в состоянии войны, здесь еще во всю орудует мерзкое чародейство.

— Что-о? — Сакумба взволновался.

— Ты же слышал, что я рассказывал. Не думаю, что колдуны так просто откажутся от

своего.

Сакумба нахмурил лоб, снова рыгнул и пробормотал::

— Мы должны посовещаться.

Он указал на одного из своих людей, сидевшего напротив. Хотя тот был намного моложе, все же он был старше остальных, поджарый, с суровыми чертами и мрачными глазами. Шрамы складывались в причудливый узор на его лице.

— Гонга — знахарь, медикус, — пояснил Сакумба. — Не такой могучий, как Кемоку, его учитель дома, нет, далеко не такой. Он немного понимает в колдовстве. Он не старый, не болезненный. Я решил: будет полезно взять кого-то, кто хоть немного соображает в колдовских делах. Я обговорю с ним.

Пока оба они беседовали на субанском, Конан негромко переводил на стигийский все, что он только что узнал, для Дарис, и Фалко.

— Правила чести требуют, чтобы я посоветовал им повернуть назад, — заключил он. — Но у меня такое чувство, что эти ребята были бы нам очень полезными союзниками, если бы удалось их завербовать. Попытаться?

Девушка кивнула:

— Почему бы нет? Моему отцу пригодилось бы каждое копье. Я не говорю уже о моей стране.

С широкой улыбкой Фалко добавил:

— И разве не здорово будет, если трое беглецов вернутся с огромным отрядом?

Спустя некоторое время Сакумба повернулся к Конану:

— Против могучих чародеев Черного Круга Гонга ничего не сможет предпринять, Кемоку — и тот не смог бы, так он говорит. Но против небольшого колдовства он может нас защитить. От того, что используют кущиты и которое с ними вместе проникло на север, в Стигию. Прежде всего следует остерегаться магии тела.

— А это что такое? — спросил киммериец.

— Нужно очень хорошо следить за всем, что исходит с тела — срезанные ногти, волосы, слюна, кровь, пот и все такое, чтобы оно не попало в руки врага. Потому что, если этот враг водится с настоящим чародейством, он может это использовать, чтобы причинить человеку вред или даже убить его. Если вы узнали, что противник заполучил что-нибудь такое с вашего тела, смотрите — верните это назад, чтобы Гонга мог снять чары. Если же невозможно вернуть утраченное, дайте ему по крайней мере образец, пусть попытается создать вам защиту.

Конан пожал плечами. Когда Фалко поинтересовался, о чем речь, киммериец ему объяснил и добавил:

— Заботиться о таких вещах — то же самое, что постоянно опасаться быть отравленным. Определенные меры предосторожности следует принимать всегда, но чрезмерная осторожность превращает мужчину в скулящего труса. — Он рассмеялся. — Жизнь — одна большая опасность, и когда-нибудь всякий умрет. Я предпочел бы встретить смерть в честном бою, чем долгие годы сидеть и в ужасе от нее прятаться.

Он повернулся к Сакумбе:

— Я говорил о могущественном чародействе. По сравнению с ним твоя «магия тела» — все равно что червяк перед питоном. Однако до сих пор нам троим постоянно удавалось перехитрить его и даже подергать за нос, так что сейчас эти великие колдуны от злости высекают из собственной шкуры. Моя история, похоже, не слишком тебя напугала. Может быть, у тебя даже появилась охота примкнуть к нам? Каким-нибудь образом я пробью себе дорогу к морю и к Бэлит. И, без сомнения, заберу с собой кучу добычи от стигийцев.

Хотя Сакумба был пьян, торгашеский дух в нем не дремал.

— Сейчас не стану давать тебе клятву братства, — пробормотал он после краткого раздумья. — Однако... почему бы и нет? По крайней мере, мы можем осмотреться. Для этого мы и залезли на эти голые отвесные горы, не так ли? Правильно. Очень хорошо. Хо, хо, хо! — Он гулко рассмеялся. — Компания туристов с экскурсией, да и только! Посетите достопримечательности Стигии! Не упустите единственную возможность! Хо, хо, хо!

Двумя днями позже Конан со своим большим отрядом достиг Турхана Заоблачного.

Воины вскочили от недавно зажженных лагерных костров и схватились за оружие, но тут некоторые узнали Дарис, и поднялся лиżąщий крик. Гибкие коричневые фигуры помчались навстречу девушке и ее спутникам. Сверкала сталь, развевались сultanы на головах, хлопали на ветру знамена. И над склонами, поросшими травой, над лагерем и руинами древнего города сверкал в лучах заходящего солнца храм Митры.

— Мой отец здесь, — обратилась Дарис к Конану. Ее лицо сияло. — И армия, которую он сумел собрать вокруг себя. То, что мы здесь видим, — это только часть от нее, потому что большинство сейчас разошлось, чтобы собрать хворост и воду. Их созвут сигналом трубы. Совсем недавно они вернулись с победой из огромной битвы, когда стигийцы слишком близко подошли к этому священному месту. Эти псы с воем обратились в бегство, когда понесли слишком большие потери. О Конан!

В невольном порыве она обхватила его руками за шею. Потом опомнилась и выпустила его. Глаза ее стали грустными.

Бок о бок поднялись они вверх по склону. В этот момент из храма вышел рослый седоволосый человек с резкими чертами лица. И когда Дарис бросилась к нему, Конан понял, что это Авзар.

Глава пятнадцатая

Секира и орел

В большой палатке, возле еще хорошо сохранившейся части храма, горела лампа, в свете которой оживленно беседовали двое. Желтоватый свет падал также на оружие, сложенное на полке, на кучу овчин, несколько простых предметов меблировки, кувшин вина на столике и два рога, которые оба собеседника как раз подносили к губам. Полог палатки был откинут, так что был виден клочок неба и вершина горы. Рассеянные тут и там лагерные костры соперничали со звездами. Прохладный ветерок приносил легкий запах дыма, обрывки песен. Где-то вдали слышалось рычанье льва.

Авзар поднялся. После короткого колебания Конан последовал его примеру, когда в палатку вошел третий. Это был старый человек маленького роста и очень темнокожий для тайяница. Его голубое одеяние было поношенным. На груди у него висело очень древнее украшение искусствой работы: золотое солнце в венке лучей из ляпис-лазури. Авзар низко склонился перед этой пекторалью и благоговейно описал знак. Однако каким-то шестым чувством Конан чуял, что неуловимое могущество и достоинство старца зависит не только от этого символа.

— Парасан, о верховный жрец Митры, добро пожаловать, — приветствовал старика Авзар. — Мы надеялись, что вы сможете прийти раньше.

Верховный жрец улыбнулся, хромая, подошел к подушке. Конан забрал его посох и прислонил к стене палатки. Авзар протянул гостю вино, но не в роге, которого было бы довольно для воина, а в хрустальном кубке — одном из немногих свидетелей былого.

— Я полагал, что вам обоим нужно очень многое обсудить, — сказал Парасан.

— Это так, но вам-то разве не стоило это послушать? — спросил киммериец. После прибытия Конан успел немного познакомиться с прелатом и поразился удивленному взгляду старика, прежде чем тот успел спрятать свое удивление под торжественным выражением лица.

— Я думаю, подробности могут подождать, — ответил стариик. — Вы оба... ну, Авзар, я ведь тоже растил девочку. Полагаю, вам не стоит больше беспокоиться о Дарис и хватит заниматься делами этого мира, потому что нам следует обратить свои взоры к вещам не вполне земным.

Авзар уселся, хмуря лоб.

— Я кровно обязан Конану, — сказал он. — Он освободил Дарис и с честью привел ее домой, когда... Ну, то, что она мне поведала, служит лишь к части Конана. По большей части мы с ним беседовали о его приключениях и моих военных планах.

Киммериец покраснел от смущения. Парасан поднял руку:

— Нет нужды облекать в слова то, о чем я догадываюсь. Дарис может найти утешение в своей гордости. Без нее Конан никогда не дошел бы до нас. Она принесла нам то, о чем говорило пророчество, Авзар.

Северянин ощущал, как холод пробежал по его спине. Он не понимал, о чем идет речь, и не думал, что ему все это понравилось бы, узнай он объяснение происходящему. Он склонился на своей подушке и попытался быть вежливым, однако его голос звучал хрипло и немного резко.

— Что вы хотите этим сказать? Я рассказывал Авзару, как случай привел меня сюда, и ничего больше. Я желаю вам всем всего самого лучшего, и, возможно, я мог бы и дальше какое-то время быть вам полезным в качестве платы за некоторые вещи, которые мне еще понадобятся, но ничто меня не остановит — я должен вернуться как можно скорее к даме моего сердца.

Мудрые, почти светящиеся глаза Парасана впивались в глаза киммерийца и не выпускали

их.

— Ты действительно веришь, что все это был всего лишь случай, Конан? — спросил верховный жрец так же кротко, как прежде. — Я знаю это лучше, и притом я уже не раз узнавал, что вам довелось пережить. Два бога находятся в непримиримой вражде. Мы, смертные, не просто орудия в их руках — нет, мы должны побеждать или терпеть поражение по нашим силам, чтобы Вселенную не разорвали на части столкновения обоих божеств, но их воля все же определяет все. Будет ли процветать и развиваться оплот Митры в мире и согласии, чтобы нести свет, или же змея раздавит его, и ее колдуны беспрепятственно распространят свою власть на всю землю, чтобы создать свою Империю Зла? Решить это — наша задача.

Конан хотел было возразить, но Парасан не дал ему вставить ни слова:

— В последнее время я молился еще больше, чем обычно, и приносил Митре чистые, бескровные жертвы, которые его радовали, и молил я его дать мне знак. В вещих снах и видениях он подарил мне его. До сих пор значение его оставалось для меня загадочным, но вот, когда пришел ты, я пал перед алтарем в странном забытьи, и ближайшее будущее стало для меня открытым. Теперь у меня нет больше сомнений. Ты — тот, кто вознесет Секиру Варуны.

С торжественной серьезностью рассказал он легенду.

— Нет! — принялся отбиваться Конан, на которого, против воли, произвел сильное впечатление рассказ. — Да нет же, я просто беспокойный бродяга, варвар, искатель приключений. Я был вором, бандитом, пиратом...

— И в один прекрасный день, если доживешь, станешь королем, — сказал Парасан. — Какой смертный не совершил ошибок? Согласно пророчеству, тот, кто вознесет Секиру, будет северянином, исполненным благородства и отваги. В предсказании ничего не говорится о том, что он должен быть святым и добродетельным.

Волнение изгнало последние колебания Авзара.

— Колдуны в Кеми должны были иметь основания считать Конана угрозой! — вскричал он. — Не Сэт ли персонально предостерег их, точно так же как Митра благословил знаком? Почему вообще эти черти приложили столько усилий для того, чтобы изловить обыкновенного пирата?

Парасан кивнул и откинулся назад белоснежные волосы.

— Да. И хотя я не колдун, я чувствую поблизости от нас чудовищные силы Зла. — Он выпрямился. — Но мы можем победить их, мы должны это сделать! Конан, прими свое предназначение. Это твоя дорога к свободе.

Киммериец прикусил губу. После того как он доставил Дарис домой, он намеревался вернуться вместе с Фалко к Крылатой Ладье, добраться до моря и там поставить парус, чтобы Ладья могла нести их дальше в открытые воды.

И все же — разве он не должен отблагодарить Дарис за ее верность, которую девушка сохранила, несмотря на безнадежность своей любви? И более того, ради Бэлит он должен мстить стигийцам. Кроме того, он поклялся мертвому Джихану, который спас его жизнь, что он раздавит змею каблуками. Имея один только пиратский отряд, он вряд ли сможет это сделать.

— Для тебя, который уже заслужил нашу благодарность, нет никакой угрозы, — спокойно сказал Парасан. — Но я клянусь нашим повелителем Митрой — и пусть он отвернется от меня, если я говорю неправду, — что человек, отвергающий возложенный на него священный долг... ну, не будет проклят, но, во всяком случае, оставлен богами. Никогда больше не узнает он чести, радости или любви. Да, Конан, очень может быть, что нашему делу не посчастливится, что ты падешь в чужой стране, но ты умрешь, выполняя свой священный долг, полный мира и внутреннего света. А если мы победим, ты, по крайней мере на срок, определенный богами, сможешь исполнить свое заветнейшее желание.

Раскаленными добела клинками пронзили эти слова сердце Конана. Пересохшими губами он шепнул:

— Где эта Секира?

По спине Авзара прошла дрожь.

— Ты готов поднять ее? — спросил Парасан.

Не в привычках Конана было колебаться. Все чувства, что бушевали в нем, улеглись, когда он с силой ответил:

— Готов, клянусь Кромом!

Дыхание со свистом вырвалось из груди Авзара. И снова Парасан кивнул и сказал серьезно:

— Так слушайте, вы оба: лишь один из многих жрецов Митры тайянского храма столетиями впоследствии стал пророком. Этот святой взял священный предмет, сокрыл его под своим одеянием и унес с поля боя, ибо слишком хорошо знал он, что стигийцы обыщут Тайю с одного края до другого в поисках этой вещи, настолько угрожающей для них она могла стать. Ее нужно было спрятать в таком месте, куда никому бы и в голову не пришло заглянуть.

Практический склад ума заставил Конана прервать верховного жреца:

— Почему же за все это время ни один колдун не выследил, где находится Секира? Если она и вправду с неба, какое-нибудь волшебство поиска должно было бы ее обнаружить, потому что она не такая, как земные вещи.

— Секира отражает любую магию, — объяснил Парасан. — Если бы, вопреки всем ожиданиям, какой-нибудь колдун нашел ее и попытался забрать, его собственные силы обратились бы против него и уничтожили бы его. Даже смертный на службе колдуна был бы отмечен этими силами, и ему пришлось бы не лучше. Обычный смертный, пусть даже просто искатель приключений, который по случаю наткнется на нее, или кто-то, кому поручили добыть ее чародеи, может взять это оружие себе, и с ним ничего не случится. Но никто не пошел бы к тому месту, где она скрывалась, просто так, ради приключения, и во всей Стигии не хватило бы золота, чтобы снарядить туда экспедицию.

Он сделал паузу и взглянул на Конана и Авзара.

— Потому что Секира лежит в Птейоне.

Авзар испуганно задержал дыхание.

— Святость пророка защищает ее и отгоняет всех демонов и гули, — продолжал Парасан. — Узнай, Конан, что Птейон — город, лежащий в руинах, невообразимой древности, он находится в восточной Стигии непосредственно на тайянской границе. Хроники сообщают, что его воздвигли ахеронцы тысячи лет тому назад, однако, согласно легендам — а они могут быть и правдой, — те лишь заняли этот город. Истинными создателями его были люди-змеи, уроженцы праисторической Валузии. Бесчисленные тысячелетия был этот город местом обитания черной магии и царства ужаса. Но во время правления седьмой стигийской династии пустыня подошла совсем близко и поглотила Птейон, и им пришлось оставить город. Волшебники перенесли свой центр в Кеми и остались в Птейоне чудовищных и отвратительных тварей, которых они создали или призвали сюда с помощью заклинаний, без присмотра. С той поры в руинах влачат свое существование жуткие нелюди, и никто не отваживается подойти близко.

Конан содрогнулся, и холодный пот выступил на его спине. Внутренне он застонал.

— Повторяю: ни один дьявол не имеет власти над Секирой, ведь Варуна получил ее из рук Митры, — сказал Парасан. Каждое слово пробуждало новый тайный ужас в обоих его слушателях. — Отважные, смелые люди, которые посмеют явиться в город с добрыми намерениями, могут надеяться, что им удастся выполнить свою миссию. Даже если они и не святые, каким был пророк, мое благословение все же может создать им некоторую защиту и поможет держать им свои сердца в чистоте, дабы никакое зло, исходящее изнутри, не могло бы

привлечь к ним зло, грозящее извне. Да, Конан, думаю, ты сумеешь добить Секибу.

— А потом? — услышал Конан собственное бормотание.

— Ну, затем ты поведешь за собой Тайю в битву, — ответил Парасан. К удивлению обоих своих слушателей, он вдруг громко рассмеялся. — А детали я лучше оставлю вам, потому что вы в этом смыслите куда больше жреца.

Какое-то время Конан и Авзар разговаривали по большей части вдвоем, а Парасан молчаливо внимал и лишь изредка вставлял слово. Наконец он попросил подробно рассказать о случившемся, то и дело задавая попутно вопросы, сделал несколько предложений и с удовольствием отметил, как в обоих возгорелось новое мужество.

Постепенно они перешли к стратегии. Детали плана должны были выработать утром, однако приблизительный план составили уже сейчас. С наивозможной большей скоростью, на какую только способны лошади, дорога от Турана до Птейона заняла бы примерно семь дней скачки, и все только потому, что большая часть пути пролегала по долине реки, которая давно уже пересохла и стала ручейком. Здесь жеребцы могли пройти куда быстрее, чем где-либо в стране. Конан должен взять с собой проводника и около сотни человек, на тот случай, если он по пути где-нибудь наткнется на препятствия. Кроме того, Авзар со своей армией двинется в путь на запад и по дороге наберет еще людей.

После своего последнего поражения генерал Шуат оставил половину своих сил для защиты Сейяна и нижнего течения Хелу. С остатками он отправился на север, по военной дороге, которая вела от резиденции наместника в Луксур. Авзар предполагал, что тот намеревается взять их в клещи — предположительно получив подкрепление из столицы. Но если бы Конан достал Секибу и вернулся со своими людьми, повстанцы тоже получили бы значительное подкрепление и могли задать настоящего жару стигийцам.

Конечно, у короля Ментуфера все еще оставались большие резервы, и потеря одной армии вряд ли обуздаст его амбиции. Но об этом можно будет позаботиться позднее. Конан уже успел набраться достаточно опыта, чтобы знать: даже самый хорошо продуманный план битвы может рухнуть еще перед началом боя.

Внутренне взволнованный, он наконец поднялся, чтобы немного успокоиться.

— Вы позволите мне проводить вас к храму? — обратился он к Парасану.

— Нет, благодарю, — отклонил его предложение верховный жрец. — Ничего страшного. Хоть ты и избран Митрой, но его мистерии чужды тебе. Я считаю, будет лучше, если Авзар и я еще немного помолимся в тишине и покое.

Киммериец почувствовал себя оскорблением и не ощущал никакой потребности в том, чтобы его обратили в новую веру. На его взгляд, Кром был значительно менее взыскательным богом. Со словами «доброй ночи» Конан вышел в темноту.

Хотя звезды светили ярко, его глазам потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к ночному мраку. Он видел, как его дыхание заклубилось белым туманом и...

Что это было — поднявшееся с земли, словно сидевшее вплотную к палатке Авзара? Орел? Нет, вряд ли. Орлы неочные птицы, кроме того, они избегают человеческого жилья. Так что это какая-то другая большая птица.

Ему не следовало забывать, что он находится в чужой стране, и оставлять без внимания случайную встречу с неизвестным существом. И он пожелал себе не быть таким чертовски честным — человеческое тепло Дарис было бы ему сейчас так кстати. Конан поспешил к своей одинокой палатке.

Не зная устали, благодаря своей магии летела Рахиба сотни миль, быстрее, чем любая птица. Второй рассвет был близок, когда она увидела внизу Луксур и спустилась ниже.

На крышу храма Сэта, чья верхняя ступень была увенчана ограждением в виде змеи, опустилась она, проникла внутрь сквозь отверстие в стене и приняла свой человеческий облик. В одеянии из перьев она спустилась вниз, в покой, предназначенные для посвященных Черного Круга. Здесь обдумывала она свои планы и отдыхала до позднего вечера. Затем послала нарочного к королю с заранее условленным знаком, который обеспечивал тому немедленный допуск к монарху, и письменной просьбой о приватной аудиенции. Просьба была чистой воды вежливостью, она могла бы предстать перед королем и не докладывая. Это монарх знал слишком хорошо и немедленно отоспал ей формальное приглашение.

В назначенное время она отправилась на площадь ко дворцу, облаченная, согласно своему рангу, в одежды и корону верховной жрицы. Дабы подчеркнуть важность своего визита, она отправилась не пешком. Она качалась в носилках, которые плыли над землей без носильщиков и колес на высоте трех футов. Исполненные благоговения и втайне перепуганные стражники низко склонились перед ней. Они внимательно следили за тем, чтобы не подходить к носилкам слишком близко, после того как те опустились на мраморный пол. Рахиба вышла и приказала одному из лейб-гвардейцев проводить ее во дворец.

Он привел ее в маленькое, но роскошное помещение. Искусная живопись, изображавшая охотничьи сцены, украшала его стены. Мебель была украшена роскошной резьбой и позолочена. Ментуфер пригласил ее садиться и сам наполнил для нее серебряный кубок вином.

— Надеюсь, госпожа, верховная жрица Дэркето, дозволит присутствие моего перворожденного сына, — сказал он. — Я хотел бы, чтобы он тоже ознакомился с вашими известиями, ибо это относится к делам управления государством.

Рахиба пожала плечами.

— Если это угодно вашему величеству, — ответила она, решив сохранять вежливость.

Хотя Ментуфер, без сомнения, втайне испытывал страх перед ней и другими высшими магами, но он был чем угодно, только не слабаком — прошло много поколений с тех пор, как у стигийцев был такой волевой монарх. Это был рослый человек, и туника простого покроя скрывала его сильные мускулы так же мало, как и бесчисленные шрамы, которые он заработал во многих сражениях. У него было грубое, обветренное лицо, нос сломан, глаза мерцали металлическим блеском. Он всегда, даже при церемониальных одеяниях, носил на бедре меч. Несмотря на свой благоговейный ужас перед ведьмой, он даже не пытался скрыть вожделеющий взгляд, которым он взирал на ее красоту. Они уже не раз делили ложе.

— Да, с вашей стороны было очень мудро привести сюда крон-принца. О король, да живите вы вечно. Но только боги знают, что принесет нам следующее утро, а я несу с собой дурные известия.

Ктесфон, крон-принц, стройный, уже не вполне молодой человек, беспокойно поерзают в кресле.

— Господин мой отец, — сказал он, — должны ли мы пригласить сюда также вашего советника? Речи мага зачастую загадочны — простите, госпожа, пусть это не прозвучит невежливо, — а несколько голов скорее найдут решение.

— Я просила о приватной аудиенции, — напомнила Рахиба резко. — Многое из того, что я доложу его величеству, не предназначено для других ушей. Из предосторожности, ваше величество, дабы страх не сковал сердца стигийцев.

Ментуфер бросил на сына взгляд, полный сомнения, однако затем решил все же не отсылать его. Ктесфон, правда, никогда не делал тайны из своего мнения, что присоединение царства с помощью оружия было глупостью, но поскольку он не мог склонить своего отца к обратному, он занимался всякими другими делами, как подобает хорошему сыну. Он охотился на львов в своих боевых колесницах, исследовал тайные науки, от которых содрогалась воинственная душа

Ментуфера, и даже осмеливался переписываться с сосланным соперником Тот-Аписа Тот-Амоном.

— Говорите дальше, — проворчал король.

— Ваше величество знает легенду тайянцев о Секире Варуны?

— Бабы сказки! — фыркнул Ментуфер. Ктесфон, напротив, слушал чрезвычайно внимательно.

— Хотели бы мы, чтобы это было так, — возразила Рахиба. Она рассказала о том, что произошло, — однако так, чтобы сохранить достоинство свое и Тот-Аписа, — и о том, что ей удалось выследить. — Боюсь, что обычным способом не удастся достигнуть Птейона, опередив Конана, — заключила она. — А если мы отправим туда кого-нибудь с помощью магии, то нам не удастся послать туда достаточно большой отряд, который справился бы с эскортом Конана, — во всяком случае, за такое короткое время, какое нам осталось. А маленький отряд будет очень быстро уничтожен.

— Клянусь щупальцами Сэта! — Король ударил кулаком по ручке кресла. — Какой-то болван — избранник Митры? Если владыка солнца не нашел никого лучше этого Конана, то нам вообще не стоит беспокоиться.

— И все же, отец, — возразил Ктесфон. — Только подумай, что уже совершил этот варвар — притом не имея никакого сверхъестественного оружия!

— Да, — поддержала его Рахиба, — ваше величество, ваше колебание может стоить нам потери целой провинции, которая затем будет представлять для нас постоянную угрозу, будучи нашим вооруженным врагом. И что тогда станется с вашими завоевательскими планами? Соберите все силы, какие только сможете за такое короткое время, и возмите на себя командование лично — оставьте на это время представлять королевскую власть своего сына — потому что только ваше личное присутствие может вселить в солдат мужество, безразлично, против какого врага они выступят. Направляйтесь непосредственно на юго-восток и подавите повстанцев. Тем временем мы, служители Сэта, позаботимся всеми имеющимися у нас средствами, чтобы Секира осталась лежать на месте. Но не отчаивайтесь, если Конан все же получит ее в руки, потому что у нас все же остаются и другие возможности. Тем или другим образом мы с вашей помощью на этой земле, о король, победим нашего врага на небе.

— Да будет так! — рявкнул Ментуфер.

В крипте под храмом Сэта мерцало голубоватое пламя свечи. На столе в тени стены стоял стеклянный сосуд, сделанный в форме материнской утробы. Там плавало, прижимая голову к коленям, бледное, еще не полностью сформировавшееся и нерожденное дитя.

Рахиба вошла в помещение. Послушник, стоявший на страже, бросился перед ней на пол.

— Ступай! — велела она ему, и он отполз на коленях назад, к двери.

Ведьма склонилась над стеклянным сосудом. Она уставилась в бледное лицо, описала несколько знаков и пробормотала пару слов. Гомункул задвигался. Боль исказила его еще не выраженные черты. Из маленького горла поплыли слова, сопровождаемые пузырьками воздуха.

— Кто зовет меня? Чего хочешь ты?

— Я, Рахиба, зову тебя, — прошипела верховная жрица. — Внимай моим словам, Тот-Апис, и оставь все прочее. Я не стану утверждать, что близятся сумерки богов, но совершенно определенно, настали времена, когда бык и змея вновь схватятся в единоборстве.

Преодолевая расстояние в множество миль, заговорил чародей с помощью маленького чудовища:

— Говори, что ты узнала.

Она повиновалась. Наконец она настойчиво сказала:

— Судьба еще висит на волоске — и так будет продолжаться, покуда жив Конан. — Она

царапнула ногтями воздух. — Но так не должно оставаться долго. Нам требуется могущественная магия, чтобы остановить его. О господин, не скрывайтесь больше в своем доме. Поспешите, надев крылья дракона, и приготовьте ваши чары. Тем временем я вернусь, чтобы следить за Конаном и применить волшебство, как только он или его товарищи проявят слабость. Именно так удалось моей предшественнице пятьсот лет назад поразить того, кто последним касался Секиры. Встретимся в Птейоне, господин. И там мы — вы и я — уничтожим Конана!

Глава шестнадцатая

Путешествие к проклятому

Камни щуршали под копытами. Кровавое солнце на западе жгло и без того больные от пыли и пота глаза. Стены ущелья, по которому они ехали, отражали свет и палили их немилосердной жарой. С каждой милю, которую проходили тайянцы, красные склоны становились все более низкими, менее отвесными и менее изрезанными. Но пустыня, к которой они приближались, не была приятной местностью. То и дело им казалось, что впереди они видят воду, но это был лишь мерцающий песок, и после этого жажды мучила их еще сильнее.

Почти все всадники без исключения молчали, погоняя своих лошадей. Кафтаны и бурнусы, которые должны были защитить их от безжалостного солнца, повисли, пропитанные потом, на их тощих тела. Копья качались в такт ударам копыт, и их наконечники блестели. Хотя люди не были друзьями этой безотрадной пустыни, они страдали меньше, чем их вождь из северной страны, вообще не привыкший к подобному климату.

Несколько футами позади него Дарис натянула поводья и остановила свою лошадь возле Фалко.

— Как дела, друг? — спросила она. — За весь путь ты еще ни разу рта не раскрыл.

Офицер пожал плечами, однако даже не повернул лица, прохрипев пересохшим горлом;

— А о чём еще говорить?

— О целой куче вещей, — мягко отозвалась она. — Мы можем о многом побеседовать. О наших надеждах, мечтах, воспоминаниях — даже о наших страхах, если это поможет их преодолеть. Ты был до сих пор всегда таким оживленным, Фалко. Что гнетет тебя? То, что завтра мы будем в ужасном Птейоне?

— Я не боюсь! — вспыхнул он. — Я пошел с вами по доброй воле.

— Как и я. Но, в конце концов, Конан — мой повелитель, пока он... пока он и Митра того хотят. С тобой все обстоит иначе. Тебя никто не счел бы трусом, если бы ты вместо этого отправился с моим отцом, как это сделали Сакумба и его люди, и твоя помощь была бы ему также кстати, как и Конану.

— Только ради добычи поехал с ним Сакумба! Ты хочешь поставить меня на одну доску с этим дикарем?

— Я думаю, что в его сердце живет нечто большее, чем просто жадность, Фалко. Думаю, любовь к Бэлит — вот что можно там найти, и воспоминание о ее родителях, так же как желание отомстить стигийцам за вероломное нападение. — Дарис остановилась. — А ты последовал за Конаном, потому что в глубине своего сердца тоже считаешь его своим повелителем, за которого ты с радостью отдал бы свою жизнь. Разве я не права?

Руки Фалко, сжимавшие поводья, стиснули их так, что косточки побелели, однако он не ответил.

— И все же каждый день что-то гнетет тебя больше и больше, — проговорила Дарис. — Почему? Если бы ты доверился своим друзьям, они, возможно, могли бы тебе помочь.

— О, у Конана довольно забот, — вырвалось у юноши. — А тайянцев я почти не знаю.

— Ты знаешь меня, — сказала Дарис и ската его руку. — Нашему знакомству не так много времени, но после того, что мы пережили вместе, оно должно стать глубже, чем иная дружба. Ты не хочешь открыть мне сердце? Ведь когда душа со всех сторон окружена тенями, позвать на помощь друга — это почти то же самое, что крикнуть о помощи, когда со всех сторон теснят

вражеские клинки.

Взволнованный ее участием, он решился:

— Так ведь ты сама и есть причина!

Ее темные глаза расширились, хотя на бронзовом лице показалось скорее сочувствие, чем удивление.

— Как так? — спросила она. — Я вовсе без намерения спросила, клянусь.

— О, я... ты... — Гордость и потребность высказаться боролись в нем. Его щеки, загоревшие под палящим солнцем, покраснели еще сильнее. — Ну хорошо, — сказал он наконец, избегая ее взгляда. — Ты пошла с нами, единственная женщина в отряде, и все ради Конана. Я не могу не видеть, как твой взгляд все время обращается на него и замирает, как часто ты находишь повод поговорить с ним, как бы ни был он занят с тех пор, как мы оказались в этой дьявольской стране. О, я вовсе не ревнив, но ты прекрасная женщина, Дарис, и — и ты напоминаешь мне Сенуфер, которая тоскует по мне в Кеми, в то время как я тоже жажду ее... — Он бессильно сжал кулак на луке седла. — Слишком часто вижу я ее перед собой, и слишком живой предстает она моему взору. По ночам я не могу спать, а целый день проходит передо мной в мечтаниях. И все время слышу я ее милый голос, шепчущий мое имя, пока я не начинаю дрожать, как арфа на ветру, — Сенуфер, Сенуфер, Сенуфер...

Он глубоко вздохнул и попытался успокоиться.

— Мне очень жаль, — он глотнул, — я не то сказал. Ты вовсе не виновата, Дарис, но я тоскую по ней так сильно — сильнее, чем ты можешь представить.

Он не заметил, что в ней тоже происходит внутренняя борьба, и она очень быстро вновь взяла себя в руки. Она направила лошадь к нему поближе, пока их колени не соприкоснулись, затем положила ладонь ему на плечо и мягко сказала:

— Благодарю, Фалко. Теперь я немного понимаю — по крайней мере, знаю, что тебя мучает. Не запирай этого в своей груди, покуда оно не взорвется и не унесет наводнением твоё истинное «я». Говори со мной, если ты больше никому не хочешь доверять. Рассказывай мне все, что происходит в твоем сердце. Позволь мне помочь тебе пережить это время ожидания и тоски и увидеть тот день, когда ты сможешь начать свою жизнь сначала. Позволь мне пробудить в тебе эту надежду и поддерживать ее.

Конан, который бросил короткий взгляд через плечо, увидел обоих так близко, и внезапно в нем поднялась непонятная дикая ярость.

Расселина раскрылась, и перед путниками предсталася бесконечная пустыня и багряные дюны. Гребни песчаных барханов заскрипели под копытами. Ветер взвивал пыль, которая забивалась в нос и глаза.

Когда солнце приблизилось к горизонту и тени выросли до титанических размеров, к Конану подошел Тирис, проводник. Прежде Тирис сопровождал караваны, проходившие этой дорогой.

— Лагерь надо разбить здесь, — посоветовал он. Он указал на пурпурные скалы в отдалении. — Если верно то, что мне рассказали, когда я проходил здесь с караваном, то мы находимся самое большое в четверти дня пути от Птейона.

Лагерь быстро разбили. Лошади благодарно фыркали и ржали. Люди позабочились о них, дали им немного из скучных запасов воды, сняли тюки с провизией, стреножили и привязали, прежде чем развести костры и разложить одеяла. Тайянцы были, несмотря на внешнюю гордость, добродушными людьми, однако теперь они выглядели серьезными и если и разговаривали вообще, то только приглушенными голосами. Многие отошли от лагеря в сторону, чтобы помолиться, принести в жертву воды или створить какое-нибудь маленькое охранное волшебство.

Конан бродил вокруг, чтобы проверить посты. Много раз он бранил часовых за беззаботность, хотя ему и самому было ясно, что они этого вовсе не заслужили, и некоторые огрызались в ответ. Он сам не понимал, что вынуждает его делать это.

В стороне от лагеря на фоне заката выделялись два черных силуэта. Дарис и Фалко стояли друг против друга, держались за руки и были глубоко погружены в разговор. Спустя какое-то время они ушли по другую сторону дюны и пропали с глаз Конана.

Несколько минут Конан задавался вопросом, не могут ли недовольство и раздражение, мучившие его уже несколько дней, иметь определенные причины. Но какого сына ледяного севера не сделала бы раздражительным эта отвратительная, жаркая пустыня? Он перенес уже немало испытаний, но ни одно так не допекало его, как эта поездка. Ему казалось, будто нечто вроде вампира высасывает его силы и выносливость. Но должен ли он жаловаться на это, пусть даже самому себе? Все это были лишь тяготы тела, а до сих пор он никогда не позволял подобным вещам побеждать себя.

Нет, было нечто большее. Хотя прежде ему приходилось довольно часто долго обходиться без женщины — как сейчас, когда он оставил Бэлит, — ему никогда еще не приходилось так худо, как теперь. И надо было этой твердолобой Дарис навязаться в это путешествие и постоянно мелькать у него перед глазами. Она что, не видит, какое пламя раздувает? Не будь рядом ее земляков, которые этого вообще не захотели увидеть, он бы просто позабыл о всякой деликатности и попросту изнасиловал ее. Клянусь Дэркето! Он же может увести ее в сторонку и сделать это! И вот теперь она принялась обрабатывать этого офитского тюфяка. Чем он заслужил такое?

Ха, даже если у нее только это в голове, она все равно придет и будет ужинать одна. И он тоже проголодался.

Конан уселся на место, приготовленное для него и Фалко. Во время всего путешествия они ели вместе, и их одеяла были расстелены не так далеко друг от друга. Человек, который приготовил все для них и разложил костер, поднялся и с приветствием отошел в сторону. Конан насадил на кинжал сущеное мясо, лук и перец, все это некоторое время поджаривал над огнем, прежде чем попробовать. К этой трапезе он добавил глоток теплой воды с неприятным привкусом из своей кожаной фляги. Надвигалась ночная прохлада, и он натянул на плечи плащ. Спать ему не хотелось, но не было настроения и искать общество, так что он остался сидеть один, погрузившись в свои мрачные думы, и Бэлит была так недосягаемо далека от него. Сумерки сгостились, пала ночь, и звезды во множестве высипали на небосклоне.

Под босыми ногами заскрипел песок — вернулась Дарис. Конан бросил на нее взгляд. Она высыпалась над ним неясной тенью.

— А, наконец-то, — проворчал он. — А где Фалко?

— Ему захотелось побывать немного одному и подумать, — ответила она.

— Общались? Да, это можно назвать, без сомнения, и общением.

— Что ты хочешь этим сказать? — Она уселась напротив него, и огонь костра отразился в ее глазах.

— А что ты вообще думаешь? — резко отозвался он. — О, я знаю, у меня нет никаких прав на тебя. Ты можешь делать все, что тебе нравится.

— Конан!

Еще никогда он не слышал такого ужаса в ее голосе, никогда не видел у нее такого лица. Она вскинула руки, словно обороняясь от удара.

— Но ты ведь не думаешь. Как ты мог?

— Ты, вероятно, вообразила, что я слепой? Он смазливый мальчишка, в то время как я в последнее время не был приятным компаньоном. Я же тебе сказал, ты можешь вытворять все,

что вздумается. Теперь ешь. Я иду спать.

— Но я люблю тебя! — Дарис подавила рыдание и вновь взяла себя в руки. Спустя несколько мгновений она сказала тихо, но твердым голосом, глядя ему в глаза: — Выслушай меня. Клянусь Митрой: не случилось ничего, о чем нельзя было бы рассказать всем и каждому, если не считать братского поцелуя в самом конце. Фалко и я действительно только разговаривали. Тоска по этой Сенуфер из Кеми гложет его.

— По Рахибе, ты хочешь сказать, — язвительно поправил Конан. — Фалко болван.

— В том, что касается твоего мнения насчет того, что «Сенуфер» всего лишь другое имя этой ведьмы, я молчу, потому что это оттолкнуло бы его от меня. Нет, я заставляю его говорить о ней, что мне не трудно сделать. После того как он раскрыл мне свое сердце, часть тяжести спала с его души, и я могу говорить с ним о будущем, которое ждет его. Он, конечно, все еще не свободен от этой женщины, но, по крайней мере, я придаю ему новое мужество. Думаю, сегодня ночью он будет хорошо спать и завтра сможет собрать все силы, если это понадобится. И это все, что произошло между нами, Конан, — хотя мои мысли на этом не заканчиваются.

— Хотел бы я тебе верить, — сказал он с наигранным равнодушием.

Она посмотрела на него с искренним беспокойством:

— Конан, что происходит? Какое колдовство вступило в силу? В эти несколько дней ты совсем изменился: раздраженный, на всех кидаешься. Это так не похоже на тебя. Дай не в характере Фалко власть в жалость к самому себе, пока он не превратился в почти бесполезное существо. Вы одержимы демонами пустыни?

Ее мысли помчались вперед, и она не заметила, что его дурное настроение становится еще отвратительнее.

— Нет, — пробормотала она и задумчиво взглянула на звезды, — только не это, иначе вы бы просто не смогли ехать дальше. Но какой-нибудь черный маг наверняка использовал ваши слабости, углубил их: его слепая влюбленность, твоя злоба на эту страну, на климат, не подходящий для твоей расы. Да и... и, без сомнения, твоя тоска по Бэлит. Увеличивая подобные настроения, чародей мог сделать их непереносимыми. — Ее взгляд вновь обратился на Конана, и голос зазвучал звонче: — Если я права, то это колдовство можно и оборвать. Фалко освободится с моей помощью. Позволь мне также помочь тебе, любимый.

— С чего это ты расстаралась? — взорвался Конан. — Я раздраженный, на все кидаюсь и slab, не забыла?

В темноте он увидел, как она вздрогнула. И в тот же миг он пожалел о своем обращении с ней, ему захотелось заключить ее в объятия, попросить прощения. Но прежде чем он успел раскрыть рот, победила гордость Дарис.

Дочь Авзара поднялась и сказала:

— Поговорим об этом после, если захочешь. А теперь лучше спи, как ты хотел. Доброй ночи.

Она взяла свое одеяло и ушла в ночь.

Конан долго лежал без сна и думал о том, что он хотел сделать. Но, вероятнее всего, они бы только спорили всю ночь напролет, в то время как ему необходимо быть утром свежим и отдохнувшим. Ох уж эти женщины!

Полуденное солнце раскалило небеса, как печь, а земля под ногами превратилась в кузнецкий горн. Воздух мерцал, дюны издали казались мигающими на ветру факелами. Ни малейшего ветерка, только ужасное пекло. Удары копыт, скрип седел и звяканье металла терялись в бесконечной тишине, как отдельные капли дождя в проливном дожде.

Конан прищурил глаза, желая разглядеть, что же лежит впереди. Обжигающее солнце, зеркало света и даль превращали пейзаж в нечто нереальное, словно во сне. Волны песка

громоздились почти на высоту остатков городских стен. Там, где стена была разрушена или осыпалась, он видел развалины домов из черного камня и, несмотря на разрушения, по их форме мог догадаться, что построила их некогда нечеловеческая рука: они казались слишком низкими и узкими, их стены соединялись под необычными углами, прикрытыые странно искаженной крышей. Легенды рассказывали, что город по большей части лежит под землей, и эта подземная часть, как предполагают, населена до сих пор. Еще стояли отдельные монолитные сооружения и кое-где высались колонны, неприятно неправильной формы, по одной и целыми группами. В центре города громоздилась доисторическая гробница из таких гигантских черных блестящих каменных плит, что невозможно было представить, как их перемещали и смогли сложить в это сооружение.

Там, как объяснил Парасан Конану, ждет его Секира Варуны. Несмотря на свое плохое настроение и варварский первобытный ужас перед сверхъестественным, который он успешно скрывал под суровым и мрачным выражением лица, сердце Конана забилось сильнее. Он вытащил из ножен свой меч и взмахнул им так, чтобы видели все.

— Вперед! — взревел он и погнал лошадь галопом.

Его люди испустили боевой клич и помчались следом. Их тоже мучил потаенный страх перед сверхъестественным, но каждый из них вызвался в этот поход добровольно, и если не оставалось ничего другого, то по крайней мере честь клана требовала от них мужества.

Когда отряд приблизился к городу, поднялся ветер. Он свистел над бескрайней пустыней, трепал одежду, затруднял дыхание. Пыль поднялась клубами, и маленькие песчинки проникали в рот даже сквозь плотно стиснутые зубы.

С невероятной быстротой поднялся над горизонтом черный туман и свился в густое облако. Солнце, до сих пор лучистое и светлое, окрасилось багрянцем, потемнело и исчезло. Тьма скрыла город. Песок, несомый ураганом, бил Конана по щекам, мешал дышать, пока он не додумался натянуть капюшон своего бурнуса на лицо, оставив щелку только для глаз. Лошади спотыкались и ржали от боли. Конан безжалостно погонял жеребца, потому что, если ничего другого не остается, думал он под завывание урагана и визг летящего песка, он должен, по крайней мере, найти укрытие от этой непогоды, а где еще спрятаться, как не в Птейоне?

Расплываясь в черноте, показались справа и слева развалины городской стены. Он направил лошадь в отверстие между руинами. Хотя древние стены и помогли укрыться от ветра, но воздух и здесь был жгучим, а черно-красная мгла еще гуще. Черными тенями встали перед ним два дома, которые он приметил еще издали. Взгляд через плечо — и он увидел, что люди идут за ним, но разглядеть он смог только первых. Однако Конан не сомневался, что и остальные идут за ними. Ветер завывал.

Нет — это совсем другой звук! Конан повернулся в седле и увидел то, что выступило из мрака.

Глава семнадцатая

Секира

Сначала это выглядело так, словно из глубин города близился отряд, идущий странным слитным строем. Конан невольно спросил себя, как им удалось прийти так быстро, особенно когда самый ближайший стигийский город дальше отсюда, чем Туран. Он натянул поводья и сделал своим людям знак подойти, спешиться и подготовиться к битве. Горцы не имели своей кавалерии, и поэтому у них не было никакого опыта в битве на конях. Сам Конан остался в седле и сделал Фалко знак поступить так же. Оба их коня были захваченными у врага боевыми жеребцами. Двое умелых бойцов верхом могли совершить немало, сражаясь против пешего противника.

Снова заскрежетал рог, необычного тембра для музыкального инструмента, звук которого пробрал Конана до костей. Но звук этот исходил не от неприятеля, он шел с высоты. Варвар бросил взгляд наверх. Сквозь клубящуюся пыль, которая не позволяла видеть дальше нескольких футов, Конан, как ему почудилось, увидел, как движется еще более глубокая черная тень, похожая на могучие крылья.

Чужаки подступали. Теперь Конан мог лучше разглядеть передние ряды. Он замер, когда страх стрелой пронзил его сердце. Дарис, которая тоже еще сидела в седле, подавила вскрик. Фалко призвал своих богов. Тайянцы закричали.

Вражеский отряд состоял не из живых людей, но из высушенных трупов. На некоторых были архаические шлемы и доспехи поверх черной пергаментовой кожи, но большинство были облачены только в обрывки своих прежних смертных саванов. У многих были обнажены кости. Провалившиеся лица были неподвижны и лишены выражения. У них уже не было глаз, и они казались немыми и слепыми. Сердца не бились о грудную клетку, легкие не вдыхали воздуха.

Отряд был вооружен короткими мечами древней формы или копьями, острия которых тоже были сделаны в непривычной манере. Металл был изъеденной коррозией зеленой бронзой. В целом этих трупов было добрых две сотни. Единственный звук, который они издавали, был звук их шаркающих шагов.

— Духи! — застонала Дарис. — Склепы Птейона выплюнули своих мертвецов и погнали их против нас.

«Да, — бегло подумал Конан. — В этой отвратительной темноте могут явиться любые ужасы. Но кто затемнил небо, прежде чем призвать их? Как мог кто-то в Стигии разведать планы тайянцев?» — И второй раз пронзил его ужас, когда он вспомнил то, о чем давно уже забыл: орел возле палатки Авзара!

Тирис, проводник, завопил:

— Митра, прости меня за то, что я ступил в это нечестивое место!

Конан слышал, как в ответ поднялось бормотание его воинов. Он бросил взгляд через плечо. Хотя они и построились, их боевые ряды колебались. В каждый момент мог заорать какой-нибудь паникер, и тогда вспыхнет паника и все они в слепом ужасе убегут в пустыню.

Рог над бурей хохотал.

Конан и сам не смог бы сказать, не чистое ли отчаяние прогнало его страх, или же то был вскипающий гнев, который рос в нем за время этого путешествия и теперь нашел выход. Ярость боя наполнила его. Он поднял жеребца на дыбы.

— Кром! — загремел он. — Бэлит! Бэлит!

Один из трупов в переднем ряду швырнул в него копье. Острие скользнуло по его кольчуге и пропороло кафтан. Он отбил копье в сторону и надвинул жеребца на этот противоестественный отряд. Он наклонился вперед. Меч сверкнул в его руке. Он почти не ощущал сопротивления, как это бывает при живой плоти, когда клинок перерубил шею. Голова пролетела по воздуху и покатилась по земле. Труп, однако, не упал. Он тупо шел вперед, точно обезглавленное насекомое, и снова заносил копье. Он даже не кровоточил.

Конан поднял коня на дыбы, и когда копыта поднялись в воздух, они раздробили скелет, который превратился в содрогающуюся бесформенную массу. Он ударил по шлему. Разъеденный временем металл рассыпался. Клинок скользнул и ударил по заплесневелой шее. Голова косо повисла, а ее владелец был вокруг себя оружием. Конан отсек ему руку с мечом.

Фалко собрал свое мужество и теперь тоже помчался в пекло. Его сабля крутилась. Дарис, которая не имела опыта в такого рода рукопашной, тем не менее оставалась в седле и наносила удары своим копьем.

Но мертвецы не были слабыми противниками. Хотя они двигались медленно и беспомощно, но они не ощущали боли, не теряли крови и могли быть выведены из строя только после того, как им переломают все кости. Поэтому, окруженные со всех сторон, лошади уже получили множество ран, и их всадники тоже были легко задеты. В любой момент их ожидало и худшее.

Между тем большая часть отряда мертвецов промчалась мимо них и набросилась на тайянцев.

— Прорываемся! — крикнул Конан Фалко. Они ударяли вокруг себя мечами, и их лошади были копытами по всему, что только попадалось им на дороге. Нежити не преследовали их, они занялись битвой с тайянцами. Позади остались разбросанные части тел.

Втянув воздух сквозь складку бурнуса, Конан, насколько мог, задержал дыхание. Он приложил ладонь к глазам и посмотрел на поле боя. Гремели мечи, звенели крики, текла кровь, и павшие тайянцы не могли сражаться, как бились их мертвые противники. Но они хорошо держались. И теперь они пытались победить завывающий ветер и скрежещущую красную пыль боевым кличем своего клана. На примере Конана они увидели, что сильная рука и мужественное сердце могут победить даже этот кошмар.

— Нападем на них с тыла? — спросил Фалко с глазами, сверкающими радостью боя.

— Нет, — решил Конан. — Нас будет всего на двоих больше, и мы не знаем, какую еще чертовщину задумал наш враг. Надо использовать шанс и поискать секиру прямо сейчас. Если Парасан не заблуждается, это оружие, которое можно вытащить даже из преисподней.

Дарис подъехала к ним.

— То есть мы трое будем ее искать, — сказала она.

Ее молящий взгляд спрашивал: «Могу ли я и дальше быть твоим товарищем?»

Конан покачал головой:

— Нет, будет лучше, если ты останешься здесь и вдохнешь в людей мужество. Кто-нибудь из них заметит, что Фалко и я исчезли, и это может лишить их воли и привести к панике. Но если они увидят, что ты сражаешься, что ты их принцесса, поставленная самим Варуной, они вновь обретут силы. Понимаешь?

Боль обожгла ее. Она сжала губы, но кивнула:

— Пусть Митра хранит тебя и Фалко. — Больше она не смогла вымолвить ни слова и отъехала прочь.

Конан кратко поглядел ей вслед, прежде чем резко повернулся к Фалко:

— В дорогу.

Они поскакали к городу. Вскоре шум битвы остался позади.

Черные стены стояли по краям наполовину рассыпавшейся в прах улицы. Хотя они были низкими и покосившимися, все же это была дополнительная защита от ветра, и таким образом люди могли видеть чуть-чуть дальше и дышать чуть-чуть легче. Но ржаво-дымный воздух оставался все еще не светлее, чем в лунную ночь, когда по земле бродят демоны. С обнаженным клинком в руке скакали Конан и Фалко к огромной гробнице, руководствуясь больше памятью и умением интуитивно ориентироваться, чем зрением.

— Я слышал, — сказал офирец, — что после того, как живые оставили Птейон, этот город множество поколений использовали как некрополь.

Конан мельком подумал о том, кем были при жизни те люди, чьи мертвые тела он разрубил. Смеялись ли они, любили ли женщин и выпивку, растили детей, беспокоились, мечтали о бессмертии? Были ли их трупы не более чем простыми орудиями чародеев — без сомнения, Тот-Аписа, — или в их телах все еще обитали пленные души?

Впереди по левой руке зияла пасть портала. Почти слаженный временем, но все еще различимый, узнаваемый, был вмурowan над ним в камень человеческий череп неестественно огромных размеров. Внезапно Конан с проклятием натянул поводья.

Из этого портала валили фигуры.

Как черви из сгнившего мяса извивались они, покуда их не стало так много, что они преградили дорогу, сбившись в три или четыре ряда. Конан непроизвольно глотнул, и ледяная дрожь пронизала его. В чем-то эти голые серокожие твари напоминали людей, но их неправдоподобно длинные руки заканчивались большими когтями, и многие из них предпочитали перемещаться на четвереньках, подобно шакалам, рыскающим возле могилы. Звериными казались их безволосые головы с острыми ушами, свиными пятаками и клыками — и глазами, горящими, точно уочных птиц. Они таращились, роняли слону, бормотали, нетерпеливо рылись в песке и ждали, вывалив черные языки.

— Гули! — простонал Фалко.

Мяса каких мумий было довольно для того, чтобы бесконечные годы поддерживать жизнь этих тварей?

Фалко сделал солнечный знак дрожащей рукой и забормотал молитву пересохшими губами. После этого он сумел лишь спросить:

— Н-не вернуться ли нам назад? М-может, попробовать другой путь?

Конан подавил ужас и отвращение.

— Нет! — прошел он сквозь зубы. — Эти дьявольские руины, без сомнения, кишат кошмарами, и мы всего лишь наткнемся на других тварей, которые будут ничуть не лучше, а то и попаршивей. Кроме того, мы запросто можем заблудиться. И в любом случае нельзя терять времени. Будем пробиваться здесь.

— Боюсь, одного укуса или царапины этих пожирателей падали будет довольно, чтобы заразить нас смертельной болезнью...

— Ну так смотри, чтобы им этого не удалось. — Конан ударил лошадь пятками и взмахнул мечом. — Кром! — взревел он.

Фалко тяжко глотнул и галопом помчался рядом со своим спутником. Гремели копыта, ржали лошади, раздавался боевой клич Конана. Гули выли и скрежетали.

Всадник ворвался в свору нечисти. Меч Конана со свистом опустился на отвратительный череп. Сила удара отдалась в плече, и киммериец увидел, как брызнула чернильная кровь. Но, судя по всему, он промахнулся и не попал в узкий лоб твари, потому что она не издохла, а лишь упала, визжа и колотясь о землю.

Один гуль набросился слева, чтобы схватить Конана и выбросить его из седла. Удар левой руки киммерийца разбил плоский нос нападающего и швырнул гуля под лошадиные копыта,

которые его растоптали. Снова и снова гнусные твари теснили коня. Их завывание, визг, скрежет заглушали шум бури. Конан без передышки заносил меч, размахивал им во все стороны. Его боевой жеребец пронзительно заржал, когда когти впились в его бок, и забился еще более яростно и дико. Совсем близко свистела сабля Фалко, разрубая и протыкая тела. Большой щит прикрывал левый бок офицера от наскакивающих на него кошмарных существ. Его конь тоже поднимался на дыбы, бил копытами, кусался, громко ржал.

И вот всадники прорвались сквозь неровные ряды. Промчавшись около дюжины футов, они остановились и бросили взгляд назад. Гули безмозгло лезли друг на друга. Некоторые уже набросились на мертвых и рвали их зубами. Конан ураганом понесся на них. Его львиный рев эхом отозвался в руинах. Охваченные паникой,очные твари обратились в бегство и возвратились в Дом Мертвой Головы. Своих мертвцевов и визжащих раненых они оставили.

Киммериец и Фалко бок о бок поскакали дальше.

— Я подумал, будет лучше прогнать этих стервятников прежде, чем они успеют забыть урок, который мы им преподнесли, — сказал он. — С тобой все в порядке?

— К счастью, им ни разу не удалось даже коснуться меня, — ответил Фалко. — Благодарение милостивым богам. А ты как?

— Как и ты.

— Я боюсь только за наших бедных лошадей.

— Они пронесут нас еще какое-то время. Если их раны воспалятся так сильно, что они не смогут больше идти, нам придется нанести им удар милосердия. Теперь вперед!

Все дальше и дальше в мертвый город забирались они. В темных дверных проемах, в сумрачных портиках сверкали глаза. Шепот, шаркающие шаги доносились до них, однако ничего больше не преграждало им путь.

— Смотри в оба, — предупредил Конан. — Сомневаюсь, чтобы господин Тот-Апис сдал уже свой последний козырь.

Запутанные улицы напоминали лабиринт. Всадникам все время приходилось держать в поле зрения какой-нибудь приметный ориентир — крышу, похожую на петушиный гребень, обломок колонны, статую, потерявшую всякую форму под действием непогоды и времени, — чтобы не потерять направление среди клубов вихрящейся пыли.

Помогло и то, что им удалось срезать путь по руинам рассыпавшихся домов. Конан яростно выругался, когда перед ними густой чернотой выросла широкая стена. В каком направлении двигаться, чтобы обойти ее поскорее? Установить это было невозможно. Ну что ж, большинство считают правую сторону счастливой, так что Конан свернул направо.

Стена закончилась через триста футов. Перед ними распахнулась широкая площадь, вымощенная плитами, которые давно занесло песком. Она, без сомнения, имела явное сходство с площадью в Луксуре. Две огромных руины стояли от путников справа и слева, однако эти черные колоссы защищали их от бушующего урагана куда меньше, чем стены домов на узких улицах. Противоположная сторона площади выглядела свободной. Конану показалось, что он различает там широкую улицу со статуями, однако разглядеть получше в этом пыльном мраке было невозможно. Тем не менее было понятно, что эта улица ведет к гробнице. Он щелкнул языком, успокаивающе погладил своего усталого коня по слипшейся от пота гриве и направил его на площадь. Они прошли уже примерно половину расстояния, когда Фалко испустил предостерегающий вопль.

— Кром! — выбранился Конан. Ему пришлось сильно напрячься, чтобы не потерять контроль над своим конем, который внезапно взвился на дыбы и испуганно заржал. Конь Фалко вел себя точно так же. То, что они там увидели, наполняло первобытным ужасом как животных, так и людей. Сколько тысячелетий проспали эти чудовища, окованные чарами, прежде чем

пробудиться и вновь забродить по земле изголодавшимися?

Из одного из строений с правой стороны выскоцила гиеноподобная тварь размером с быка. Жесткая шерсть напоминала щетку. Пятачок был сморщен над ядовитыми желтыми клыками, так что казалось, будто животное ухмыляется, а затем оно испустило вой, похожий на хохот безумца. Ненадолго оно остановилось, пялясь на людей выдающими рассудок глазами, сморщило нос и прижало уши.

Из здания слева показался монстр на двух длинных вооруженных когтями ногах. Хотя его туловище было наклонено вперед и сохранять равновесие помогал огромный клиновидный хвост, тупая голова рептилии смотрела на них с высоты двух человеческих ростов. Короткие передние ноги были согнуты, и когти на них соединены, как для молитвы. Чешуя на спине и боках отсвечивала серо-стальным в сумерках. Слегка отвисающий живот светился белым. Обнаружив добычу, ящер зашипел и тяжелым шагом заспешил к ней.

— Держись рядом! — бросил Конан. — Поглядим, не быстрее ли мы их.

Он едва не сломал шею коню, прежде чем ему удалось направить охваченное истерикой животное на широкую улицу. Как бешеный помчался он туда, и так же наудачу летел за ним Фалко.

Они почти пересекли площадь, когда Конан услышал пронзительное ржание, выполненное боли, и торжествующий вой. Он бросил взгляд через плечо. Гигантская гиена схватила коня офирица и распорола ему круп ударом лапы. Когда конь споткнулся, гиена вонзила зубы ему в шею и перегрызла животному горло. Заливаясь кровью, конь опустился на землю, подмяв под себя всадника. Тем временем ящер приближался.

Конан больше не думал о своей миссии. Киммериец никогда не оставит товарища в беде, пока существует надежда. Он сунул меч в ножны и соскочил с седла. Как шар упругих мышц, ударился он о землю, перекатился через бок и вскочил на ноги. Рыча и роняя слону, гиена рвала мертвую лошадь. Одна нога Фалко была придавлена трупом. Юноша не шевелился.

Конан приближался под косым углом. Он имел намерение отвлечь внимание динозавра на свою лошадь, чтобы тот пренебрег человеком, и это ему удалось. Колossal тяжело прошагал мимо. Хотя передвигался он медленно, но каждый его шаг, от которого сотрясалась земля, был таким длинным, что он вполне мог состязаться с галопирующей лошадью. Вихри пыли поглотили коня и рептилию.

Конан извлек меч и помчался к гиене. Зверь обнаружил нападающего, задрал отвратительную голову и предстерегающе залаял.

— Вот именно, — издевательски сказал воин, — я собираюсь прикончить тебя ради куска твоей добычи.

Гиена заслонила собой добычу и подняла голову. Кровь капала с ее пасти, которая могла разгрызть человека одним движением челюстей.

Позади хищника Конан увидел Фалко — тот сел и пытался высвободить ногу. Варвар с облегчением вздохнул. Его товарищ только представлялся убитым, чтобы не привлекать к себе внимание чудовища. Возможно, им обоим еще удастся просто уйти и оставить стервятникам мясо животных.

Нет! Конан уже подошел слишком близко. Гиена взвыла и набросилась на него.

Конан расставил ноги пошире. Голова зверя была почти на уровне его лица. Сквозь взвихренную пыль Конан уставился на чудовищную пасть, из которой вырывалось зловонное дыхание. От каждого прыжка огромных лап под ногами дрожала земля. Конан поднял меч.

Когда зверь был достаточно близко, Конан ударил.

Клинок вонзился в морду зверя. Гиена оглушительно взвыла и отшатнулась назад. Это движение вырвало из рук киммерийца меч, глубоко вошедший в кость. Ослепленный болью,

зверь наносил беспорядочные удары, и кровь хлестала из глубокой раны. Однако это повреждение не было смертельным. Внезапно гиена вспомнила, кто виновен в ее беде. Она замерла, выплеснула в диком вое свою ненависть и стала подбираться к нему на вытянутых лапах. Конан вытащил кинжал и готовился умереть в бою.

И в этот миг Фалко со своей саблей присел позади зверя. И снова киммерийцу представился шанс. Теперь ему нужно было позаботиться о том, чтобы гиена не заметила офицера.

— Милая псинка, — поманил он ее, — иди сюда, собачка. У меня кое-что есть для тебя!

Монстр напряг свои мускулы, готовясь к прыжку. Фалко скользнул вбок и вонзил саблю зверю между ребер. Гиена взмыла громче урагана и выдернула оружие из руки офицера.

Из красноватого мрака выступил могучий колoss. Лошади Конана, очевидно, удалось уйти от монстра в лабиринт улиц, и ящер вернулся поискать себе менее шуструю добычу.

Как только гиена повернулась навстречу новой опасности, киммериец напал на нее. Левой рукой он вцепился в жесткую шерсть и остановил зверя, и вот уже кинжал нашел свою цель. Кровь брызнула фонтаном. Несомненно, он попал в сонную артерию. Но и это оружие Конану не удалось выдернуть, потому что мощные челюсти хлопнули, пытаясь схватить человека. Они промахнулись только на волосок, когда Конан стремительно отскочил назад. Гиена зашаталась и рухнула в песок, где забилась, завывая, в то время как кровь хлестала из ее последней раны. Ящер обнаружил ее и зашагал к ней.

Конан огляделся в поисках Фалко.

— Опираясь на меня, — посоветовал киммериец, когда увидел, что юноша с трудом ковыляет к нему. — Нам нужно убираться отсюда очень медленно, чтобы чудовище не обратило на нас внимания. Очень хорошо, что гиена может дать ему больше мяса, чем мы с тобой.

Они осторожно стали отступать. Рептилия скорчилась над дохлой гиеной и, чавкая, принялась пожирать ее.

Это зрелище и отвратительный хруст и причмокивание быстро исчезли в клубах бури. Конан остановился и озабоченно осмотрел Фалко.

— Ты как, парень? — спросил он.

Лицо офицера исказила боль.

— Не думаю, чтоб у меня что-то было сломано, — отозвался он. — Песок смягчил тяжесть. Пот выступил на его лбу.

Конан сел перед ним на корточки и тщательно обследовал его.

— Нет, — установил он, — нога не сломана, но, думается, лодыжка вывихнута, а икра и бедро сплошной кровоподтек. — Он поднялся и вздохнул. — У нас осталось одно-единственное оружие — твой кинжал. — Он непроизвольно усмехнулся. — Такой негостеприимной встречи, как здесь, я еще нигде не видывал. Идем, опирайся на меня, теперь, должно быть, уже скоро.

Тонкий песок засыпал все следы. Даже красная мгла не могла скрыть, что некогда улица была невероятно роскошной. Судя по расположению куч мусора — развалин древних домов — можно было догадаться, что в свое время они стояли на значительном расстоянии от двойного ряда высоких монолитов. Вероятно, здания скрывались в тенистых садах. Тысячелетия сделали почти неразличимыми иероглифы, высеченные на темном камне. Конан и Фалко были рады этому, потому что даже заметенные песком следы вызывали у них дрожь в спине.

Медленно плелись они дальше. Ветер завывал, песчинки забивались в глаза и нос, темнота мешала видеть, и их охватила усталость.

Что-то прогремело. Земля закачалась. Песок покатился мелкими волнами.

Только инстинкт и быстрота Конана, подобные реакциям хищного зверя, спасли им жизнь. Киммериец увидел, что один из менгиров^[5] опрокинулся. Он схватил юношу и отскочил в сторону. Гигантский камень разлетелся на куски на том самом месте, где только что стояли

люди.

Затем зашатался другой монолит. Им удалось лишь чудом избежать гибели. И тогда Конан понял... Позади них ящер жрал гиену. Если они попытаются пойти в обход, они, без сомнения, заблудятся в этом лабиринте гробниц, кишащих кошмарными тварями, — а ведь у них всего один кинжал, да и Фалко в бою теперь считай что бесполезен. Конану стало ясно, что у них не остается другого выхода, кроме как дальше идти по этой улице, пытаясь избегать рушащихся монолитов.

Из каких-то глубинных источников варварского естества внезапно хлынули новые силы. Конан взвалил офицера на плечи, велел держаться крепче и пустился бежать.

Еще один менгир с грохотом осыпался, и еще один, и еще. Конан отскакивал в сторону, бросался стрелой вперед, несся зигзагами, и снова отпрыгивал, и опять мчался вперед. Тот, кто, возможно, наблюдал за ним, должен был здорово напрягаться, чтобы опрокидывать своим волшебством эти камни. Колдун старался совершенно откровенно загнать свою жертву, подобно тому как охотник загоняет добычу. Но Конан не был ни птицей, ни дичью — он сам был охотником.

Тем не менее ему приходилось худо. Один из камней разбился прямо перед ним. Конан хотел было перепрыгнуть, но тут рухнул другой — с противоположной стороны улицы. Конан успел проскочить, пока тот падал, но обломки ударили его по спине. Он подумал о том, не стоит ли попробовать пробежать по другую сторону одного из рядов, где, по крайней мере, его не достанут камни противоположной стороны улицы, однако решил все же не делать этого, потому что развалины затруднили бы ему путь и опасность споткнуться не ко времени была слишком велика.

Здесь же земля была ровной, и уворачиваться было не так уж трудно, так что он побежал дальше по середине улицы.

Какое-то время менгиры вели себя совершенно спокойно. Он пробежал уже значительное расстояние, когда внезапно они опрокинулись все одновременно — перед ним, позади него, с обеих сторон. Он предполагал такую возможность и подготовился к ней. Когда та пара камней, что была к нему ближайшей, наклонилась, он точно рассчитал, где упадут обломки, и отскочил на несколько дюймов от того места. И они действительно не попали в него. Конан насмешливо хмыкнул в адрес невидимого волшебника и запрыгал с камня на камень.

И вот менгиры позади, и двое друзей оказались на очередной широкой площади. Точно в ее середине высилась гигантская гробница.

— Клянусь Митрой! — проговорил Фалко слабым, дрожащим голосом. — Как ты сделал это?

— Пришлось, — ответил Конан.

Ветер мгновенно стих.

— Сомневаюсь, что будет легче, даже если враг сдастся, — проворчал Конан. — Давай-ка пойдем дальше, прежде чем ему придет в голову что-нибудь новенькое.

Он побежал к гробнице.

Высокие плиты черного камня вздымались так высоко, что он не мог разглядеть в красноватой мгле крышу, которую они поддерживали. Гигантское отверстие входа зияло перед ним. Какой ужас таился там? После всего перенесенного в адском городе это вовсе не заботило Конана. А того, что волшебнику удастся свалить это строение, можно было не опасаться — для этого здание было чересчур массивным. Кроме того, оно хранило Секириу Варуны.

— Добрый бог уберег нас от всего и благополучно доставил сюда! — благодарно вздохнул Фалко.

Конан, правда, держался того мнения, что не стоило бы преуменьшать значение их

собственных действий, однако предпочел об этом не говорить. Он ссадил Фалко с плеч.

— Оставайся здесь и сторожи, — попросил он. — Я пойду туда.

Юноша посмотрел на него с немым благоговением.

Без сомнения, перед ними был единственный вход в гробницу. Абсолютная тишина окутала киммерийца, когда он ненадолго остановился, а потом эхо его шагов снова зазвучало по каменным плитам, отраженное высокими стенами и потолком, теряющимся во мраке. Совсем тихо шелестели крылья и шуршала чешуя.

Когда он бросил беглый взгляд через плечо, вход показался ему смутным серо-красным пятном. Но ему не пришлось пробираться вслепую и на ощупь, ибо впереди горело голубоватое мерцание.

И оно становилось сильнее, чем ближе подходил варвар — с осторожностью и гибкостью пантеры. И вот он уже видит, что сияние изливается из хрустального шара, покоящегося на огромном каменном блоке. Этот блок был исписан странными символами, неприятным образом притягивающими глаз, заставляющими идти по жутким тропам, пробуждающими кошмарные картины. Собрав всю силу воли, Конан оторвал от них взгляд. Позади алтаря высилось огромное изображение божества — не Сэта, но чего-то с крыльями и бесчисленными щупальцами. Возможно, то был еще более древний бог. Конан удостоил идола лишь одним мрачным взором, после чего продолжил осмотр.

На полу, освещенном хрустальным шаром, он увидел торчащую скобу. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть ее получше, и установил, что она является частью тау-креста, сделанного из того же камня, что и кусок пола размером в человеческий рост. Волнение охватило Конана! Именно так описывал ему это место Парасан! Это была крышка древней могилы, где пророк спрятал секиру.

Конан спросил себя, откуда жрец взял силы, чтобы поднять такую невероятную тяжесть. Он встал, расставив пошире ноги, схватился за скобу обеими руками и собрал всю свою мощь, чтобы открыть крышку гробницы.

Мускулы грозили порвать кольчугу, вздулись канатами на руках и ногах. Жилы на ладонях и шее напряглись. Пот проложил дорожки, смывая кровь и грязь. Но действовал он очень осмотрительно, ибо — вот бы дьяволы посмеялись, сломайся он у самой цели! Он стал медленно выпрямляться, очень медленно, так что ноги и бедра принимали на себя постепенно всю тяжесть.

Гигантская каменная плита со скрежетом подалась. Конан повернул ее, чтобы лучше поднять, ухватился за нее и наконец стремительно отскочил в сторону, выпустив ее. Она опрокинулась на каменный пол и разлетелась. Треск и грохот загремели по всему зданию и отразились эхом от стен. Конан опустился на колени возле отверстия и заглянул в могилу.

Кости и следы от даров умершему были покрыты пылью, но на них он вообще не обратил внимания. Он видел лишь одно — то, с чем время ничего не могло поделать. Это была боевая секира, оружие такого рода тайянцы до сих пор используют в сражениях. Рукоятка была длинной и прямой, лезвие, заканчивающееся наверху острым шипом, — слегка изогнутым. Но она была больше обычных боевых секир, и только по-настоящему сильный человек смог бы ее поднять. Рукоятка из незнакомого Конану красно-коричневого дерева ни в малейшей степени не пострадала. На лезвии с обеих сторон было выгравировано изображение солнца. Металл отливал голубовато-белым, как тонкий шелк, как будто сквозь него струился свет. Еще никогда киммерийцу не доводилось видеть подобной стали. С непривычным благоговейным чувством склонился над ней Конан, схватил Секиру и встал. Он попробовал широко размахнуться, и у него возникло ощущение, что она ожила в его руке, стала частью его «я» и превратила его в бога войны. В нем забурлило ликование, которое он все же попытался подавить. Осторожно провел

он пальцем по острию. Несмотря на эту осторожность, он все же легко порезался, так что выступило несколько капелек крови. Оружие было острым, как бритва. Парасан упоминал о том, что оно никогда не нуждается в заточке. Конан восторженно засмеялся и со свистом рассек ею воздух перед идолом.

Раздался дьявольский скрежет. Конан резко обернулся. Звук напоминал сигнал горна, которым созвали мертвецов, чтобы напасть на отряд тайянцев. А Фалко остался один возле здания. Варвар бросился бежать.

Гадюка накинулась на него, но промахнулась и нашла свою смерть под тяжелыми ногами.

Конан бурей вырвался из гробницы. Фалко, скорчившись, прислонился к огромной каменной плите. В руке он держал кинжал и выкрикивал воинственные проклятия. С затянутого багровой пеленой неба опускалось новое чудовище, рассекая пыль и тьму. Теперь Конан понял, почему вдруг улегся штормовой ветер: чтобы не причинить вреда этому монстру, потому что, несмотря на его размеры, ветер мог бы размозжить его о какую-нибудь стену.

Конан разглядел острый клюв, кожистые крылья с размахом в добрых тридцать футов — их изображения он видел в Крылатой Ладье Сэта. Рептилия управляла своим полетом при помощи хвостового плавника, похожего на руль. Хотя когти чудовища были довольно малы, но тем не менее их бы хватило для того, чтобы вырвать глаза, а клюв был снабжен зубами, похожими на рыболовные крючки.

На чудище сидел человек — на самом затылке, перед взмахивающими крыльями. На встречном ветру развевалось его просторное черное одеяние, окутывающее тощее тело. Старое лицо с резкими чертами, наголо бритая голова. Он снова подул в рог, привязанный к его поясу кожаным ремнем, а затем опустил рог и испустил вопль, порожденный безумием. Крик этот был таким же пронзительным и хриплым, что и звук рога.

Расставив ноги, Конан стоял, готовый к бою. В лицо ему с чудовищной силой ударила ветер, поднятый крыльями. Чародей положил пальцы на талисман в форме змеиной головы, что висел у него на груди, сделал знак и нацелил в Конана открытый рот змеи.

Оттуда вырвалась ослепительная молния. Конан отскочил на шаг назад — но молния попала не в него, а в лезвие секиры и тут же полетела обратно. Чудесное оружие отшвырнуло ее. Загрохотал гром. Огненный жар окутал стигийца. Он исчез в пламени.

Чудовищное верховое животное было уже почти возле людей. Конан перенес центр тяжести назад и взмахнул Секирой. Она без труда перерубила длинную шею рептилии. Отрубленная голова захлопнула челюсть на левом предплечье Конана, но, прежде чем зубы смогли глубоко вонзиться в плоть, она утратила силы и скатилась на землю. Тяжелое тело грянуло о плиты гробницы. Еще какое-то время щелкала челюсть и били крылья, а потом чудовище осталось лежать неподвижно. Неподалеку от него скorchился обугленный до неузнаваемости труп.

И теперь ветер стих окончательно. Пыль опустилась.

Солнце вновь сияло в ореоле лучей.

Глава восемнадцатая

Коварство Птейона

В полной тишине, по угнетающей жаре возвращались назад оба товарища.

Они собирались было обойти площадь по боковым улицам, но осторожного взгляда из-за кучи развалин было достаточно, чтобы увидеть: площадь пуста, если не считать бесформенных останков лошади и гиены. Ни одна рептилия не могла бы вынести полуденной жары пустыни. Зубы гиены сделали клинок Конана бесполезным, но сабля и щит Фалко почти не пострадали. Поддерживаемый своим товарищем, офирец отважно захромал дальше.

Они проделали уже примерно половину дороги, когда тишину нарушил резкий металлический звук. Встревоженные, они переглянулись. Это не был скрежет волшебного рога, это был сигнал трубы.

— Алло-о! — взревел Конан. — Мы здесь!

Тем временем боль Фалко стала такой сильной, что он смог лишь слабо простонать.

Их обнаружил всадник, рысью вылетевший из-за угла. Он остановился так резко, что из-под копыт высоко взлетел песок. Это была Дарис, забрызганная кровью. Одежда свисала с нее лохмотьями. Она выронила свое копье, соскочила с седла и помчалась вверх по улице, широко раскинув руки.

— Конан! О Конан! — ликовала она сквозь смех и слезы.

Он прижал ее к себе. Всхлипнув, она поцеловала его. Увидев, что он прислонил к обломку стены, чтобы освободить для объятий руки, она выпустила его. Удивление, восхищение откровенно смотрели из ее глаз.

Она опустилась на колени. Дрожащим голосом она спросила:

— Это Секира Варуны?

Конан кивнул. Она подняла глаза к небу:

— Митра, благодарю тебя!

Когда она поднялась, слова волнения и гордости вырвались из ее груди:

— И ты поднимешь ее, наш избавитель, ты, моя большая, моя истинная любовь!

Он знал, что должен был обрадоваться этому торжеству, ее благоговению и восторгу. Но — быть может, то была усталость, вгрызшаяся в его плоти? — каким-то образом в нем вновь стало подниматься то скверное настроение, от которого его избавила лишь радость битвы. Что она вообще воображает, когда так настойчиво пытается привязать его к себе? И какими идиотами он обречен командовать? Они же действительно верят в то, что одно-единственное оружие, ради которого он рисковал жизнью — своей жизнью, принадлежащей Бэлит, — само по себе обеспечит им победу. Это безумное представление уже означает верное поражение. Ему надо с самого начала поставить ее на место.

— Что ты здесь, собственно, потеряла? — грубо спросил он.

Испуганная, она отступила на шаг:

— Я... я пришла сюда, чтобы найти вас.

— Что с остальными?

— Мы уничтожили множество врагов, но заплатили за это высокую цену. Дело шло к тому, что конец неминуем, но внезапно они все одновременно упали и остались лежать неподвижно, как и подобает трупам. И ураган прекратился так же резко, и солнце вновь засияло. И тогда я поняла, что ты сделал это, Конан. Но теперь легко могло оказаться, что ты ранен или... или еще

что-нибудь. — Смущенная, она рассматривала укус, оставленный летающей рептилией. — Я сделаю перевязку.

— В этом нет необходимости, — недовольно отстранился он. — Кровь уже свернулась. Так что с остальными?

— Почти половина погибли или тяжело ранены. Те, что вышли невредимыми, очень устали. Я решила, будет лучше дать им отдохнуть.

Киммериец мрачно нахмурился:

— И ты так запросто сделала это, не зная, навстречу какой опасности отправляешься, да еще оставила их без командования! Ха, единственная настоящая воительница на свете, которая достойна быть предводительницей, — это моя Бэлит!

Дарис побледнела так, словно он ударил ее. Она сжала кулаки и осталась стоять, вытянувшись и дрожа.

— Привет, принцесса, — хрипло сказал Фалко. Лишенный опоры, он подковылял к ним, наступая лишь на здоровую ногу.

— Это... это неправильно с твоей стороны, Конан, бранить эту храбрую женщину.

Он зашатался, споткнулся и упал. Крик боли вырвался у него.

— Ты ранен! — испуганно воскликнула Дарис. Она упала рядом с ним на колени. — Так плохо? — Она погладила мокрый от пота лоб. — Бедняжка.

Ярость кипела в Конане. Он поздравил себя самого с тем, как хорошо ему удается ее скрыть, и произнес довольно холодно:

— Он вывихнул лодыжку. Само пройдет. Но зачем делать хуже, если в том нет необходимости? Дай ему свою лошадь, а сама садись позади него.

— Конечно, он поедет верхом, но я пойду с тобой пешком, — сказала она и вновь поднялась.

— Делай, что я сказал! — загремел Конан. — Я хочу, чтобы ты как можно скорее вернулась туда, где тебе надлежит находиться! Позаботься о том, чтобы люди снова были на ногах, взяли раненых и приготовились выступать. Сама разве не понимаешь, дура? Я скоро вас догоню!

Она бросила на него долгий взгляд, прикусила губу и повернулась, чтобы подвести лошадь. Конан помог Фалко сесть в седло. Она тоже забралась на лошадь, немного отклонилась назад, чтобы раненому удобнее было сидеть, и обхватила офицера за пояс. Не сказав больше ни слова, они рысью двинулись прочь.

Варвар в сквернейшем расположении духа остался стоять на жаре среди руин. Она наверняка наслаждается этой поездкой, эта идиотка, которую хлебом не корми, дай какую-нибудь опасность, подумал Конан, все еще бушуя от ярости. Наконец он пробормотал сочное проклятие, забросил секиру на плечо и зашагал следом за своими скрывшимися из виду товарищами.

Какое-то время не было ничего, кроме жара, безмолвия и тихо поскрипывающего под ногами песка. Он не узнавал зданий, мимо которых проходил. Быть может, он проходил этот лабиринт другой дорогой? Но это не имело значения. Главное — он держался верного направления. Ему бросился в глаза фасад дома, хоть и пострадавшего от времени, но в общем и целом сохранившегося. Когда Конан подошел поближе, он обнаружил вмуранный над входом (где не имелось двери) рубин размером с кулак. Интересно, почему никто его не прибрал еще к рукам, хотя город пустует? Не взять ли кошелек?

Кто-то вышел из портала. Конан затаил дыхание. Он схватил Секиру обеими руками и немного пригнулся. Каждый волосок на его теле поднялся дыбом.

Зазвенел сладостный смех.

— О, Поднявший Секиру испугался. Да еще и женщины! Надо же! Успокойся. Это всего

лишь я, Рахиба!

Во всем блеске своей чарующей красоты, стояла она, вызывающе положив одну ладонь на бедро. Ее одежда, расшитая золотисто-коричневыми перьями, подчеркивала все округлости тела.

Околдовывающим голосом шелестела она:

— Взгляни на мою щею, на мои пальцы, погляди на меня всю! Видишь, на мне никаких талисманов. Талисман был бы более чем бесполезен, вздумай я применить его против тебя. Только вспомни, что случилось с Тот-Аписом. Всякое колдовство, направленное против Носящего Секибу, отбрасывается назад, к тому, от кого исходят чары. Парасан наверняка рассказывал тебе, что, пока ты держишь Секибу, ты защищен от всякой магии и гордость обладания ею не станет для тебя губительной. Я напоминаю тебе об этом предостережении, чтобы ты знал: я честна с тобой, и желаю тебе добра, и не хочу, чтобы с таким великим воином что-нибудь стряслось.

— Так делай что задумала! — сказал он грубо.

Она вызывающе передернула плечами, так, что шевельнулось все ее гибкое тело.

— Я не хочу оскорблять твой разум ложью. Я пришла сюда вместе с Тот-Аписом в надежде остановить тебя. Но твоя судьба, твое предназначение были чересчур сильны — нет, ты сам своя судьба! Конан, Непобедимый! Ты добыл Секибу, ты умертвил Тот-Аписа, который множество столетий пребывал в расцвете сил; ты одержал победу, потрясшую дом Сэта до самого основания. Гибель моего господина — катастрофа для меня. Я как потерпевшая кораблекрушение. Чары отказали мне, моя башня — в далеком Кеми, все мои снадобья далеко, моя богиня бросила меня в беде. Если я останусь здесь, то сегодня же ночью умру страшной смертью. Если я убегу в пустыню, то меня ждет такая же верная и не менее ужасная гибель.

— И ты... ты обратилась ко мне?

Она вытянулась, как свечка.

— Я не стану молить тебя! — Ему поневоле пришлось подивиться ее спокойствию и мужеству. — Ты думаешь, что я заслужила твоей мести, однако за мою жизнь я могу тебе многое предложить. Я умелая целительница. Я весьма искусна в заклинаниях и знаю, как можно защититься от магии. Я могу рассказать тебе о короле Ментуфере считай что все — о его боевых силах, его офицерах, его планах. Это сведения, которых не собрали бы тебе и тысячи шпионов, а ведь они могли бы спасти бесчисленные жизни тайянцев, если дойдет до большой битвы.

Конан свел брови.

— Не знаю, кто более мне отвратителен: ведьма или предательница, — сказал он, но в голосе его не было уверенности. Как она все же хороша собой!

— Я никому не клялась в верности, за исключением богини, а у нее есть приверженцы во многих странах, — сказала Рахиба. — Но я готова принести клятву верности тебе, если ты смилостишишься надо мной, и никогда ее не нарушу. Из того, что я могу, из того, что я есть, ты получишь только выгоду.

Он безмолвно глядел перед собой. Кровь бешено стучала у него в висках.

— И с каким наслаждением подарю я себя тебе, — продолжала она. — На всем белом свете нет второго такого мужчины, как ты, Конан. Сделай меня своей рабой, и я буду счастлива, как никогда прежде.

Она прильнула к нему. В солнечных лучах волны ее черных волос отливали синевой. Аромат, усиленный жарой, едва не задушил его. Она нежно взяла его лицо в мягкие ладони и ласково прошептала:

— Приди, дозволь мне показать тебе это. Здесь, в доме, есть уютная комната, специально созданная теми, кто ждал тебя. Там я могу промыть твои раны, и наложить мази, дабы раны скорее исцелились, и перевязать их чистыми полосками ткани. А после — о, я знаю, что ты не

сможешь оостаться, но ведь пройдет какое-то время, прежде чем твои люди будут готовы выступить. У меня есть вино и охлажденные фрукты для того, чтобы ты мог освежиться, и мягкое ложе, где ты отдохнешь, и я сама, чтобы служить тебе.

Она поцеловала его, как делала это в Кеми. Он вновь забросил Секиру на плечо и ответил на ее поцелуй. Долгое время стояли они, прижавшись друг к другу, на пылающем солнцепеке. Наконец она нежно высвободилась из его объятий и легко побежала к дому. Весело улыбаясь, она сделала ему знак идти следом. И он, с замутненным сознанием, последовал за ней.

В доме стояли приятный сумрак и прохлада. Обстановка казалась удобной. Не обязательно же смотреть наверх, под потолок, на фриз, вызывавший в Конане отвращение.

Не может он дать погибнуть этому прелестному созданию. И почему бы не взять то, что она ему предлагает? Если он ранит этим Дарис — ну, она сама виновата. А Рахиба была бы, вероятно, неоценимой союзницей.

Он, конечно, не такой больной от любви сосунок, как Фалко. Он внимательно осмотрел помещение и не нашел ничего, что выглядело бы похожим на оружие, или чего-либо пригодного для чародейства. Вторая дверь покоя была завалена обломками здания, так что за ней никто не мог прятаться. В самом помещении находились два кресла, столик с кувшином, чаша для умывания, полосы ткани и широкое ложе. Он положил Секиру на пол с правой стороны и глотнул воды. На вкус она была чистой. Ему не приходило на ум, что она не стала применять яд, потому что намеревалась прибегнуть к могущественным чарам.

— Разденься, — прошептала она, когда он утолил свою жажду. — Я истомилась по тебе.

Ее пальцы помогали ему избавиться от рваного бурнуса и кафтана. Пока он снимал кольчугу и рубаху, она встала на колени, чтобы стянуть с него сапоги. Потом она еще помогла ему освободиться от остальной одежды, покуда он не стал перед ней обнаженный.

В нем вспыхнуло желание. Ее глаза расширились от изумления. Он схватил ее на руки.

— Кром! — вырвалось у варвара. — Немедленно снимай с себя это оперенье!

— Конан, ты делаешь мне больно! — взвизгнула она.

Он выпустил ее. Она потрогала свои руки в тех местах, где он касался ее. — Будут большие синяки! — Она улыбнулась, взмахнула ресницами и послала ему воздушный поцелуй. — Я буду с гордостью носить их как клеймо, полученное от такого могучего мужчины.

— Разденься, — сказал он низким голосом.

— О, я томлюсь по тебе так же, как ты по мне, — заверила она его звонким голоском. — Но ты ранен, возлюбленный. Кровь, пот и грязь портят твое великолепие. Дозволь мне сперва умыть тебя, умастить, перевязать, дабы ты более не испытывал боли и усталости. И тогда мы предадимся друг другу.

— Как тебе угодно, — сдался он и уселся так, чтобы Секира находилась справа от него.

Она обмочила платок в чаше, отжала и принялась обмывать Конана медленными, расчетливыми движениями, которые одновременно и успокаивали его и усиливали еще больше его желание. Пальцами другой руки она нежно гладила его волосы.

Он почти пожалел, что это кончилось. Когда она отступила на несколько шагов, он проследил за ней горящим взглядом. Скользящая к залитому солнцем дверному проему, она была похожа на золотую тень. Он смотрел, как она вытирает руки о ткань, запятнанную кровью, которую использовала как полотенце, без сомнения, чтобы стереть с ладоней грязь и волосы, прилипшие к пальцам. Да, она была права. Сейчас она так же нежно нанесет ему успокаивающие боль целительные мази...

— Эй, что ты задумала? — спросил он, пораженный.

Она остановилась у выхода. Ее голос был исполнен сладчайшей насмешки:

— Я ухожу. Я решила, что будет все же лучше не ездить по стране. Прощай, варвар.

Он вскочил, когда она выскользнула наружу. С Секирой в руке он бросился следом за ней.

Солнце ослепило его. Одно мгновение он почти ничего не видел. Когда глаза его привыкли к яркому свету, он стоял на пустой улице один.

— Кром! — выругался он. — Ведьма держала меня за дурака. Зачем?

Он нагнулся, чтобы найти в песке ее следы. Занесенные песком, почти неразличимые отпечатки ног увидел он. Но он был хороший охотник и следопыт. След вел несколько футов вдоль стены дома — ведьма бежала семенящим шагом — и заканчивался дикой путаницей отпечатков, которая сказала ему, что произошло нечто странное.

Он огляделся вокруг. Высоко в небе летел, направляясь на запад, золотой орел, кроме него не было видно ни одного живого существа.

Действительно ли хотела Рахиба с ним поразвлечься? Не была ли уничтожена ее надежда сделать с ним нечто такое его осторожностью и бдительностью? Не потому ли она отказалась от своей попытки? Конану не хотелось думать об этом. Все в целом ему очень не понравилось. Он не сбирался рассказывать об этом своим друзьям, потому что кое в чем он выглядел смешно.

Внезапно он громко расхохотался, и его оглушительный смех загремел среди камней и, казалось, взлетел к небу. Он смеялся над самим собой, потешался над всяkim своим врагом, смеялся от радости, потому что действительно сумел добить Секиру, которая освободит тайянцев. Он смеялся из чистой и глубокой радости жить. Как будто Рахиба забрала с собой плохое настроение, мучившее его все эти дни, и он снова стал собой: Конаном, бродягой, воином, любовником.

Воспоминание отрезвило его. Он поторопился одеться и идти дальше. Сверкающий рубин остался позабытым в стене.

Все тайянцы были заняты делами, следя мягkim, но четким и определенным указаниям Дарис. Когда девушка увидела приближающегося киммерийца, она вышла к нему навстречу и безразлично доложила:

— По твоему приказанию я разделила оставшихся в живых на две группы. Одна — те, кто не может сражаться. Ее будут сопровождать несколько легкораненых до дома, где все они смогут получить помощь. Они также возьмут с собой убитых и доставят их в расселину, где достаточно камней, чтобы навалить курган. Мы не должны оставлять их гулям. Вторая группа состоит, естественно, из тех, кто готов к бою. Тирис заверяет меня, что ему известна прямая дорога к Авзару. Обе группы скоро будут готовы выступить.

Его синие глаза встретились с ее. Он положил руки на ее талию и тихо произнес:

— Ты великолепно сделала свое дело, дочь королей, а я был самонадеян, зол и несправедлив. Я не знаю, что со мной было, но теперь мне ясно, как я оскорбил и ранил тебя. Прошу тебя, прости!

— О Конан! — вскричала она. Не обращая внимания на удивленные взоры окружающих, она бросилась в его объятия.

Глава девятнадцатая

Битва

Военная дорога вела в северо-западный предел, именуемый Тайей. Затем примерно день пути она проходила по узкой долине. Пронизанные расщелинами отвесы, склоны, усеянные скальными обломками, и поросшие скудной растительностью холмы поднимались по обе стороны дороги. Красная почва долины да растрепанный кустарник у подножия гор, сухая трава и к ней несколько кособоких деревьев... Небо было в тот предполуденный час окрашено ультрамарином, и уже сейчас жара, как в раскаленной печи, истогала пряный аромат у карликового можжевельника.

Скрытые кустарником, на склонах лежали люди и пристально смотрели вниз. Расстояние делало фигуры проходящих по долине людей крошечными, однако не скрывало их численности. В авангарде шла кавалерия, боевые колесницы гремели следом, за ними выступали, плотно сомкнув ряды, пехотинцы, после них, защищенные арьергардом, тряслись повозки с провиантом. Вся эта живая лента заполняла всю ширину мощеной дороги на две-три мили. Сверкал металл, разевались вымпелы, над головами вздымались штандарты; копья и пики колебались, как колосья на ветру. Даже здесь, наверху, до наблюдателей доносились звуки шагов, гром копыт, грохот колес и беспрерывный барабанный бой.

Конан присвистнул сквозь зубы.

— Ваши разведчики не ошиблись, — пробормотал он. — Скорее, они еще и недооценили их численность. Это, должно быть, все боевые силы средней Стигии, со всеми резервами, какие они смогли мобилизовать в спешке...

— И если только их возглавляет Ментуфер... — Авзар не закончил фразы.

— Ты действительно думаешь, что это так? У тебя нет никаких данных, кроме слов этих разведчиков, простых горцев.

— Они отличные наблюдатели, а я достаточно побродил по стране, чтобы понять то, что они описывают. Только король носит знамена с серебряной змеей на черном фоне и бронзовым коршуном на острие древка. Он намерен покончить с нами раз и навсегда.

— Да, — сказал Конан свирепо. Его взгляд блуждал по армии. Дорога огибалась холм, который скрывал то, что происходило за поворотом. Поднимался высокий столб дыма, и в небе не кружило ни одного стервятника — вместо этого все они сидели на земле и набивали животы. Еще вчера там располагалась живописная мирная деревня Рашит среди полей, фруктовых садов и лугов. Люди Авзара не предупредили жителей, чтобы те бежали, потому что никак не ожидали резни. Они полагали, стигийцы будут спешить изловить поскорей Авзара.

— Он истребит всех тайянцев и после этого заселит страну своими людьми.

— Этого не будет! — поклялась Дарис. — Сегодня придет конец его владычеству!

— Будет так, как решит судьба. — Голос Авзара был искажен мукой. — Если мы, несмотря ни на что, проиграем, тогда вспомните о том, что я решил. Я прикажу всем вождям дать распоряжение их кланам спрятать оружие, после чего сам сдамся, дабы Тайя не была уничтожена полностью.

— Сперва, — сухо сказал Конан, — мы, вероятно, должны все же провести в жизнь наш план. Вы вряд ли знаете точное количество наших воинов, но их наверняка больше, чем врагов. И если им недостает солдатской выучки и боевого снаряжения, то этого не скажешь об их мужестве, а кроме того, у нас преимущество в том, что мы имеем отличную позицию для

нападения. Да еще с нами легендарная Секира.

Авзар и Дарис взглянули на него с таким почтением, что он почувствовал себя неуютно. Проклятье, он вовсе не воплощение легендарного героя, он простой варвар, искатель приключений.

Однако случай, или предопределение, или соперничество между богами превратили его в символ, в героическую личность, чтобы сплотить вокруг себя повстанцев и вдохнуть в них мужество и надежду одним лишь своим присутствием. Уже не раз в этой горной стране случались волнения, но никогда прежде не разрастались они лесным пожаром, как нынче. Во время своего похода на запад Авзар провозгласил, что поблизости от границы он встретил Носящего Секиру. Весть эту разослал он со скороходами, что от стойбища к стойбищу несли стрелу войны, ее передавали друг другу охотники и пастухи, она загорелась в сигнальных кострах на вершинах гор и гребнях холмов, и, вероятно, не обошлось здесь без древних загадочных чар. Повсюду в стране юноши, мужи, крепкие старики и ловкие девушки брались за оружие и запасали продукты на дорогу, чтобы примкнуть к главе клана Варуны. Дикая орда то была. Конан мог лишь надеяться, что ему удастся с помощью опытных тайянских воинов хоть немного привнести в эту пеструю армию основные представления о воинском искусстве.

Между тем Шуат со своим отрядом продвигался без помех и в такой спешке, что встречавшиеся по пути тайянские поселения он оставлял нетронутыми. Вероятно, он получил от своего монарха некий приказ, присланный с почтовым голубем или каким-то другим образом, изменить свои планы, потому что на границе провинции он остановился и стал ждать королевскую армию. Теперь его отряд был лишь частью огромного соединения, которое находило время для убийств и опустошений, двигаясь навстречу Авзару.

Но здесь, в горах, они не нашли ничего, что привлекло бы их внимание, и стигийцы из долины не заметили бы ни малейшего следа тысяч людей, собравшихся вместе для того, чтобы поставить заслон захватчикам.

— Идем, — буркнул Конан.

Он и его спутники отползли немного назад. Когда уже не оставалось никакой опасности, что их случайно приметят снизу, они поднялись на ноги.

В ложбине за гребнем холма ждали около сотни конных и столько же пеших солдат. Больше в одном месте собраться не могло, чтобы не выдать своего присутствия. Кроме этих, всадников было очень немного, однако отряды примерно той же величины притаились в засаде по всей долине. Их план был таков: напасть на стигийцев в многочисленных разрозненных точках, разбить королевскую армию на отдельные части и задушить их по отдельности.

Отряд Конана должен ударить первым и напасть на авангард врага, это станет сигналом для остальных. Поэтому люди Конана были вооружены лучше, чем все прочие. У них были шлемы, кирасы или кольчуги; у некоторых имелись даже железные перчатки и поножи.

Дарис вскочила в седло. Одетая лишь в тунику, она вооружилась луком и кинжалом. Она потуже затянула пояс — свой добрый талисман. Перекинула через плечо колчан, полный стрел, и приняла у седоволосого старика из своего клана штандарт. Знамя было соткано в храме Митры и изображало золотой солнечный диск в венце лучей на небесно-голубом поле.

— Вот ведь времечко, — ворчал Сакумба. — Все так скучно и монотонно, никаких тебе женщин, да и пива не вдосталь. Можно только надеяться, что сегодня возьмем хорошую добычу.

Конан усмехнулся. Он взял субанца в свое отделение, потому что тот единственный мог с ними объясняться — через их предводителя. Сделал он это еще и потому, что знал, какие они великолепные бойцы. Кроме того, негры сделают отряд более устрашающим. Темная кожа, казалось, впитала в себя лучи горного солнца, а чужеземная одежда делала их внешность еще более пугающей.

— Не могу себе представить, чтобы король Стигии путешествовал как нищий, — сказал киммериец, — как насчет тарелок и ложек из благородных металлов, украшенных драгоценными камнями? Или редких вин и пряностей? Роскошных шелковых одежд? Ларцов, полных золота? Нам нужно всего лишь победить, и тогда вы сможете неплохо послужить себе.

Сакумба пронзительно рассмеялся и передал своим людям содержание разговора. Они испустили ликующие вопли, все, кроме Гонги, их медика. Он тоже вооружился для боя, однако свое покрытое шрамами тело разрисовал мистическими знаками, на шею повесил ожерелье из человеческих зубов и пальцев; при нем посох, трещотка, а на поясе висела кожаная сумка с различными чародейскими средствами.

Фалко скакал рядом с Дарис. Он отдохнул и не страдал больше от боли, но нога поправилась еще не окончательно. Но он уверял, что это не играет никакой роли, пока он сидит на крепком стигийском мерине. Кроме доспеха и каски, украшенной султаном из перьев, на нем был развевающийся на ветру багряный плащ. Пика в его руке дрожала, как осенняя листва по весне.

Конан, роскошно облаченный в кольчужную рубаху, крылатый шлем и шаровары, заправленные в сапоги с металлическими пластинами и золотыми шпорами, повернулся к Авзару. Он был так же серьезен, как и тайянец.

— Поднимается буря, и никто теперь не скажет, в каком направлении задует ветер. Если будет на то милость богов, мы встретимся вновь — победителями. А если нет, вождь, то благодарю тебя за доброту и прошу Митру взять тебя к себе.

— И я благодарю тебя от имени всей Тайи, — откликнулся Авзар. — Что бы ни случилось впредь, покуда жив народ, жива будет память о тебе.

Они обнялись. Авзар должен был атаковать стигийский арьергард, с тем чтобы врагу не удалось провести обходной маневр и ударить с флангов. Отец и дочь крепко сжали друг другу руки, и вождь выступил.

Конан сел в седло. Мятежники нашли для него благородного боевого жеребца: роскошный вороной конь, ржавший в нетерпении и встающий на дыбы. Киммериец потрепал его по горячей шее.

— Хорошо, хорошо, — сказал он коню, — скоро у тебя будет много дел, обещаю. Он сжал бока коня и поскакал навстречу тому, что ему предстояло.

Дарис направила свою кобылу к нему. Знамена разевались над ее головой. Фалко примкнул к ней с правой стороны. Для каждого, кто плохо знал Сакумбу, было удивительным, что старый негр со своим чудовищным брюхом без труда держался вровень с ними пешим. Его люди следовали за ним шаг в шаг, возглавляя отряд воинов, вооруженных копьями, топорами, мечами, луками и прашами. Перед киммерийцем в центре скакали конные с пиками, построившись в излюбленный тайянцами клин. Хотя они не могли тягаться с хорошо обученными, опытными стигийскими кавалеристами, но надеялись по крайней мере остановить их, после чего рассчитывали спешиться и биться привычным для себя способом.

Хрустели камни, шуршали желтая трава и пыльные кусты: звенела сбруя, звякали на ней крошечные колокольчики. Шум, производимый продвигающейся колонной врага, стал громче.

Конан, конечно, не тешил себя иллюзией, что ему удастся обрушиться на противника прямо с воздуха, но он заранее хорошо изучил лежавшую перед ним террасу и нашел тропинку, по которой отряд мог скатиться лавиной. Без этого врагам было бы сравнительно легко осыпать нападающих стрелами прежде, чем те сумели бы приблизиться. Едва они перевалили за гребень холма, он погнал коня рысью.

И — вниз! И почти сразу армия, марширующая внизу, перестала казаться муравьиным парадом. Поднялись солдаты, и теперь можно было различить их оружие. Позолоченная боевая

колесница, ослепительная в солнечном свете, могла принадлежать только королю — а Конан намеревался захватить королевские штандарты так быстро, как это только возможно. Раздались крики, запели тревогу трубы, зазвенели первые стрелы.

— Ай-яя! — взревел Конан. — Кром и Воля!

Он схватил Секиру Варуны, висевшую у луки седла. Она запела и засверкала, когда он крутанул ее над головой. Не от всякой секиры был бы прок в кавалерийской атаке, но эта прямо-таки жила в руке, она была остра и страшна и, казалось, жаждала боя.

Долина уже близко. Конан помчался галопом. Его всадники следовали за ним. Бегущие пехотинцы немного поотстали, однако скоро они вновь догонят своих товарищей. Теперь нужно было следить за вражескими стрелами.

Со стрелой в горле рухнул с коня тайянский всадник и прокатился несколько футов по земле, вздымая пыль. Конан заметил это краем глаза. Он знал этого человека, они когда-то вместе выпивали, обменивались шутками у погасших лагерных костров под полночным небом. Киммериец слыхал о его жене, детях, о его старой матери. Но что с того? Никому Кром не дает большего, чем мужество умереть с отвагой.

Вот уже копыта стучат по плитам дороги. Конан натянул поводья, смиряя бег вороного. Его всадники сомкнулись рядом со своим вождем, глядя на коней, доспехи, шлемы, опущенные пики стигийской кавалерии, превосходящие их численностью в десять раз.

Однако стигийцы не могли атаковать их все одновременно, стесненные горными склонами и откосами с их скальными обломками, колючими кустарниками и мышиными норами, весьма опасными для непривычных к горным террасам лошадей.

И снова Конан завертел Секирой над головой.

— В атаку! — взревел он и дал жеребцу шпоры.

Враг помчался рысью ему навстречу и наконец перешел в галоп. Стук копыт гремел, заглушая непрерывный рокот барабанов. Знамена, султаны, плащи развевались от стремительной скачки. Высоко поднялись щиты, пики взяты на изготовку. И чем ближе сходились люди и животные, тем больше они казались размером.

Дарис, следуя приказанию Конана, держалась за ним. Фалко прикрыл расстояние между ними, положив пику поперек холки своего гнедого.

С громовым ревом битва началась.

Острье пики было направлено в грудь Конана, защищенную кольчугой, — его хотели выбросить из седла. Но прежде чем пика коснулась киммерийца, Секира перерубила древко. У стигийца не было никакой возможности обнажить клинок. Удар Конана перерубил его шею. И непроизвольно киммерийца пронзила мысль о том, что этот человек, кем бы он ни был, имел честь пасть от Секиры Варуны — первым за пять сотен лет.

Фалко пробил горло нападающему, опустил пику, выхватил саблю из ножен, поднял щит и встретил так следующего врага. Конан раздробил череп лошади, ее всадник упал под копыта. Фалко отразил удар меча и при этом отсек пальцы грозившей ему руки. О штурмовом натиске теперь не могло быть и речи. В тесной мешанине схватились противники, они наносили удары, кололи, разбивали, взмахивали звенящей сталью, ревели, хрюкали, визжали, стонали, ругались, истекали кровью и потом.

С высоты своего огромного боевого жеребца Конан все время краем глаза наблюдал за тем, как развивается битва. Как и ожидалось, тайянским всадникам пришлось тяжело со стигийскими кавалеристами, однако едва горец спешился, и он становился вдвое более опасным, а его животное блокировало врагу продвижение вперед. И вот в битву устремились тайянские пехотинцы, смуглые и чернокожие.

К ним уже катились боевые колесницы, в них летели стрелы. Лошади, возничие, даже

тяжеловооруженные солдаты падали. За дело взялись кинжалщики: дико завывая, они перерезали подпруги и упряжь, вскакивали на колесницы и закалывали находившихся там людей. Теперь в битву вступили все боевые силы тайянцев.

Конан видел ряды стигийцев на много миль, извивающиеся, как змея с перебитым хребтом.

— Бэлит! Бэлит! — кричал он, ни на мгновение не давая отдыха своей Секире.

— Сенуфер! — крикнул Фалко и взмахнул саблей, как косой.

Они очистили пространство вокруг себя, оставив кучу изувеченных тел и истекающих кровью раненых. Тем временем к солнечному стягу и сверкающей Секире присоединились сотни тайянцев. Они пробили узкий коридор в рядах стигийской кавалерии. Шар Сакумбы летал по кругу вокруг своего владельца так стремительно, что видно было лишь сплошное мерцание. У него был свой хитрый прием: он наносил удар всаднику по колену или лошади в нос, а затем, пока его жертва на миг цепенела от боли, вонзал кинжал, который держал в левой руке.

Внезапно Конан обнаружил, что перед ним больше нет противников. Он огляделся. Повсюду были тайянцы — они рассыпались цепью, карабкались через трупы стигийцев. Воодушевленные, они испускали свой боевой клич — волчий вой, стряхивали кровь с клинов. Некоторые перевязывали своих раненых товарищей, кое-кто оплакивал погибших, остальные преследовали по склону бегущего врага — они двигались куда быстрее усталых лошадей, спотыкающихся на крутой горной тропе.

Немного поодаль пустые колесницы загромождали дорогу. Несколько из них были перевернуты, и охваченные паникой лошади волокли их за собой. В значительном отдалении от отряда Конана царил рукопашный бой — повстанцы набросились на стигийскую пехоту. Звенело и гремело оружие, вопли разрывали воздух. А между яростной схваткой и баррикадой из колесниц стоял непоколебимо стигийский полк, окруженный валом трупов павших тайянцев. Этот полк прикрывал золотую колесницу, и над головами солдат разевался змеиный стяг.

Конан знаком подозвал к себе товарищей: Дарис, Фалко и Руму, командира авангарда. Он хотел мстить за клан Фарази.

— Это, должно быть, отборный королевский отряд, — сказал варвар, указывая на стигийцев. — Надо полагать, его лейб-гвардия и, без сомнения, часть армии Шуата, хорошо знающего эту местность. Неожиданное нападение не могло смять таких солдат, как эти. — Он нахмурил лоб. — Я думаю, здесь мы победили большей частью потому, что враг не подготовился по-настоящему ввести в бой свою кавалерию и колесницы. Естественно, их пехотинцы также значительно стеснены в своих действиях, но, если они соберутся, то смогут отбросить назад наших необученных солдат.

— Что нам делать? — спросил Рума.

Конан бросил взгляд на горцев. Громовой хохот вырвался из его груди.

— Нападать, — ответил он. — Прорвать стену защиты вокруг короля; тех солдат, что не будут убиты, обратить в бегство, насадить голову Ментуфера на копье и носить ее всем напоказ. И если это не лишит стигийцев желания сражаться, то я ничего не понимаю в войне.

Фалко испустил ликийский крик, подбросил саблю в воздух, поймал и, полный надежды, взмахнул клинком.

Дарис смотрела встревоженно.

Если мы попытаемся сделать это, и нам не удастся... — пробормотала она. Я боюсь... Я знаю моих людей... тогда степным пожаром пронесется среди тайянцев, что Секира твоя не настоящая, — и тогда может так статься, что они побегут.

— Но ведь это подлинная Секира! — вскричал Рума. — И Конан — избранник Митры!

Киммериец обхватил оружие обеими руками.

— В этом я сам больше не сомневаюсь, — сказал он спокойно. — Так что, собираем

воинов?

Это заняло какое-то время и потребовало много криков, пронзительных звуков горна, призывов. Люди короля наблюдали за этим равнодушно, в плотно сомкнутом строю, с натянутыми луками. Рукопашная схватка за их спиной продолжалась. Тут и там ломались стигийские отряды под написком тайянцев. Иногда королевские гвардейцы отбрасывали назад подбегавших слишком близко мятежников, которые после этого присоединялись к другим отрядам. Конан немного поднялся по холму, чтобы лучше видеть. Да, сказал он сам себе, если мы сейчас не свалим их короля, стигийцы смогут собраться и перестроиться, и это принесет им победу.

Но он позаботится о том, чтобы до этого не дошло. Конан поскакал вниз. Он не чувствовал ни усталости, ни боли, хотя в больших количествах получил легкие повреждения. Он весь пылал радостью боя. Единственным его желанием было разнести в клочья все, что стояло между ним и Бэлит.

Он, Дарис и Фалко были последними из конного отряда Таити, кто еще оставался в седле. Его жеребец мог достать своими копытами кого угодно, в то время как всадник на его спине работал оружием; но если случится так, что конь погибнет, Конан может сражаться и пешим. Главное — Секиу он ощущал продолжением самого себя.

Тайянцы были готовы — не регулярный полк, но дикая орда, однако, возможно, именно поэтому не менее опасны. Гордо разевались знамена Дарис. Конан вновь взял на себя командование. Как маяк, горела его секира. Он дал вороному шпоры. Загремели по камням копыта. Рысь перешла в галоп. Стигийцы опустили пики и положили стрелы на тетиву.

Внезапно Конана пронзила сильная боль. Как будто миллионы раскаленных добела игл вонзились в его кожу, вены, плоть. Он точно заживо горел. Желудок свело страшной судорогой. Мускулы сокращались без всякой его воли и едва не ломали кости. Черной пеленой застипало глаза. Угрожающий грохот потряс его слух. Гнилостный запах, словно прилетевший из древних склепов, ударил ему в ноздри. Сердце стучало, как безумное, кузнецким молотом в груди, и он уже был близок к смерти.

Секира выскользнула из его рук и, звеня, упала на плиты мостовой, а вслед за ней и он рухнул с коня, перевернулся и скорчился от боли на земле на глазах своих воинов. Испуганные, они остановились.

Дарис позабыла о солнечном стяге, который тоже упал в пыль. В отчаянии она бросилась рядом с Конаном на колени и хотела положить его голову себе на колени, но он в агонии бился так сильно, что она не решилась подойти ближе.

— Конан, Конан, что с тобой? — спрашивала она дрожащим голосом. — Ради Митры, скажи мне! Это я, Дарис! Дарис, которая любит тебя!

Он слышал ее еле-еле, как будто ее голос доносился сквозь шум урагана, но в муке и ужасе, державших его в плену, не находил для нее ответа.

Тайянцы забеспокоились. Они опустили оружие, дрожа всем телом. Раскрыв рты, они уставились на Конана.

Рума потряс копьем над головой.

— Будьте наготове! — взревел он. — Горе тому, кто попробует удариться в бегство! Разорву собственоручно!

Фалко поднялся в седле, взмахнул саблей и хрюплю поклялся:

— Или я сделаю это за тебя, Рума!

Слезы Дарис текли на лицо Конана, исказенное страданием.

— Вернись, — молила она, — приди в себя. Я зову тебя... во имя... во имя Бэлит, вернись назад, к Бэлит.

Несмотря на бушевавший в нем ад, он слышал ее. Что-то пробудилось в нем: каким-то образом мог он вновь вспомнить, понимать и говорить. Но каждое вымученное им слово само по себе было страданием и стоило ему чудовищного напряжения:

— Сам... виноват... встретил... Рахибу... в Птейоне... Могла меня... и... взяла... платок... с моей... кровью... с собой... и...

Сказать что-то еще он был уже не в состоянии. Он скорчился от непереносимой боли и захрипел.

Один из тайянцев заверещал и бросился бежать. Рума швырнула в него копье, и человек рухнул на землю. Побелев, Фалко подъехал к нему, чтобы добить и избавить от мучений. Горцы роптали, однако остались стоять где стояли. Стигийцы взирали на них с насмешкой.

И тогда неожиданно над змеиным стягом взмыло вверх что-то сверкающее. Это была бронзовая боевая колесница, без колес и лошадей, и в ней стояла женщина. Прозрачные, как дуновение ветерка, одежды и волосы цвета полночи развевались от быстрого полета. Маленькое зеркальце горело на ее груди. В руках она держала маленькую фигурку, которую тискала пальцами и терзала кинжалом и пламенем. И она смеялась серебристым ясным смехом. Вверх взлетела она, потом опустилась и помчалась прочь.

На много миль смолкли шумы битвы. Тайянцы заскулили. Недолго оставалось ждать той минуты, когда все они, исполненные ужаса, ринутся в бегство.

— Сенуфер! — закричал Фалко.

Конан видел ее сквозь окутавшую его черноту. Она явилась перед ним, как Дэркето собственной персоной, выводящей из подземного царства целый сонм женских духов.

— Рахиба! — застонал он.

Дарис вдруг ощутила рядом чье-то присутствие. Она скосила взгляд. Сакумба!

— Я что слышал, — говорил негр на ломаном стигийском. От ужаса он вспотел, мокрым было даже его обширное брюхо, но голос звучал твердо. — Я видеть, что они иметь чары тела над ним. Его кровь в кукле. Она его мучить. Скоро его убить.

Отчаяние пронзило Дарис.

— Значит, она заранее задумала заманить нас сюда, — тупо пробормотала она. — Чтобы навеки лишить нас нашей веры... О Конан!

Она хотела поцеловать его, страдающего невыразимо, но он так яростно бил вокруг себя руками, что она не поспела.

— Сенуфер, любимая! — кричал Фалко, точно лунатик.

Он развернулся своего мерина и сильно ударил его шпорами. Галопом промчался он по трупам, перепрыгнул через обломки боевых колесниц, устремляясь туда, где в воздухе парила Рахиба на своем колдовском возке. Взгляд Конана прояснился, в одно мгновение боль перестала быть такой невыносимой, и он увидел ее. Не было никаких сомнений в том, что это входило в намерения ведьмы. Конан должен был осознавать, что его предали.

Когда Фалко был уже в пределах досягаемости колдуньи, она дала стигийским лучникам знак не выпускать стрелы. С торжествующим лицом она опустила свой колдовской возок так, что он почти касался дороги. Левой рукой она крепко держала изображение Конана, а правую простерла навстречу юноше, мчавшемуся к ней. Их поцелуй стал бы концом тайянских мятежников. И тогда стигийский солдат принесет Секириу Варуны на алтарь Сэта.

— Фалко! Добро пожаловать, Фалко! — ликовала она.

Всадник остановился перед ней. Одно мгновение смотрел он в ее сверкающие глаза.

Взлетела сабля. Еще миг оставался ведьме, чтобы ощутить сталь в своей груди и закричать. Потекла кровь — в солнечном свете она казалось светящейся, — но ее было мало, как будто боги не хотели запятнать эту красоту. Ему удалось нанести удар точно в сердце. Она упала и теперь

казалась невероятно маленькой. Ее колесница ударила о дорогу.

Фалко оставил клинок в теле убитой. Он схватил куклу и снова ударил гнедого шпорами. Назад, скорее назад!

— Вот, — пробормотал он и сунул фигурку в руку Дарис, потом с опущенной головой медленно отъехал в сторону и слез с коня.

Сакумба громовым голосом подозвал Гонгу. Медик выбрался из толпы мятежников, стоявших с распахнутыми глазами и разинутыми ртами. Солдаты короля бежали, дрожа и крича.

Бесконечно бережно вложила Дарис фигурку в протянутую ладонь Гонги и снова заботливо склонилась над Конаном. Теперь он лежал спокойно и только тяжело дышал. Чернокожий целитель усился рядом с ним на корточки. Он бормотал непонятные слова, сыпал на киммерийца порошок из кожаного мешочка, тряс своими погремушками и размахивал посохом. Спустя короткое время улыбка осветила серьезное лицо Гонги. Его соплеменники, которые попадали вокруг на землю, поднявшись, принялись размахивать своим оружием и вопить: «Ваконга мутузи!»

Конан широко открыл глаза и сел.

— Мне снова хорошо, — пробормотал он удивленно, как человек, исцеленный от тяжелого недуга.

— Ведьма мертва, — сказала Дарис сквозь слезы, — ты вновь свободен.

Гонга вынул кинжал, сделал надрез на своем запястье и уронил несколько капель крови на изображение, тут же поглотившее их. При этом он бормотал заклинания. Конан поднялся. Он чувствовал себя так, будто проспал целую долгую ночь и теперь встает, чтобы выпить воды из чистого горного ключа.

Гонга что-то сказал Сакумбе, который тут же перевел это для Конана на «лингва франка».

— Он дал тебе часть своей собственной силы, дабы излечить недуг, которым тебя поразили. Он не сможет сражаться, пока не отдохнет, но куклу избавит от зла, сделает чары бессильными и уничтожит их.

Громовой хохот вырвался из груди киммерийца.

— У меня тоже остались здесь кое-какие дела! — Одной рукой он обнял Дарис, другой обхватил обширную талию Сакумбы. — Верные друзья мои, я никогда не смогу вас достойно отблагодарить и никогда не забуду, что вы для меня сделали!

Он поднял Секиру и вскочил в седло.

— Вперед! — загремел он. — Джихан!

Его люди восторженно взревели. Не обращая внимания на поющие вокруг стрелы, они последовали за своим вождем.

Опережая их по всей дороге, где схватились в смертельной битве враги, летела весть о том, что Секира и стяг вновь вознесены к небу. С новыми силами тайянцы бросились на противников.

Предсказание не говорило с очевидностью ни о том, что Конан убьет короля Ментуфера, ни о том, что Рума сразит в бою ненавистного Шуата. Оба этих стигийских военачальника пали в огромной рукопашной схватке, и только боги знают о том, чья рука принесла им смерть. Конану было довольно и того, что Секира со свистом крушила врагов направо и налево. Он был счастлив видеть, как на копье несли коронованную голову и как бегут разбитые стигийцы.

Ни слова в осуждение не сказал он Фалко, который все это время просидел на обочине, отвернувшись и безудержно плача.

Глава двадцатая

Месть Бэлит

Крылатую Ладью выкатили из укрытия, и теперь она качалась на волнах в гавани Сейяна. Шесть человек стояли на пристани. Хотя в городе бурлила обычная суeta, никто не решался подойти к друзьям ближе, потому что перед разлукой им хотелось побывать наедине.

Солнце еще не встало над восточными горами, но небо над ними уже мерцало бледным золотом, оставаясь на западном горизонте темно-синим. В холодном воздухе над Стиксом растекался туман, скрывая в молочной белизне темную воду. С западных склонов журча стекал Хелу.

Конан совсем не мерз, хотя кроме туники на нем ничего не было. На поясе висели кинжал и широкий меч в ножнах. Прекрасной была Секира Варуны, когда он протянул ее Авзару.

— Теперь она твоя, — сказал Конан, — и пусть всегда она хранит Тайю.

— Дай Митра, чтобы она не понадобилась нам скоро, — отозвался вождь.

Но этого можно было не опасаться. Вместо того чтобы попытаться выдержать осаду (без сомнения, надолго бы эти попытки не затянулись), стигийский гарнизон в Сейяне сдался. Теперь, безоружные и под конвоем, солдаты шли назад, в Стигию. Жирный сатрап был отправлен вместе с ними после того, как выкупил себя, отдав все богатства, что выжал из этой страны. После поражения при деревне Рашт королевская армия Стигии долго еще не оправится. Кроме того, было общеизвестно, что новый король Ктесфон никогда не разделял захватнических планов своего отца.

— Вам или вашим потомкам придется когда-нибудь вновь бороться за Тайю, — заметил Конан. — Луксур не признает надолго вашу независимость.

Авзар принял Секиру.

— Это верно, однако какое это имеет значение, если мы действительно свободный народ? Мы могли бы, без сомнения, уже сейчас найти поддержку в Кешане, Пунте или в другой соседней стране, имеющей основания не доверять Стигии.

Парасан, верховный жрец, выглядел не таким счастливым.

— Я только опасаюсь, что это разорвет нашу последнюю связь с цивилизацией, — сказал он. — Мы превратимся в расу варварских кланов.

Конан пожал плечами:

— Ну и что? Может это покажется грубым, но за свободу не жалко заплатить любую цену? И если уж совсем честно, лично я не вижу от цивилизации никакого проку.

— Дело твое, — пробормотал старик. — Я могу только надеяться, что солнце Митры вновь прольет на нас свои лучи и не лишил нас милости. Да будет с тобой его благословение, сын мой, за все, что ты сделал для нас. Пусть твой путь будет безоблачным, а возвращение радостным.

Сакумба слушал эту беседу лишь отчасти. Возможно, последние слова жреца он слегка недопонял, потому что ухмыльнулся от уха до уха, сильно хлопнул киммерийца по спине и рявкнул:

— Да, когда я буду на Черном Побережье, я закачу для тебя праздник на неделю, Амра!

Прозвище, которым Сакумба и его люди наградили Конана, означало на их языке «Лев».

— Я заранее рад, — заверил его киммериец. — Бэлит и я будем частыми гостями субанцев. — Он вновь стал серьезным. — Но как бы я ни рвался к ней, мне так тяжело прощаться с вами, быть может, навсегда. Дарис...

— Да? — Она отвернулась от Фалко, с которым тихо беседовала.

— Мне будет не хватать тебя куда больше, чем я могу выразить словами, — хмуро проговорил Конан. — Желаю, чтоб все у тебя было хорошо.

— И я тебе. — Она подошла к нему и взяла могучие руки варвара в свои. Взгляд, который она послала ему, был тверд, и губы ее улыбались. Вчера вечером они поговорили наедине, а сегодня ей надлежит быть дочерью Авзара.

— Я хотела бы, чтобы мы с тобой прожили наши жизни вместе, — сказала она. — Но я знаю, что это невозможно, ибо ты избрал себе уже женщину. Я... я найду мужчину, который будет таким же сильным и добрым, как ты, и буду радоваться детям, рожденным от него. И для него будет честью дать нашему первенцу имя Конана. А наша первая дочь... — Ей так и не удалось подавить слезы. — Могу ли я назвать ее Бэлит?

Они обнялись.

Не много слов было сказано еще, прежде чем Конан и Фалко ступили на борт. Почти беззвучно скользнула волшебная Ладья в реку, и густой туман скрыл ее.

При свежем ветре море сверкало сапфирами. Однако «Тигрица» отходила от белых утесов острова Акбет на веслах. Она делала это потому, что так у нее оставалось больше возможностей для маневра. Капитан хотел получше рассмотреть ладью, приближавшуюся к ним на горизонте.

Безусловно, чужеземными выглядели металлические обводы, голова рептилии на носу судна. Парус явно был лишь дополнительной тяговой силой. Но если корабль первоначально не был оснащен мачтой, то где, в таком случае, весла? Хотя корабль имел в длину добрых пятьдесят футов, похоже было, что управляли им всего два человека. И казалось, эти двое совершенно не испугались, когда галера помчалась прямо к ним. Напротив, огромный мужчина на рулевом весле (оно выглядело таким же дополнением, как и парус) направил свой корабль прямо ей навстречу, насколько у него получалось орудовать рулем.

Да, рослый человек, с бронзовой кожей, черными волосами, гибкими движениями хищника... Бэлит показалось, что сердце ее вот-вот разорвется.

— Конан! — закричала она. — О Иштар, мой любимый вернулся!

Она взяла себя в руки и велела ликующим пиратам сушить весла, чтобы Ладья могла пристать к борту. Киммериец забросил трос с крюком, забрался по нему и перевалился через борт на палубу. Вихрем влетела Бэлит в его объятия.

Поцелуй их был долгим и жарким. Пьяные от счастья, смотрели они друг на друга, а потом взгляд Бэлит скользнул по палубе. Только теперь она увидела молодого человека, которого привел с собой Конан. Плечи ее непроизвольно поникли, и слова с трудом сорвались с губ:

— Значит, Джихана с тобой нет.

— Нет, — ответил Конан. Голос варвара звучал твердо. — Он... он там, куда уходят те, кто пал героем. Там, где ему место.

Бэлит закрыла глаза. Когда она снова открыла их, у нее достало сил прошептать:

— Значит, ты можешь рассказать мне о нем? Это уже много. — Она ненадолго замолчала, потом добавила: — То, что ты вернулся, — это уже больше, чем я смела надеяться.

— Я расскажу все, когда успокоишься, — сказал Конан. — А сейчас познакомься с моим отважным товарищем, Фалко из Кирджахана в Офире.

Бэлит протянула руку молодому человеку:

— Добро пожаловать! Если это вам я обязана тем, что мой муж вернулся живым, то я и все, чем я владею, в вашем распоряжении.

Фалко покраснел.

— Ты говорил мне, что она красива, — вырвалось у него, — но не говорил, как она

прекрасна! И ты не предупреждал, что она добра! Я был бы счастлив, если бы мне когда-нибудь вполовину так повезло в любви.

Киммериец улыбнулся. Хорошо, что мальчик не грезит больше по ведьме. Это доказывает, что здоровые зерна дали ростки.

Но улыбка скоро пропала — у Бэллит впереди многое печали.

Там, где «Тигрица» стояла на якоре, полная луна окрасила воду и остров серебром. Бок о бок стояли на палубе Конан и Бэллит, одни. Все остальные спали после оглушительного празднества.

Глаза Бэллит были все еще красны от слез. Обеими руками вцепилась она в релинг, неподвижно уставилась в темное море и произнесла голосом, звеневшим, как ее клинки, выходящие из ножен:

— Покойся с миром, мой брат. Ты будешь отомщен. В залах Дэркето поднимется такая суматоха, какой там не видывали.

— Ты не думаешь, что дух Джихана могли успокоить потеря провинции, армии, короля и двух верховных чародеев?

Бэллит кивнула:

— Разумеется, у него всегда была нежная душа. Но не у меня. Моя жажда мести еще не утихла.

Варвар вздохнул:

— Я так и думал. Ну, покуда боги нам позволяют, будем пускать ко дну стигийские корабли и жечь их берега, чтобы память о нас осталась навеки. — Он остановился. — Может, этого тебе покажется мало. Что скажешь насчет того, чтобы вломить со всей силы? Это развеет твою печаль?

— Да, о да! — прошептала она. Она повернулась к нему и бросила на него испытующий взгляд.

— Я представляю это себе так, — начал он. — Стигийцы, разумеется, сняли блокаду, как только им стало ясно, что мы ушли от них, поднявшись вверх по течению.

В темноте мы с Фалко проплывали мимо Кеми. Мальчик заверял меня, что страж в гавани не интересуется кораблями, плывущими в сторону моря, однако я на всякий случай предпочел защиту темноты, чтобы никто не мог разглядеть, что за корабль у нас. Несмотря на кромешную тьму, мы сумели увидеть, что в гавани стоит флотилия. Мне показалось, что ее не очень хорошо охраняют. Команда по большей части находится в городских казармах, надо полагать, или вообще в отпуске. После всего, что случилось в Тайе, там все еще должно царить некоторое смятение, а ведь стигийцы никогда не были по-настоящему морским народом. Но в случае войны эта флотилия могла бы иметь очень большое значение. Потеря ее разрушила бы все планы завоеваний, которые, возможно, все еще существуют, вторжение в Офир, к примеру.

Бэллит схватила Конана за руку. Ее ногти впились в его руку до крови, но ни тот, ни другая этого не заметили.

— Клянусь богами смерти! Мы, с одной только нашей галерой. Ты считаешь, это возможно?

— У меня есть план. Очень простой. Ты же знаешь, я не мастер на всякие трюки. Поговорим об этом завтра, когда ты успокоишься. — Несмотря на боль в глазах подруги, Конан не мог удержаться от своего грубоватого юмора. — Мы могли бы еще утопить Крылатую Ладью. Она виновата во многих злодействах, теперь от нее больше проку нет. И не хватало еще, чтоб она угодила в руки какого-нибудь подлеца. Хочешь, сделай это сама.

Стигийцы держали в бухте Кеми одно патрульное судно. Это был легкий корабль, сравнительно быстроходный, как на веслах, так и под парусом. Если не считать личного оружия команды, корабль не был вооружен, а его матросы не отягощали себя доспехами. В их задачу не

входило, в конце концов, отражать атаки пиратов или захватчиков. Да и кто посмел бы нападать на Черный Город? В случае настоящей опасности сигнал трубы мог призвать военные корабли, однако до сих пор этого ни разу не требовалось. В общем и целом задача патрульного заключалась только в том, чтобы следить за входящими судами и не допускать контрабандистов и вообще кого-либо без надлежащего письменного дозволения.

Вскоре после захода солнца патрульный корабль вышел из гавани, чтобы окликнуть чужое судно, приближавшееся с запада. Это был баркас с закругленными носом и кормой. Такие обычно идут с более крупными судами в качестве вспомогательных либо тащатся на буксире с более маленькими. Резкий ветер наполнял четырехугольный парус и тащил баркас против течения реки и движения прилива, между мысов.

До восхода луны оставалось еще много времени.

— Ахой! — взревел стигийский сигнальщик с трубой. — Причаливайте! Мы осмотрим вас!

— Будет сделано! — ответил глубокий голос на том же языке, но с откровенным акцентом. Парус опустили, корабль снизил скорость.

Когда патрульный подошел ближе, стигийцы увидели на скамьях для гребцов примерно полдюжины человек. Все они были негры за исключением огромного силача на руле. Хотя он был облачен в кафтан, сплошь забрызганный морской пеной, и закутан в бурнус, все же можно было разглядеть, что он принадлежит к белой расе.

— Прошу, господа! — крикнул он. — Мы бедные матросы. Наш корабль сел на риф и потонул так быстро, что лишь очень немногим удалось прыгнуть в спасательную лоханку. Будьте к нам милосердны и дайте нам воды и чего-нибудь поесть. Доставьте нас на землю.

— Вам должно быть тем не менее понятно, что мы обязаны вас задержать, пока наш обыск не будет закончен, — крикнул капитан патрульного в рупор. — Откуда вы идете?

— Мы с аргосийского парусника. Его жадюга-владелец нахватал себе в команду кого попало. Это — кущиты. Я из Ванахайма.

До капитана доходили об этой северной стране лишь невнятные слухи, но он знал, что варвары в поисках приключений и счастья часто забредали весьма далеко.

Кроме того, он испытывал презрение цивилизованного человека к такого сорта бродягам. А у этого, на руле, совсем не осталось высокомерия, еще бы, после таких-то испытаний. Да и товарищи его жалобно просили питьевой воды.

— Идите, — приказал капитан, — приставайте бортом, потом поднимайтесь, чтобы я мог вас лучше видеть.

— Слушаемся, господин.

Огромный северянин забрался на борт патрульного и перевалился через планку между рядами весел, оказавшись на передней палубе, где его ждали капитан и сигнальщик. Его товарищи следовали за ним.

— Пожалуйста, воды!

— Терпение, терпение, — остановил их стигиец. — Вы получите ее, как только ответите на мои вопросы.

Быть может, это его шанс узнать, что творится на белом свете. В это сумасшедшее время, пока король Ктесфон разбирается, что к чему, важные господа неплохо платят за информацию. Однако — и это тоже весьма вероятно — капитану доставляло удовольствие видеть, как унижаются перед ним эти обезьяны.

— Спасибо... спасибо, господин, — прохрипел великан, приближаясь. — Пусть боги отплатят вам, как вы того заслуживаете.

Меч вылетел из-под его одежды. Сигнальщик упал с рассеченным черепом. Это было последним, что капитан увидел в своей жизни. Чернокожие тоже повышаскивали теперь доселе

спрятанное оружие. А из-под опущенного паруса выскоцило еще несколько негров.

Схватка получилась короткой. У пиратов были все преимущества — внезапность, сноровка в такого рода делах и свирепость.

— Отлично! — похвалил Конан. — Выбросьте убитых за борт, перевяжите раненых. Н'Гора, ты со своими людьми возвращаешься назад.

Старший офицер Бэлит, который немного понимал стигийский, передал приказ Конана. Баркас поднял парус и пошел в сторону моря. Если бы кто-нибудь наблюдал за этой сценой, он бы решил, что этому судну всего лишь не разрешили вход в гавань. С несколькими матросами и Конаном в качестве капитана патрульное судно, как обычно, пересекало бухту.

Прошло совсем немного времени, и показалась черная галера, украшенная носовой фигурой в виде хищной кошки. Патрульный корабль двинулся ей навстречу, и какое-то время оба судна стояли борт к борту. Без сомнения, присутствие галеры привлекло к себе внимание прибрежного патруля, а также тех, кто охранял суда флотилии. Однако они, естественно, видели только то, что патрульный обыскивает галеру. Совершенно очевидно, охрана была удовлетворена осмотром, ибо вновь пришедшее судно эскортировали прямо к королевскому пирсу. При этом гребцы на обоих кораблях сильно налегали на весла. Быть может, на борту галеры был дипломат соседней страны или какой-либо дальней державы, желавшей улучшить старые связи или завязать с могущественной Стигией новые? А может, она привезла назад кого-нибудь из агентов верховного чародея?

Конан вернулся на «Тигрицу». Бэлит снова была рядом с ним. Они стояли рядом на носу, и Конан осматривался по сторонам. Звездный свет мерцал на темной воде. Его было довольно для острых глаз, привыкших к киммерийским лесам, кушитским джунглям, горным озерам. По бакборту был виден Стикс, рассекающий ночные камни в самом конце своего пути, на котором ему доводится пробегать по стране, где живет — и мечтает? — Дарис. Перед ними съежился во тьме город, где Конан попал в плен и содержался в неволе. Угрожающим чудищем смотрел на них Кеми немногочисленными окнами, где мерцал еще слабый свет. Поблизости, под Большой Пирамидой, спали белые, как кости, каменоломни, где, будучи рабом, трудился Джихан, до тех пор, покуда киммериец не помог ему обрести свободу. У Конана появилось странное чувство, что все это только начало долгой войны, которую он обречен вести против древнего ужаса.

Он заставил себя сосредоточиться на том, что видел. Стигийские галеры стояли на якоре носом к набережной. Их мачты отчетливо вырисовывались на фоне звезд, обводы терялись в тени. Один-два фонаря одиноко тлели на каждой палубе. Неподалеку на суше находилась казарма, и там, без сомнения, жило много моряков, но пройдет какое-то время, прежде чем их разбудят, да и тогда они, совершенно ясно, не смогут сравниться в быстроте с варварами.

— Пора, — сказал Конан и натянул свой длинный лук. Под палубой открыли горшки, где тлели угли. Патрульный корабль шел теперь вдоль набережной. Несколько человек, отосланных Конаном, вернулись на «Тигрицу», и корабль медленно дрейфовал. Тихо плескали весла, позвякивал металл, слышен был шепот.

Фалко зажег наконечник стрелы, обмотанный промасленной тканью. Пламя высветило в темноте его молодое лицо, когда он поднял стрелу.

— Что ж, Конан, — сказал он, — первый выстрел твой.

— Нет, — возразил киммериец, — Бэлит.

Королева Черного Побережья взяла стрелу и положила ее на тетиву своего лука. Она прицелилась, и зажигательный снаряд метеором пронесся по воздуху. Конан, Фалко, а за ними и вся пиратская орда сделали то же самое.

Высущенная солнцем смолистая древесина загорелась быстро. Там, где вонзилась стрела, тут же вспыхивало адски-голубое пламя. Его треск был похож на первый крик только что

вылупившегося орленка, простирающего когти, требующего еды, взмахивающего крыльями. Высоко взлетало пламя от носа до кормы, освещая воды, несомые Стиксом в море. Оно шипело, как змея, готовая напасть на свою добычу. С одного края королевского пирса до другого ходила «Тигрица». И все новое и новое пламя вылетало с ее палубы, поражая врагов Бэлит. Ветер разметал искры, сея зерна новых пожаров.

Стигийцы мчались гасить пожар, но уже слишком поздно спасать флотилию. Им удалось лишь отвести в безопасное место торговые корабли и рыбакские лодки, находившиеся в это время в гавани. Никто не осмеливался подойти к галере, маневрировавшей на самой грани светового круга.

Закончив свою миссию, «Тигрица» ушла назад, в море. Позади осталась бухта Кеми, подобная охваченному бурей кровавому озеру. Конан велел спустить весла и поставить парус, и галера повернула на север.

Киммериец спустился по трапу к Фалко.

— Следующее, что мы сделаем, парень, — сказал он хриплым голосом, — это высадим тебя в Дан-Марке, дадим побольше золота с собой, чтобы ты добрался до дому с удобствами.

С неприкрытым почтением взглянул на него молодой человек.

— После того... после того, как я расскажу мою историю и она достигнет дворца, — запинаясь выговорил Фалко, — ты всегда найдешь друзей при королевском дворе Офира.

— Спасибо, — отозвался Конан. — В один прекрасный день это может оказаться весьма полезным, так же как и дружба с тайянцами. Вдруг мне придется в одиночку идти по Стигии? Кто знает, что ждет нас впереди? Смерть в чужой земле? Трон и царство? Или всевозможные переделки, лежащие между смертью и троном? — Он пожал плечами. — Все, что я делал с тех пор, как ты меня знаешь, я делал ради моей подруги.

На верхней палубе радостно смеялась Бэлит.

notes

Примечания

Негритянская деревня.

В оригинале — kilt — юбка шотландского горца.

Мантикора — чудовище с отвратительным человеческим лицом на свиных плечах, с орлиными крыльями и хвостом скорпиона.

Фордуны — снасти стоячего такелажа, удерживающие сзади и с бортов стеньгу или бромстеньгу.

Менгир — отдельно стоящий камень.